This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4180.855
И. А. Срезневск. № 215

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, КОМЕДІИ, ПУТЕШЕСТВІЯ И СТИХОТВОРЕНІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, КОМЕДІИ, ПУТЕШЕСТВІЯ И СТИХОТВОРЕНІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ТОМЪ IX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина Давыдова.

1859.

Digitized by Google

Sum 4180.855

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 14 1958

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 31 октября, 1858.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

Digitized by Google

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ.

РОМАНЪ

Т. Ч.

I.

ПЕРВЫЙ ВЫѢЗДЪ.

Лѣнивая память нечаянно стряхнула пыль съ моихъ воспоминаній; изъ-за тучи неясныхъ образовъ, изъ толпы знакомыхъ и незабытыхъ лицъ выглянули—Мимиша и Ниночка. Я знала ихъ; я часто встрѣчалась съ ними; вниманіе мое дѣлилось между ними поровну; я занималась почти равно ими обѣими. Не могу слѣдить за ними, не хочу раскрывать ихъ жизни передъ вами, не рѣшусь указывать вамъ, какимъ путемъ, куда привела ихъ жизнь; обманули ли ихъ надежды, подшутила ли надъ ними судьба, или только ихъ не замѣтила, и что съ ними, и гдѣ онѣ—я не знаю. По тому назадъ—очень-давно, впрочемъ,—Ниночкѣ было пятнадцать лѣтъ, а Мимишѣ шестнад-

Digitized by Google

цать; я видѣла ихъ въ самую улыбающуюся эпоху ихъ жизни, и се-то мнѣ хочется описать: имъ предстояло вступленіе въ свѣтъ, имъ готовился первый балъ.

Первый балъ—это улыбка женской жизни. Потомъ жизнь оттолкнетъ насъ или протянетъ намъ руки, покажетъ влали счастье, а вблизи испытанія, порой досадныя, смѣшныя, порой тягостныя, горькія; но тутъ она только улыбается: она ничего не даетъ и ничего не обѣщаетъ; ея улыбка безотчетна и безусловна. А между-тѣмъ къ юному сердцу прививается непонятное веселье, и льются радужныя мысли въ юную голову!

Глафира Юрьевна рѣшилась «вывесть въ свѣтъ» свою Ниночку въ то самое время, когда Пелагея Андреевна взяла Мимишу изъ пансіона. У Глафиры Юрьевны деревня, и не помню сколько тысячъ десятинъ земли. Господскій домъ стоитъ на полугорѣ; дряхлый мостикъ переброшенъ чрезъ мутный ручей, снисходительно названный рѣчкою. Пестрый цвѣтникъ, нѣсколько вишневыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ красуются передъ окнами. Между деревьевъ часто мелькаетъ розовое платьице и соломенная шляпка Ниночки. Глафира Юрьевна не могла разстаться съ дочерью, и потому воспитала ее дома. Учители и гувернантки смѣнялись у нея поочередно; наконецъ воспитаніе кончилось. Ниночка говорила по-французски, играла на фортепьяно нѣсколько варьяцій Гюптена и одну изъ фантазій Черни, танцовала съ дивительною граціозностью и живостью. Только

Digitized by Google

рисованье шло неуспѣшно: Глафира Юрьевна хотѣла, чтобъ Ниночка продолжала брать уроки въ этомъ искусствѣ, но для бо́льшаго успѣха перемѣнила учителя. Такимъ образомъ Евгеній Семеновичъ, молодой человѣкъ, по окончаніи курса, «искавшій кондицій», попалъ въ домъ Глафиры Юрьевны. Ниночка гуляетъ въ саду, посматривая по-временамъ на окна Глафиры Юрьевны. Въ рукахъ у нея давно-желанный «Le Pére Goriot». Она его очень искусно похитила со столика Глафиры Юрьевны, пронесла въ садъ, скрывъ подъ чернымъ тафтянымъ передникомъ, и теперь пріискивала мѣсто менѣе-видное изъ оконъ, чтобъ предаться запрещенному чтенію.

— Барышня, Нина Александровна! пожалуйте-съ къ маменькѣ! закричала горничная, отворивъ садовую калитку.

— Ахъ, Боже мой! ахъ, Дуняша! воскликнула Ниночка, блѣднѣя.

— Что это вы, барышня?

— Ничего, ничего! Ниночка спрятала «Goriot» подъ передникъ:—Гдѣ маменька?

— Въ гостиной-съ.

Лицо Ниночки вмигъ просвѣтлѣло.

— Слава Богу! сказала она, подпрыгнувъ на одномъ мѣстѣ.—Дуняша, душенька, отнеси эту книгу въ спальню и положи на столъ такъ, чтобъ никто не видѣлъ. Зачѣмъ это зоветъ маменька, не знаешь?

— Да ужъ пожалуйте-съ.

— Иду, иду! Что, маменька, сердится?

Digitized by Google

— Не замѣтила что-то-съ.

— Зачѣмъ же бы это?.., Скажи Евгенію Семенычу, что пора урокъ давать.

И Ниночка вбѣжала въ гостиную.

— Вы звали, мамаша?

— Да; знаешь зачѣмъ?

— Вѣрно, потому... что... что я еще не брала урока.

Глафира Юрьевна улыбнулась и отрицательно покачала головою.

— Нѣтъ?.. такъ зачѣмъ же, мамаша?

— А вотъ зачѣмъ: черезъ недѣлю въ нашемъ городѣ балъ...

— Ну, мамашенька!

— Мы тамъ будемъ, Ниночка. Это твой первый выѣздъ; я не считаю выѣздами тѣхъ вечеровъ, на которые я почти принуждена была тебя брать. Ты ребенкомъ была еще, а теперь ты, взрослая дѣвица!

— Ахъ мамаша!

Ниночка поцаловала у ней руку.

— А какое же платье будетъ?

— Бѣлое, Ниночка.

— Да, мамаша, бѣлое, тарлатановое, со складочками.

— Хорошо; пусть и со складочками.

— Нина Александровна, пожалуйте на урокъ; Евгеній Семенычъ дожидаются, приговорила Дуняша, показавшись въ дверяхъ.

— Сейчасъ. Такъ черезъ недѣлю, мамашенька?

Digitized by Google

— Иди же, Ниночка. Не заставляй ожидать себя.

— Мамашенька, только тарлатановое, со складочками! твердила она, уходя и оборачивая назадъ свою головку.

Евгеній Семеновичъ давно уже перечинилъ карандаши, положилъ два бѣлые листа на столъ, порылся съ минуту въ тетради моделей и вынулъ нѣсколько пейзажей.

— Я бы хотѣла лучше рисовать головки, сказала Ниночка, поглаживая рукою свои волосы.

— Вѣдь вы начали видъ Saint-Cloud.

— Мнѣ надоѣлъ Saint-Cloud.

— Какъ вы непостоянны!

Евгеній Семеновичъ подвинулъ къ ней начатый пейзажъ; Ниночка улыбнулась и съ видимою лѣнью принялась за работу. Евгеній Семеновичъ сталъ тушевать плащъ какого-то трубадура. Черезъ пять минутъ онъ поднялъ голову— Ниночка не рисовала. Ея темные глаза устремились задумчиво вдаль, и тонкая улыбка пробѣжала по розовымъ губкамъ. Она была прехорошенькая. Бѣлокурые волосы, зачесанные гладко и спускавшіеся двумя локонами за уши, удивительно шли къ этому нѣжному, почти дѣтскому личику. Евгеній Семеновичъ гораздо-охотнѣе рисовалъ бы ее, нежели своего трубадура.

— Вы никогда не окончите Saint-Cloud, сказалъ онъ, смѣясь.

— Очень можетъ быть, отвѣчала Ниночка съ разстановкою.

Digitized by Google

— Вотъ прекрасно! я шучу!

— А я говорю серьёзно.

— Я что-то не понимаю васъ; вы сегодня загадочны, вы о чемъ-то думаете.

— Можетъ-быть... Послушайте, Евгеній Семенычъ, порисуйте за меня.

— Какъ можно! въ этомъ пейзажѣ и такъ мало вашей работы.

— Будьте добренькимъ, когда васъ просятъ, Евгеній Семенычъ, M. Eugène! прибавила она, понизивъ голосъ и сложивъ руки съ мольбою.

— Да вы-то что будете дѣлать? спросилъ онъ, подвигая къ себѣ бумагу и нагибаясь, чтобы скрыть легкую краску, выступившую на щекахъ.

— Я буду думать, мечтать... Ахъ, вы не знаете, какъ весело!

— Что́ же такое?

— Во-первыхъ, сказала она таинственно: я ѣду на балъ.

— И это васъ такъ тѣшитъ? вѣдь вы не разъ бывали на вечерахъ.

— Эти вечера, Богъ знаетъ что́. Вотъ балъ — другое дѣло! Не забудьте, что это первый балъ, что послѣ него я стану выѣзжать.

— То-есть стану восхищать?

— О, я этого не думаю!

— Напрасно!

— Я разсержусь. Я совсѣмъ не то хотѣла вамъ сказать. У меня будетъ бѣлое тарлатановое платье со складочками. Не знаю только, что́ бы на голову надѣть. Я бы хотѣла какой-нибудь темный

Digitized by Google

цвѣтокъ или зелень; мамаша вѣрно захочетъ, чтобы я надѣла букетъ розъ или васильковъ: вотъ будетъ досадно! Только ужъ лучше бы васильки, а не розы.

— Отчего же?

— Знаете ли, это такъ обыкновенно. Многимъ это не нравится.

— Кому же, напримѣръ?

— Многимъ изъ дамъ...

— А изъ мужчинъ?

— Тоже, Вотъ, на-примѣръ, Вирскій. Ахъ, какъ онъ мило танцуетъ мазурку! а вальсъ—чудо! Онъ такъ смѣялся, на вечерѣ у тётеньки, надъ страстью нашихъ дамъ къ розовому...

— Такъ вы хотите одѣться по его вкусу?

— Совсѣмъ нѣтъ; это мой вкусъ тоже. Я бы хотѣла съ нимъ танцовать мазурку.

— Такъ, какъ у тётеньки?

— Вотъ злой! Не можетъ забыть, что я пропустила одну фигуру.

— Не одну.

— Вы несносны! Вы замѣтили его профиль?

Евгеній Семеновичъ пожалъ слегка плечами и кашлянулъ нетерпѣливо.

— За что вы сердитесь?

Ниночка взяла карандашъ.

— Нина Александровна, не угодно ли вамъ продолжать вашъ пейзажъ?

— Постойте. Я хочу попробовать...

Послышались тяжелые шаги Глафиры Юрьевны, и дверь широко растворилась. Ниночка пос-

Digitized by Google

пѣшно схватила пейзажъ; палецъ къ губамъ, и карандашъ ея осторожно сталъ двигаться по бумагѣ.

— Сегодня ты прилежнѣе, Ниночка; работа идетъ успѣшно, какъ вижу, сказала Глафира Юрьевна, заглядывая ей изъ-за плеча.

Ниночка покраснѣла и бросила лукавый взглядъ на Евгенія Семеновича.

Онъ опустилъ глаза.

— Я немного сегодня сдѣлала, мамаша: но и подольше посижу за урокомъ, проговорила она въ очищеніе своей совѣсти.

— Нѣтъ, ты сегодня занималась предовольно; ты гораздо-лучше теперь рисуешь.

Не успѣла дверь плотно затвориться за Глафирой Юрьевной, какъ Ниночка быстро пододвинула рисунокъ свой Евгенію Семеновичу.

— Опять? Нѣтъ, это ужъ слишкомъ.

— Да немножко только. Вотъ ужъ недобрый!

— Это ни на что непохоже!..

— M-eur Eugène!

Евгеній Семеновичъ взялъ карандашъ

— Вотъ теперь мы опять друзья. Поѣзжайте на балъ, Евгеній Семенычъ!

— Зачѣмъ?

— Мнѣ будетъ веселѣе.

Глаза Евгенія Семеновича заблистали: но онъ важно поклонился и сдѣлалъ неимовѣрное усиліе, чтобъ произнесть холодно:

— Очень-благодаренъ!

Digitized by Google

— Признайтесь, что́ вамъ тогда говорилъ Вирскій послѣ мазурки?

— Что вы лучше всѣхъ танцуете.

— И только...

— Онъ, можетъ-быть, думалъ что-нибудь болѣе, даже гораздо-болѣе...

— Богъ знаетъ что́!

Ниночка покраснѣла и стала поспѣшно собирать тетради.

Евгеній Семеновичъ, глядя на нее, улыбался.

— Зачѣмъ вы спрашивали? сказалъ онъ.

— Та́къ... Кажется, два часа?

— Да!

— Merci pour la leçon.

Ниночка кивнула головкою, Евгеній Семеновичъ поклонился, оба пошли къ дверямъ.

— Поѣзжайте же на балъ.

— Хорошо, можетъ-быть, поѣду.

— Не можетъ-быть, а непремѣнно...

И Ниночка исчезла за дверью.

Всю недѣлю Ниночка была необыкновенно весела. Разъ десять въ день бѣгала она къ Дуняшѣ смотрѣть ея работу и находила, что она шьетъ ужасно-медленно.

— Ахъ, Дуняша! будетъ ли готово?

— А зачѣмъ прежде не сказали?

— Я тебѣ подарю что-нибудь.

— Покорно благодаримъ-съ. Кажется, можно для васъ постараться и безъ этого, Нина Александровна.

— То-то будетъ весело, Дуняша!

Digitized by Google

Потомъ она подбѣгала къ роялю и, закинувъ слегка назадъ головку, играла вальсъ живой, упоительный. Мысли ея уносились далеко-далеко, летѣли быстро, касаясь всего и ни на чемъ не останавливаясь. Не разъ измѣнялся тактъ, то удвоиваясь быстротою, то затихая и прерываясь. На щекахъ Ниночки загарался румянецъ; она оставляла рояль, быстро кружилась по комнатѣ и упадала на стулъ, едва переводя дыханіе и смѣясь звонко, беззаботно. Иногда въ дверяхъ появлялась фигура Евгенія Семеновича; тогда Ниночка бѣжала къ нему навстрѣчу со словами:

— Евгеній Семенычъ, сдѣлайте со мною одинъ туръ; вы чудесно вальсируете!

Евгеній Семеновичъ оживлялся, чувствуя ручку Ниночки на своемъ плечѣ, облеталъ стрѣлой залу, и оба хохотали какъ дѣти, Евгеній Семеновичъ былъ счастливъ, Ниночка весела; Глафира Юрьевна удивлялась ихъ охотѣ танцовать безъ музыки, а Ниночка восклицала:

— Да это превесело, мамаша; а вотъ когда будетъ весело, въ воскресенье!

Потомъ она обращалась къ Евгенію Семеновичу:

— Вы чудесно танцуете вальсъ, точно Вирскій, говорила она:—но мазурку онъ лучше танцуетъ Никто такъ не танцуетъ мазурки, какъ Вирскій.

Евгеній Семеновичъ хмурился, иронически улыбался и на цѣлые три часа впадалъ въ отчаянный байронизмъ. Но Ниночка не замѣчала: ей надо было примѣрять платье, выбрать перчат-

Digitized by Google

ки, придумать прическу и поспорить съ Глафирой Юрьевной о цвѣткѣ.

Насталъ желанный вечеръ. Ниночка напѣвала мазурку, одѣваясь, и смѣялась, слушая лесть Дуняши. На столѣ стояли бѣлые атласные башмачки, маленькіе, кокетливые. Ниночка любовалась ими, осматривала со всѣхъ сторонъ и не могла ими натѣшиться. Вотъ она нагнулась, стала надѣвать ихъ; башмаки узки; ножка Ниночки не входитъ... Ниночка начинаетъ сердиться. Однако она сдѣлала страшное усиліе, потянула башмачекъ, ножка взошла, но ей больно, ей нестерпимо-больно!

— Дуняша, какъ ты думаешь, они разносятся?

— Не знаю-съ.

— Лишь бы я могла танцовать въ нихъ! Ниночка съ трудомъ встала со стула.—Очень-можно! сказала она, прихрамывая.

Ей захотѣлось сдѣлать па мазурки: па вышло не совсѣмъ удачно, но она была имъ довольна.

— Даже могу танцовать балетъ, сказала она, быстро повернувшись на самыхъ носкахъ. Кракъ! кракъ!.. и башмакъ лопнулъ. Ниночка съ отчаяніемъ опустилась на стулъ и закрыла глаза. Часы пробили девять, а балъ назначенъ ровно въ восемь. Ниночка заплакала. И въ-самомъ-дѣлѣ ужасно! всѣ лучшіе кавалеры будутъ уже имѣть дамъ, и ей придется танцовать Богъ-знаетъ съ кѣмъ, или не танцовать вовсе. Глафира Юрьевна надѣваетъ беретъ съ райскою птицею; ло-

Digitized by Google

шади давно ждутъ у подъѣзда. Ниночка отерла слезы, взглянувъ на Дуняшу. которая тщательно заштопывала башмакъ, и вскрикнула отъ радости. Все было прекрасно поправлено. Тарлатановое платье со складочками довершило ея восторгъ; она улыбнулась зеркалу, поправила зеленую вѣтку, прикрѣпленную за ухомъ къ свѣтлымъ волосамъ, съ забавною важностью присѣла передъ Дуняшею и побѣжала къ Глафирѣ Юрьевнѣ, которая уже цѣлый часъ посылала своему трюмо самые умильные взгляды и не могла надивиться своей величественной осанкѣ и яркости красокъ райской птицы, качавшейся во всѣ стороны отъ малѣйшаго движенія ея головы. Черезъ пять минутъ шумно заперлись ворота за каретой, быстро уносившей Ниночку и Глафиру Юрьевну къ дому Благороднаго Собранія.

Прежде нежели знакомая намъ карета остановится у подъѣзда, я успѣю сказать нѣсколько словъ о Мимишѣ и Пелагеѣ Андреевнѣ. У Мимиши были каштановые волосы съ легкимъ золотистымъ отливомъ, едва-замѣтный румянецъ на худощавыхъ щекахъ, небольшіе голубые глазки и талья удивительно-тонкая. У Пелагеи Андреевны былъ маленькій домикъ о четырехъ окнахъ на улицу и нѣсколько кустиковъ резеды въ крошечномъ палисадникѣ. Когда Пелагея Андреевна овдовѣла, Мимишѣ было десять лѣтъ. Есть лица совершенно-безцвѣтныя, характеры совершенно ничтожные, и между-тѣмъ эти ничтожес-

Digitized by Google

ство выкупается проявленіемъ невольнаго сознанія его. Такова была Пелагея Андреевна. Потребность чужой воли, необходимость посторонняго вліянія высказывались въ ней во всѣхъ случаяхъ ея жизни. Ея безусловная покорность прихотямъ Мимиши дѣлала ее пятидесятилѣтнимъ ребенкомъ: она была смѣшна и трогательна, сама того не понимая. Похоронивъ мужа, она отдала въ наемъ свой домикъ, отвезла Мимишу въ лучшій пансіонъ и сама туда же вступила въ качествѣ классной дамы. Сначала пансіонерки боялись ея: въ-самомъ-дѣлѣ, черный ситцевый капотъ съ бѣлыми цвѣточками и черный тюлевый чепецъ придавали нѣчто грозное лицу ея. Но скоро всѣ къ ней привыкли. Шалости пансіонерокъ, повелительный тонъ содержательницы пансіона, проходили ею незамѣченные: съ ней былъ ея кумиръ—ея Мимиша!... На зарѣ поднималась Пелагея Андреевна, разглаживала пелерипочку Мимиши, замывала чернильныя пятна на ея передникѣ и платьѣ, перечинивала ея перья, сшивала тетради и даже нерѣдко дѣлала ей сюрпризы, то-есть переписывала заданный урокъ, или докапчивала переводъ. Всякій вечеръ Пелагея Андреевна приходила въ дортуаръ, останавливалась у кроватки Мимиши и качала умильно головою; оборки чернаго чепца шевелились, губы шептали несвязныя слова. Полусонныя пансіонерки, приподнявъ головки, говорили ей: «полно любоваться; мы спать хотимъ!» Пелагея Андреевна смущалась и уходила, потому-что она не молилась

Digitized by Google

надъ кроваткою дочери, потому-что молитва была далека ея мыслей въ эту минуту, потому-что въ ея шопотѣ только слышались слова: «какая ты хорошенькая, Мимиша, какая ты интересная!»

И Мимиша привыкла думать, что она интересна, стала болѣе стягивать свою талію, носить узенькіе башмачки, ходить по залѣ граціозно покачиваясь. Она была дружна съ княжною М..., съ графинею Г..., съ маленькою баронессой К... Она хотѣла одѣваться, какъ онѣ, и Пелагея Андреевна находила особенную отраду въ исполненіи этой невинной прихоти. Наступилъ день выпуска. Князь... далъ для дочери своей пышный балъ; Пелагея Андреевна увезла Мимишу въ свой маленькій домикъ. Его незатѣйливое убранство горестно поразило Мимишу; мать обняла ее, всхлипывая и восклицая: «еслибъ ты была богата!» Мимиша стала мечтать о богатствѣ. Пансіонскія тетрадки, серьёзныя книги, пяльцы съ начатою работою— все было заброшено. Она разсѣянно читала французскіе романы, полулежа на единственной кушеткѣ, по цѣлымъ часамъ глядѣлась въ зеркало, придавая лицу то задумчивое, то горделивое выраженіе, и старалась усвоить себѣ улыбку пренебреженія. Но чаще всего она думала о томъ, что въ маленькомъ домикѣ никто не бываетъ, что палисадникъ съ резедой наскучилъ ей, что гдѣ-нибудь, на балѣ, на-примѣръ, она бы могла встрѣтить молодаго человѣка, прекраснаго, умнаго и—главное, богатаго, что она могла бы любить его и быть имъ любимой, и выйдти за

Digitized by Google

него замужъ, сдѣлаться богатою, и тогда... О, тогда сколько нарядовъ, какія экипажи, какія лошади! ливрея гороховаго цвѣта съ серебромъ.. или лучше темно-зеленаго... впрочемъ, насчетъ цвѣта она еще не рѣшилась. Судите же о мечтахъ Мимиши, когда Пелагея Андреевна вышивала ей золотомъ бѣлое креповое платье къ первому выѣзду! Поздній вечеръ засталъ старушку за работою, а Мимишу на кушеткѣ, небрежно перебирающую свои локоны. Это было за четыре дня до бала. Пелагея Андреевна приподняла голову и стала протирать глаза.

— Зачѣмъ такъ долго работать, maman? сказала Мимиша, потягиваясь и зѣвая отъ скуки и лѣни.

— Кто же кончитъ? Вѣдь надо торопиться...

— Да, это правда maman. Какъ вы думаете, хорошо я буду одѣта?

— Лучше всѣхъ. вотъ увидишь. Тебя скорѣе примутъ за знатную, чѣмъ твою княжну М... Ты такая distinguée, такая интересная!..

— Такъ вамъ кажется, maman; что-то другіе скажутъ!

— Развѣ глупые, да завистливые этого не скажутъ. Теперь здѣсь много военныхъ и молодыхъ помѣщиковъ; какъ они всѣ будутъ возлѣ тебя увиваться!

Мимиша улыбнулась. Напѣвая французскую кадриль, она стала танцовать вторую фигуру передъ Пелагеею Андреевною.

— Красавица ты моя! принцесса!..

Digitized by Google

Глаза старушки блеснули слезою: она засмотрѣлась; золотая нитка запуталась въ ту минуту, когда она протягивала иголку сквозь крепъ. Мимиша бросилась къ пяльцамъ.

— Ахъ, Боже мой, можно ли это дѣлать! сказала она.—Лучше бы вы не вышивали такъ долго. Все перепутано; листокъ послѣдній совсѣмъ кривъ...

— Я распорю его, Мимиша.

— Чудесное платье, измятое, изорванное... воображаю, какъ хорошо!

Пелагея Андреевна разсердилась.

— За чѣмъ же вы сами не вышивали? сказала она.

— Прекрасно! Лучше не ѣхать на балъ, чѣмъ слышать упреки! И Мимиша заплакала горько. Пелагея Андреевна поблѣднѣла.

— Что́ я тебѣ сказала? чего тутъ плакать? воскликнула она, прибирая пяльцы и видимо смущаясь.—Тутъ вовсе пороть не придется!.. Вотъ, хочется быть блѣдною, съ тусклыми глазами; такая никому не понравится.

— Я не думаю нравиться, произнесла сквозь зубы Мимиша, отнимая платокъ отъ глазъ.

— Ну, полно? Ты такая у меня слабая — сейчасъ заболѣешь и, вмѣсто бала, въ кровать. Лучше танцовать!

— О, я буду много танцовать!

Мимиша задумалась.

Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.

Она была съ утра какъ въ лихорадкѣ...

Digitized by Google

Въ-самомъ-дѣлѣ, она вынесла мучительную лихорадку: ей все казалось, что платье дурно, цвѣтокъ не къ-лицу, перчатки велики, волосы не вьются... Десять разъ она принималась плакать и тотчасъ же улыбалась. Пелагея Андреевна сама ее одѣвала. Она видѣла, что одѣванье дочери нескончаемо, и пыталась заняться своимъ туалетомъ въ промежуткахъ между расчесываньемъ локоновъ и шнурованіемъ корсета. Но едва она отходила, какъ раздавался жалобный голосъ Мимиши:

— Maman! да куда это вы дѣлись?

И Пелагея Андреевна бѣжала къ ней изо всѣхъ силъ съ криво-надѣтымъ чепцомъ или незастегнутымъ платьемъ. Княжна М... обѣщала заѣхать съ матерью, чтобъ взять ихъ въ свой экипажъ; всякій стукъ заставлялъ ихъ вздрагивать. Но платье надѣто. Мимиша остановилась передъ зеркаломъ и прищурила глазки, погнула свою талію направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо, лѣниво опустила головку—въ волосахъ у ней дрожали розы безъ зелени, выдвинула слегка узенькій носокъ бѣлаго башмачка, еще разъ окинула себя взглядомъ и вздохнула.

— Ну, что если я не буду танцовать! произнесла она, съ ужасомъ всплеснувъ руками.

— Ея сіятельство просятъ васъ пожаловать: онѣ-съ дожидаются у воротъ, проговорилъ ливрейный лакей, вбѣжавъ.

— Зачѣмъ же не въѣхали во дворъ? сказала Пелагея Андреевна.

Digitized by Google

— Лошади пугливыя-съ; ея сіятельство боятся и не приказывали въѣзжать.

— Вѣдь сегодня дождь шелъ; какъ ты пойдешь, Мимиша?

— Mais c' est affreux! воскликнула Мимиша:— шагай теперь по грязи!

— Что жъ дѣлать? не оставаться же намъ. Allons.

— Ишь ты! на княгиню сердятся, что не въѣхала! сообщилъ лакей кучеру, подмигнувъ ему лѣвымъ глазомъ и шумно закидывая подножку.

Поѣхали. Дорогой Пелагея Андреевна говорила о невыгодѣ сидѣть на передкѣ и тревожилась, что Мимиша пріѣдетъ въ измятомъ платьѣ; княгиня отворачивалась, глядѣла по сторонамъ и произносила изрѣдка односложные отвѣты; княжна думала о томъ, съ кѣмъ она будетъ танцовать мазурку; Мимиша дрожала и глядѣла съ замираніемъ сердца на освѣщенный подъѣздъ, у котораго только-что остановилась карета Глафиры Юрьевны.

Когда Пелагея Андреевна вошла съ Мимишей въ уборную, Глафира Юрьевна охорашивалась передъ зеркаломъ, а Ниночка, съ улыбкою на устахъ и нетерпѣніемъ во взорѣ, смотрѣла на стеклянную дверь, ведущую въ залу.

— А! это вы, почтеннѣйшая Пелагея Андреевна? сказала Глафира Юрьевна, кивая важно головой и отходя отъ зеркала: — Вы съ дочкою въ собраніе!

Digitized by Google

— Да, взяла изъ пансіона, такъ хочу чтобъ ей не скучно у меня было.

— И я съ своею... Ниночка, venez ici! Вотъ, рекомендую: она у меня провинціалка...

Ниночка присѣла передъ Пелагеею Андреевною, не сводя глазъ съ завѣтной двери; Пелагея Андреевна окинула взоромъ ея простенькій нарядъ, примолвивъ: «очень-мило!» потомъ оглянулась въ ту сторону, гдѣ стояла Мимиша, и сдѣлала ей знакъ рукою.

— А вотъ мою позвольте представить вамъ, Глафира Юрьевна!

Мимиша граціозно поклонилась.

— Полюбите мою Мимишу, продолжала Пелагея Андреевна, подводя ее къ Ниночкѣ.

Новыя знакомки протянули церемонно другъ другу руки и обмѣнялись наблюдательнымъ взглядомъ.

— Прекрасное платье у вашей mademoiselle Marie, сказала Глафира Юрьевна, завистливо осматривая Мимишу съ головы до ногъ.

— Такъ, что-нибудь, лишь бы... отвѣчала Пелагея Андреевна смиренно, но съ сіяющимъ лицомъ—знаете, стараешься, чтобъ и она была не хуже другихъ въ свой первый выѣздъ.

— А я Ниночку попроще нарядила: она еще такъ молода у меня. Двоюродная сестра моя, графиня С..., говоритъ, что въ первый выѣздъ, кромѣ бѣлаго платьица безъ всякой отдѣлки, ничего не надѣваютъ. Такъ принято. Моя Ниночка почти дитя еще...

Digitized by Google

Пелагея Андреевна покраснѣла и бросила злобный взглядъ на Ниночку.

— Мимиша тоже состарѣться не успѣла, проговорила она кусая губы, но спокойнымъ голосомъ — знаете ли, эти петербургскія дамы одѣваютъ своихъ дочекъ дѣтьми изъ экономіи.

Въ свою очередь по лицу Глафиры Юрьевны разлилось пламя. Принявъ уничтожающій видъ и вызвавъ холодящую улыбку на свои полныя губы, она произнесла съ разстановкою...

— Извините, ma chère, лишняя пышность въ нарядѣ молоденькой дѣвочки такъ и отзывается мѣщанствомъ. Впрочемъ, этого нельзя отнести къ mademoiselle Marie; ея платье съ такимъ вкусомъ...

— Да и то, что я говорила объ экономіи... нельзя же вѣдь ловить за слова, что-называется... пролепетала Пелагея Андреевна.

Глафира Юрьевна ничего не отвѣтила.

Дверь распахнулась передъ ними; взоры присутствующихъ остановилась на Ниночкѣ и Мимишѣ, входившихъ объ-руку въ залу Благороднаго Собранія. Легкій шопотъ пробѣжалъ въ группѣ офицеровъ; толстый помѣщикъ, стоявшій у дверей, сказалъ: «гмъ!» и вынулъ золотую табакерку, причемъ глаза его остановились на Мимишѣ. У Ниночки кружилась голова; она машинально усѣлась подлѣ Глафиры Юрьевны. Она думала, есть ли здѣсь знакомыя лица и гдѣ именно искать ихъ; тутъ ли Вирскій, тутъ ли Евгеній Семенычъ, тутъ ли сосѣдъ ихъ съ

Digitized by Google

своимъ сыномъ, хилымъ юношею, презиравшимъ французскую литературу и никогда нечитавшимъ русской, толковавшимъ на каждомъ шагу о прогрессивномъ развитіи многихъ поэтовъ, и о томъ, что онъ вовсе не поэтъ и ничего не знаетъ для міра, что онъ осужденъ влачить свои дни, и такъ далѣе...

— Позвольте просить васъ на первую кадриль!

Ниночка оглянулась. Осужденный влачить свои дни стоялъ передъ нею, натягивая съ мрачнымъ видомъ бѣлую перчатку. Она подала ему руку, вмѣшалась въ толпу, и вдругъ, будто завѣса упала съ ея задумчивыхъ глазъ: она увидѣла Евгенія Семеновича, а подлѣ него Вирскаго, небрежно игравшаго вѣеромъ своей дамы. Во второй фигурѣ Ниночка ласково кивнула ему головкою и сказала, улыбаясь: Bonsoir!

— Съ кѣмъ вы танцуете мазурку?

— Еще не знаю пока.

— Хотите со мною? А также вторую кадриль, хотите?

Bien, произнесла она чуть-слышно и взглянула инстинктивно сначала на Евгенія Семеновича, потомъ на Глафиру Юрьевну; глаза ея сіяли радостью удовлетвореннаго самолюбія. Евгеній Семеновичъ дѣлалъ solo. Глафира Юрьевна улыбалась, слушая любезности отставнаго генерала.

— Какое счастье! подумала Ниночка, и стала танцовать еще съ бо́льшимъ одушевленіемъ.

А что́ дѣлала Мимиша? У Мимиши не было знакомыхъ: вотъ почему она боязливо смотрѣла

Digitized by Google

по сторонамъ. Ну что, если она не будетъ танцовать! Не танцовать въ первый выѣздъ, когда она составила себѣ самое высокое понятіе о счастіи быть замѣченною, когда здѣсь княжна М.., которая имѣла такой успѣхъ въ свое первое появленіе въ свѣтѣ... ужасно! Мимиша недовѣрчиво стала разсматривать свой нарядъ; Мимишѣ казалось, что другія лучше ея одѣты и она кусала слегка поблѣднѣвшія губы. Проходилъ ли мимо кавалеръ, отъискивая свою даму озабоченнымъ взглядомъ, Мимиша вздрагивала. Не къ ней ли?.. А что если къ ней?.. Нѣтъ, онъ идетъ направо... Нѣтъ, къ ней... Кавалеръ остановился у ея стула, подавая руку ея сосѣдкѣ.

Мимиша тревожно стала всматриваться въ толпу. Впрочемъ, кадрили еще не начинались; Ниночка еще сидѣла подлѣ нея, и только нѣсколько паръ кружилось болѣе или менѣе неистово въ вальсѣ. Но вотъ оркестръ сыгралъ первые такты первой фигуры и остановился. Зашумѣли стулья, зашаркали ноги—Мимиша ждала... Толстый помѣщикъ съ золотою табакеркою подвинулся ближе къ ея стулу и смотрѣлъ на нее, открывъ страннымъ образомъ глаза; она не замѣчала.

— Ты не танцуешь первой кадрили! спросила заботливо Пелагея Андреевна.

Мимиша покраснѣла и отвернулась, пробормотавъ невнятно:—не знаю.

— Смотрите, Пелагея Андреевна, какъ на mademoiselle Marie глядитъ Журьба, сказала Гла-

Digitized by Google

фира Юрьевна, обмахиваясь огромнымъ вѣеромъ.

— Кто?

— Вотъ, Журьбу не знаете! Ивана Петровича! Помѣщикъ пребогатѣйшій!

— Мимиша, знаешь, кто на тебя смотритъ? Это..

— Ахъ, maman, оставьте ради Бога!

Мимиша взглянула на Нипочку въ ту минуту, когда та подавала руку своему кавалеру—въ глазахъ у ней потемнѣло: пары стояли по мѣстамъ; пары зашаркали; она перестала всматриваться въ толпу; ее била лихорадка, зубы стучали. Два улана, отдѣлясь отъ танцующихъ, горячо спорили, размахивая руками; одинъ изъ нихъ оглянулся и быстро подбѣжалъ къ Мимишѣ:

— Mademoiselle, permettez... Уланъ щелкнулъ шпорой. Мимиша, не дожидаясь конца фразы: встала со стула съ оживленнымъ лицомъ. Къ концу кадрили ся vis-à-vis пригласилъ ее на «слѣдующую». Потомъ она танцовала съ Евгеніемъ Семеновичемъ и нашла его очень-интереснымъ, потомъ вальсировала съ нимъ и, кончивъ вальсъ, подбѣжала къ Нипочкѣ съ словами:

— Ахъ, какъ онъ мило танцуетъ! Кто это, ma chère? Вы его знаете?

— Вотъ этотъ молодой человѣкъ?

— Да; вы съ нимъ говорили о чемъ-то очень-долго.

— Это мой учитель рисованья.

— Вотъ кто...

И Мимиша перестала имъ восхищаться.

На балѣ былъ гвардеецъ, пріѣхавшій къ род-

Digitized by Google

нымъ на праздники; онъ обратилъ особенное вниманіе на Мимишу — она съ нимъ танцовала мазурку и была совершенно-счастлива. Тягостное впечатлѣніе, произведенное на нее первыми минутами бала, совсѣмъ изгладилось. Ниночка и Мимиша мелькали то здѣсь, то тамъ, окруженныя сіяніемъ невыразимаго блаженства. Ахъ, сколько разъ потомъ, когда многое кончилось для нихъ въ ихъ молодой жизни, когда многое исчезло, и время унесло своей всеувлекающей волною самый слѣдъ прошлаго, онѣ прерывали свое раздумье, чтобъ полушопотомъ обмѣняться словами: Помнишь ли?..—О, да!..»

Когда послѣ утомительной мазурки и еще болѣе утомительнаго галопа, Глафира Юрьевна почти-насильно накинула шарфъ на плеча Ниночки, а княжна М... жеманно взяла подъ руку Мимишу и обошла съ нею залу, отъискивая свою мать, Мимишѣ и Ниночкѣ сдѣлалось невыразимо-грустно. Первая едва-замѣтно кивнула головкою гвардейцу, вторая грустно улыбнулась Вирскому, и дверь за ними затворилась. На другой день обѣ проснулись около двѣнадцати часовъ; легкая блѣдность покрывала ихъ щеки, глаза свѣтились нѣсколько-тукло, движенія были медленны. Глафира Юрьевна еще не встала. Ниночка, задумавшись, грызла брандашъ; Евгеній Семеновичъ, по просьбѣ ея, чертилъ профиль Вирскаго и угрюмо напоминалъ ей, что видъ Saint-Cloud никогда не будетъ готовъ. При малѣйшемъ шумѣ она тревожно вскакивала и вырывала у него на-

Digitized by Google

чатый рисунокъ. Тогда между ними начиналась маленькая борьба: Евгеній Семеновичъ божился, что онъ не станетъ болѣе рисовать «смѣшнаго франта» Вирскаго. Ниночка нахмуривала брови, но чрезъ минуту бѣленькая ручка ученицы ласково опиралась на руку учителя, ея глаза съ любовью смотрѣли ему въ глаза, и серебряный голосокъ произносилъ: «М-г Eugène, я васъ прошу!» Евгеній Семеновичъ смущался и снова начиналъ рисовать профиль Вирскаго.

Въ маленькомъ домикѣ Пелагеи Андреевны, окна въ палисадникъ были отперты, Мимиша лежала на кушеткѣ у окна, лѣниво перелистывая «Фрегатъ Надежда». Посреди комнаты Пелагея Андреевна отряхивала бережно пыль съ ея бѣлаго креповаго платья, тщательно осматривая, не разорвано ли, не запачкано ли. Нѣсколько минутъ длилось глубокое молчаніе, прерываемое легкимъ шелестомъ отряхиваемаго платья; Мимиша взглянула на Пелагею Андреевну.

— Ахъ, maman, вы мнѣ мѣшаете! сказала она.

— Куда же я пойду? Въ спальнѣ тѣсно.

Мимиша захлопнула книжку и приподнявшись на кушеткѣ, облокотилась на открытое окно. Передъ ней стлалась улица съ кривыми домиками съ неровною мостовою, по которой безнаказанно бѣгали куры, роясь у каждаго камня: два жида заботливо шагали, спѣша Богъ вѣсть куда; ревнивый докторъ шелъ медленно объ руку съ своею хорошенькою докторшею; въ отворенномъ окнѣ дома напротивъ, стояла дама большаго роста,

Digitized by Google

съ огромною трубкою въ одной рукѣ и стаканомъ крѣпкаго чая въ другой. Мимиша безсознательно глядѣла на эту знакомую, почти никогда не измѣнявшуюся картину, улыбаясь солнцу, игравшему на крышахъ, дыша радостно свѣжимъ осеннимъ воздухомъ.

— Ты вчера была одѣта какъ принцесса, сказала Пелагея Андреевна, осмотрѣвъ платье и завертывая его въ простыню.

— Да, maman, и я очень-много танцовала, все почти съ гвардейцемъ; правда, maman?

— Какъ же! петербургскій кавалеръ.... Я думаю, другія чуть не умерли отъ зависти, а ты себѣ танцуешь и вниманія никакого на нихъ не обращаешь. Какъ смѣшно, ей-Богу!

— Какой онъ образованный, прелесть!

— Вотъ потому-то и не хотѣлось ему танцовать Богъ-знаетъ съ кѣмъ.

— Ниночка не Богъ-знаетъ кто, maman; а онъ съ ней не танцовалъ ни разу.

— Потому-что видитъ деревенщину: дома воспитывалась. Сама мать называетъ ее провинціалкою — такъ хороша должна быть!

— Она незастѣнчива, однако.

— Бойка, а Богъ-знаетъ, умна ли; гвардеецъ сейчасъ, видно, понялъ; вѣдь онъ изъ столицы, видѣлъ много дамъ хорошаго тона, настоящихъ comme il faut.

— Онъ графъ, maman! Знаете ли что.... (Мимиша улыбнулась). Онъ, можетъ-быть, у насъ будетъ. Онъ спрашивалъ у меня, гдѣ мы живемъ,

Digitized by Google

и говорилъ, что хотѣлъ бы съ вами познакомиться и быть у насъ въ домѣ.

— Право?

— Я ему сказала....

Стукъ дрожекъ прервалъ слова Мимиши. Она слегка покраснѣла, хотѣла убѣжать, но любопытство удержало ее. Она взглянула на улицу: дрожки стояли у воротъ, шаги гостя слышались на ступеняхъ крыльца. Пелагея Андреевна опрометью убѣжала съ платьемъ Мимиши въ свою комнату и чрезъ минуту возвратилась, запыхавшись и завязывая ленты у чепца.

— Кто это? спросила она вполголоса.

— Не знаю, прошептала Мимиша.

Дверь отворилась: въ комнату не вошелъ, а скорѣе ввалился Иванъ Петровичъ Журьба.

— Честь имѣю рекомендоваться, сударыня.... Онъ шаркнулъ ногою и сдѣлалъ три шага къ Пелагеѣ Андреевнѣ. Пелагея Андреевна, съ улыбкою поклонившись, подвинула стулъ гостю; Мимиша прищурилась и посмотрѣла на него черезъ плечо....

II.

ПОСЛѢ БАЛА.

Начинался вечеръ. Мимиша играла andante изъ «Le Fou» Калькбреннера на разстроенномъ, пріобрѣтенномъ Пелагеей Андреевной по случаю ройялѣ, часто сбивалась, невѣрно брала аккорды

Digitized by Google

лѣвой руки, придавала порывистый ходъ пѣнію правой, не замѣчала діэзовъ, забывала паузы. Голова ея часто поворачивалась къ окну и хотя рука исполняла, не переставая, andante, перешедшее уже въ allegretto, неровное и порывистое, но голова думала о многомъ.

— Отчего онъ не былъ? Не-уже-ли забылъ уже приглашеніе, на которое самъ назвался? Онъ однако, долженъ быть въ городѣ: онъ говорилъ, что пробудетъ нѣсколько дней. Что ему помѣшало? что заставило отложить?...

Въ-слѣдствіе этихъ размышленій она быстро встала изъ-за рояля, бросилась къ зеркалу, отъ зеркала къ окну, запѣла вполголоса: «Но если поразмыслить строго», и обернулась къ матери:

— Maman!

— Что?

— Вы опять за работой.

— А тебѣ что же?

— Такъ.

Снова Мимиша подошла къ окну. Улица была очень-оживлена. Двумѣстныя и четвероместныя коляски съ нарядными дамами, красивыя и некрасивыя парочки подъ руку, стремились къ одной общей цѣли—бульвару. Звуки военной музыки неслись съ него прямо въ отворенное окно домика Пелагеи Андреевны. На углу улицы показался кто-то, будто знакомый: походка медленна, лѣнива, голова вяло и разсѣянно оборачивается на стукъ каждаго экипажа, лорнетъ на эластическомъ спуркѣ нехотя берется въ руки и пристав-

Digitized by Google

лается къ глазамъ; потомъ, легкая, ироническая улыбка и пристальный, но холодный взглядъ каждому удаляющемуся экипажу. И онъ туда же, на бульваръ — но не суетливо, не съ желаніемъ найти развлеченіе отъ *непокидающей его хандры*, а отъ нечего-дѣлать, изъ любопытства, и потому, что докторъ *велѣлъ ему гулять послѣ обѣда*. Да, это онъ, въ своемъ гвардейскомъ сюртукѣ; это онъ —Мимиша не ошиблась. Вотъ раздалась Annen-polka, réminiscence вчерашняго бала. Чудная полька! какъ манятъ ея звуки, какъ увлекаютъ за собой еще неуснувшее воображеніе!..

— Maman, мы не пойдемъ на бульваръ?

— А ты бы хотѣла?

— Разумѣется. *Всѣ* тамъ сегодня, и музыка есть: вѣрно гулянье. Смотрите, какъ спѣшатъ.— Говоря это, Мимиша не отходила отъ окна.—Ахъ, maman, княжна въ своемъ фаэтонѣ; вѣрно за мной!

Въ-самомъ-дѣлѣ фаэтонъ остановился подъ окномъ.

— Bonjour, Mimi, сказала княжна.

— Betsy, куда это вы? Bonsoir, madame la princesse.

— Bonsoir. ma petite, отвѣчала княгиня, кивнувъ небрежно головой и зѣвая во всеуслышаніе.

— Мы на бульваръ, Мими; а ты?

— Не знаю.

— Не знаешь? вотъ прекрасно! Музыка играетъ, а послѣ бала кстати прогуляться; я, вѣдь, недавно встала.

Digitized by Google

— А я давно уже. У насъ многіе были въ *первый* разъ...

— И у насъ тоже; только maman никого не велѣла принимать. Пріѣзжай на бульваръ разсказать мнѣ, кто именно. A revoir, Mimi. Maman, велите ѣхать!

Фаетонъ тронулся; сѣрыя лошади, охорашиваясь, пошли мелкою рысью.

— Дура, не могла взять съ собой! проворчала Пелагея Андреевна.

— Боялась измять платье, сказала Мимиша иронически.

— И мать, и дочь—обѣ хороши.

— Что̀ жъ, maman? пойдемъ пѣшкомъ. Смотрите: многіе идутъ.

— А нарядныя-то какія! воскликнула Пелагея Андреевна, выглядывая изъ-за плеча Мимиши.

— Надо хорошо одѣться, maman.

— Что̀ жъ тебѣ достать, Мимиша? Платье тоже самое останется?

— Ка̂къ можно! Дайте сѣрое платье и свѣтло-голубую мантилью; шляпка у меня тоже съ голубымъ...

— А на иныхъ чего не надѣто! Вѣдь ка̂къ пестро! а туда же важничаютъ!..

Говоря это, Пелагея Андреевна энергически щелкнула замко̀мъ и распахнула обѣ половинки шкафа. Разноцвѣтный рядъ платьевъ пріятно поразилъ ея взоры; всѣ они были сшиты, а иныя даже вышиты ея рукой. Съ минуту она ими любовалась, потомъ принялась снимать сѣрое платье. Но рука ея неоставала до вѣшалки; ст-е

Digitized by Google

рушка пялилась, пялилась, поднявшись на носкахъ. Мимиша подошла.

— Вѣдь знаете, что не по росту, а стула не возьмете! сказала она, снимая платье.

— Думала, что достану.

— Вѣчно думаете!

— Ужъ и раскричалась! Одѣвайся, одѣвайся, и пойдемъ.

Черезъ полчаса Мимиша была готова. Пелагея Андреевна надѣвала шляпку.

— А вы-то что̀, maman?

— Мнѣ и такъ хорошо; я старуха.

— И вы пойдете въ платкѣ?

— Гдѣ же взять что нибудь другое, Мимиша?

— Мантильи себѣ не сдѣлаете!

— Да изъ чего же дѣлать, Мими? Я и для тебя съ трудомъ соберусь — такъ на тебя всѣ смотрятъ, замѣчаютъ; а я-то что?

— Да вы хоть платье перемѣнили бы! сказала Мимиша, окинувъ мать внимательнымъ и нетерпѣливымъ взглядомъ.

Пелагея Андреевна побѣжала переодѣваться.

— Ахъ, maman! музыка перестала, можетъ-быть, гулянье кончилось! закричала Мимиша черезъ пять минутъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала Пелагея Андреевна, суетливо отъискивая свои перчатки.

— Сейчасъ, когда уже кончилось! сказала Мимиша печально.

Но опять раздались звуки; хоръ трубачей игралъ изъ «Пуританъ».

Digitized by Google

По бульвару ходили взадъ и впередъ небольшія группы; зеленыя скамейки были заняты то шутливой и наблюдательно-насмѣшливой молодёжью, то плотно-пообѣдавшимъ помѣщикомъ. По срединѣ плавно и кокетливо расхаживали дамы; съ приближеніемъ ихъ, отъ скамеекъ отдѣлялись двое, трое лицъ и приставали къ знакомымъ партіямъ. Ходятъ, ходятъ, говорятъ отрывисто, но безъ умолка, садятся, опять встаютъ, прислоняются къ периламъ, къ деревьямъ, разсматриваютъ другъ друга, и смѣются очень много.

Мими, подъ-руку съ матерью, пошла въ менѣе многолюдную сторону бульвара. Тамъ, на двухъ противоположныхъ концахъ скамейки сидѣли молча: задумчивый Евгеній Семеновичъ и гвардеецъ. Первый смотрѣлъ вдаль и грызъ вѣточку акаціи, гвардеецъ протиралъ лорнетъ пестрымъ фуляромъ. Онъ посмотрѣлъ на кончики сѣренькихъ ботинокъ Мими, потомъ на отдѣлку ея сѣраго платья, цвѣтъ и фасонъ мантильи, величину шляпки, произнесъ сквозь зубы: «недурно!» взглянулъ мимоходомъ ей въ лицо, и слегка приподнялъ фуражку.

Мимиша, краснѣя, отвѣтила на поклонъ; ждала, что онъ встанетъ, подойдетъ, заговоритъ, и, пройдя нѣсколько шаговъ, оглянулась: онъ сидѣлъ неподвижно. Она увлекла мать далѣе. На слѣдующей скамейкѣ сидѣлъ Журьба въ пріятной полудремотѣ. Онъ снялъ съ руки вязаную бумажную перчатку и толстымъ перстнемъ съ

Digitized by Google

огромнымъ сердоликомъ постукивалъ по золотой табакеркѣ. Шелестъ шелковаго платья Мимиши заставилъ его поднять голову; онъ спряталъ табакерку, поднялъ упавшую трость съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ и побрелъ догонять своихъ знакомыхъ.

— Честь имѣю кланяться, сударыня, произнесъ онъ, остановясь передъ Пелагеей Андреевной, приподнявъ мощныя плечи и наклоняя голову, что выражало у него самый почтительный поклонъ.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! воскликнула умильно Пелагея Андреевна.

Мимиша дернула ее слегка за руку.

— Честь имѣю кланяться, сударыня, сказалъ Иванъ Петровичъ, отвѣшивая такой же поклонъ на ея долю.

— Bonsoir, М-г Журьба, отвѣтила она чуть слышно.

— Изволите гулять?

— Да.

— Вотъ на бульваръ пришли, сказала Пелагея Андреевна.

— Какъ же, послѣ бала? спросилъ Журьба.

— Чтобъ забыть бальныя впечатлѣнія, сказала громко Марья Алексѣевна и оглянулась на гвардейца, мимо котораго они проходили.

— Какія же это впечатлѣнія? сказалъ Журьба.

— То-есть, слѣды бала, хотѣла я сказать; усталость, напримѣръ....

Digitized by Google

— Вотъ-съ устали, ножки болятъ, а ходить пришли; какъ же это, Марья Алексѣвна?

И Журьба улыбнулся, посмотрѣвъ на нее слезящимися глазками.

Гвардеецъ помиралъ со смѣху, разсматривая его костюмъ, походку и наружность. Мими видѣла это и краснѣла: негодованіе на дерзкаго насмѣшника, досада на помѣщика, некстати внимательнаго, надрывали ея сердце. И, однако, никогда она еще не была такъ хороша, какъ въ эту минуту: внутреннее волненіе разрумянило ея щеки и оживило глаза.

На другомъ концѣ бульвара показалась соломенная шляпка съ розовыми лентами и бѣлое кисейное платье Нипочки. Она шла, опираясь на руку Глафиры Юрьевны. Смѣсь робости и заманчиваго плутовства, давала необыкновенную плѣнительность ея свѣженькому личику.

— Ахъ! сказалъ Евгеній Семеновичъ, уронивъ вѣточку акаціи и порывисто вставая, чтобъ отвѣтить поклономъ на дружеское киваніе головы Нипочки и Глафиры Юрьевны; потомъ сѣлъ, смущенный, поднялъ вѣточку и задумался, слѣдя восхищеннымъ взоромъ за удаляющимися дамами.

— Gracieuse enfant, произнесъ одобрительно гвардеецъ.

— Можно приблизиться, можно бросить мрачную тѣнь рядомъ съ вашимъ лучезарнымъ сіяніемъ? сказалъ сынъ сосѣда, подходя.

Digitized by Google

— Здравствуйте, Арсеній Ильичъ, отвѣчала Глафира Юрьевна.

— Bonsoir, сказала Ниночка, разсѣянно глядя по сторонамъ.

— Отдохнули ль вы вашей чистой душой отъ вчерашней суеты, мелочности, отъ всего, что васъ тяготило, Анна Александровна?

— Мнѣ было весело.

— Какъ вы снисходительны! чистота ваша невозмутима, m-lle Нина!

— Право, было весело, не прибѣгая къ снисхожденію....

— Вы правы; вся эта толпа не стòитъ, чтобъ для нея вызвать чувство какое бы ни было, даже чувство снисхожденія!

— Я люблю толпу на балѣ, m-r Arsène.

— Толпу на балѣ,— какъ это прекрасно сказано! Да, *толпа на балѣ* имѣетъ глубокое значеніе!

— Нѣтъ, вы смотрите мрачно на жизнь, вмѣшалась Глафира Юрьевна.

— Я не смотрю на нее вовсе, потому что она этого не стòитъ.

— Полноте!

— Не стòитъ, не стòитъ эта смѣсь!

— Какъ можно! прервала Ниночка.

— О, m-lle Nina, вамъ не можетъ нравиться, что вамъ такъ чуждо! Эти жалкіе люди, погрязшее въ ничтожествѣ человѣчество, его безсмысленное веселье, его мелочныя горести, немогутъ внушить вамъ сочувствіе.

Digitized by Google

— Вы строги къ людямъ, m-r Arsène.

— Я воздаю каждому по дѣламъ его.

— Послушайте, Арсеній Ильичъ, надо довольствоваться жизнью, какъ она есть, сказала Глафира Юрьевна. Не надо бѣгать ея удовольствій; не надо гнушаться тѣми изъ насъ, которые васъ не могутъ понять. Вы мечтатель; другіе же живутъ просто.

Ниночка посмотрѣла направо и ускорила шаги, нетерпѣливо играя цвѣткомъ, сорваннымъ ею съ одинокаго розоваго куста у входа. На одной изъ самыхъ дальнихъ скамеекъ сидѣлъ Вирскій; снявъ фуражку съ своихъ свѣтлыхъ волосъ, онъ постукивалъ тоненькой тросточкой по сапогамъ и внимательно смотрѣлъ на мелкіе камешки, усыпавшіе бульваръ. Шорохъ платьевъ нашихъ знакомокъ заставилъ его поднять голову, но онѣ отошли уже на нѣсколько шаговъ впередъ. Ниночкѣ хотѣлось знать, замѣтилъ ли онъ ихъ; она оглянулась, встрѣтилась съ его взоромъ, покраснѣла, улыбнулась и быстро отвернулась, не допустивъ его поклониться. Пройдя еще десять шаговъ, она незамѣтно повернула назадъ.

Вирскій дождался, чтобъ онѣ подошли ближе, и почтительно поклонился.

— Bonsoir, m-r Вирскій, сказала громко Ниночка.

Онъ подошелъ.

— Хотите гулять съ нами? спросила Глафира

Digitized by Google

Юрьевна, которой начиналъ надоѣдать мыслящій Арсеній Ильичъ.

Онъ поклонился еще разъ и пошелъ подлѣ Ниночки.

— Я думала, вы уже уѣхали, сказала она, повернувъ къ нему лицо, сіяющее лукавой улыбкой.

— Лошадей не досталъ, отвѣчалъ онъ громко:—къ лучшему, прибавилъ онъ вполголоса.

— Какъ много гуляющихъ!...

— А вчера на балѣ-то, сказала Глафира Юрьевна: — толпа, рѣшительно толпа!

— Рѣшительно *толпа*! это зло, Глафира Юрьевна! воскликнулъ, значительно улыбаясь, Арсеній Ильичъ.

— Что вы меня ловите за слова? замѣтила она самодовольно.

— Забыли вы вчерашній балъ? сказалъ вполголоса Вирскій своей сосѣдкѣ.

— Нѣтъ, помню, отвѣчала она чуть слышно. Зачѣмъ онъ прошелъ?...

— Будутъ другіе.

— Другіе, но не такой....

— Будутъ лучше.

— Что будетъ лучше? спросила Глафира Юрьевна.

— Балы. Нина Александровна не вѣритъ, что зимніе балы бываютъ многолюднѣе.

— Многолюднѣе, не спорю, но вы говорили *лучше*, замѣтила Ниночка съ намѣреніемъ.

— Ахъ ты, моя птичка! Вотъ и видно нович-

Digitized by Google

ка, сказала Глафира Юрьевна, посмотрѣвъ нѣжно на дочь: — ей кажется, что ничто не можетъ быть лучше перваго бала. Она у меня совершенное дитя!

Они шли мимо учителя рисованья. Глафира Юрьевна подозвала его.

— Евгеній Семенычъ, что вы задумались? спросила Глафира Юрьевна.

— Я? я не думаю, отвѣчалъ онъ разсѣянно.

— Что же вы дѣлаете?

— Смотрю на гуляющихъ.

— Прислать за вами, или вы сами придете? спросила она.

— Приду самъ.

— Смотрите же, не опаздывайте: завтра рано ѣхать! Желаю вамъ веселиться.

— Покорно благодарю.

Онъ отошелъ опять къ скамьѣ и не сводилъ глазъ съ Ниночки. Вдругъ ему показалось, что Вирскій говоритъ что-то съ большимъ жаромъ, что его слушаютъ, закрывая губки цвѣткомъ, и отрицательно качаютъ головкой, и все это дѣлается, пока Глафира Юрьевна говоритъ съ какимъ-то черноволосымъ старичкомъ. Вотъ рука Вирскаго протягивается, Ниночка улыбается, прячетъ розу за себя, опять показываетъ ее, будто дразнитъ, потомъ роняетъ ее нечаянно. Вирскій поднялъ и спряталъ. Ниночка краснѣетъ, смѣется, въ свою очередь проситъ о чемъ-то. Роза, однако, исчезла, перейдя въ руки Вирскаго... Это все очень странно. Евгеній Семено-

Digitized by Google

вичъ старается увѣрить себя, что все это ему показалось.

Глафира Юрьевна сѣла въ коляску вмѣстѣ съ дочерью, Вирскій шелъ съ бульвара, Журьба тяжело садился въ дрожки, трубачи играли послѣднюю пьесу.

III.

ВСЕДНЕВНЫЯ СЦЕНЫ.

Пробѣжали три недѣли. Пелагея Андреевна сидѣла въ своей гостиной съ Журьбой; Мимиша не вышла къ нему, поручивъ матери сказать, что ея нѣтъ дома.

— Нѣтъ дома? Такъ-съ, сказалъ Журьба.—Куда же онѣ изволили уѣхать?

— Къ княгинѣ М... Княгиня ее очень любитъ; и съ княжной онѣ рѣшительно друзья, еще съ пансіона.

— Такъ-съ, такъ-съ, съ пансіона еще... скажите, пожалуйста!..

— Да, ее очень всѣ въ пансіонѣ любили; она у меня очень-добрая и воспитана...

— Ахъ, маменьки, маменьки! нельзя не похвалить!... Впрочемъ, я вамъ не удивляюсь, что вы такъ любите Марію Петровну; я былъ женатъ и, могу сказать, очень любилъ свою покойницу, хотя она была гораздо-хуже Марьи Петровны... Но, разумѣется, время, время заставитъ поза-

Digitized by Google

быть... Не хотите ли табачку?.. Да-съ, точно, иногда странно: мнѣ кажется, что я болѣе жалѣю о своей семейной жизни, чѣмъ о женѣ, хе, хе, хе!

— Это ничуть непредосудительно.

— Да, можетъ-быть, нейдетъ въ мои годы...

— Что у васъ за годы такіе!

— Вы-то такъ судите, а молодые не такъ, сказалъ Журьба со вздохомъ. —Мнѣ, сударыня, знаете сколько? Сорокъ-восемь.

— Что за бѣда!

— Да всѣ ли такъ думаютъ, какъ вы? Я, можно сказать, былъбы счастливъ, еслибъ всѣ... то-есть, еслибъ «нѣкоторыя особы» такъ думали. Эхъ, Пелагея Андреевна, мы-то знаемъ, что и въ наши годы любить можно, и не такъ, какъ любятъ эти бальные вертопрахи!..

Онъ помолчалъ немного и продолжалъ:

Вы меня извините, Пелагея Андреевна, но мнѣ кажется, что Марьѣ Петровнѣ очень нравятся эти вертопрахи, и потому ей не можетъ понравиться такой человѣкъ, какъ я.

— Еще бы! уродъ такой! сказала Миша, слушая ихъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты.

— Напрасно такъ судите, воскликнула Пелагея Андреевна. — Она не вѣтрена и васъ очень уважаетъ...

— Уважаетъ! Уваженіе не значитъ... Вотъ, напримѣръ, если хотите знать, она уѣхала къ княжнѣ, чтобъ меня не видѣть; вѣдь она знала, что я

Digitized by Google

навѣрное приду; вотъ уже три недѣли, какъ я къ вамъ всякій вечеръ хожу.

Онъ улыбнулся.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! вы, право, ошибаетесь. Пожалуйста, не принимайте этого такъ.

— Не могу не принять. Но я не въ претензіи; а только вы меня не увѣряйте, что сорокъ-восемь лѣтъ ничего.

— Ахъ, Боже мой, Иванъ Петровичъ...

— А вы уже обезкуражились, Пелагея Андреевна, хе, хе, хе! Я пошутилъ только.

— То-то. Я васъ увѣряю, что Мими моя ничего къ вамъ такого не чувствуетъ...

— Это-то и бѣда, Пелагея Андреевна, что ничего не чувствуетъ. Не-уже-ли вы во мнѣ ничего не замѣтили?

— Ничего.

— А Марья Петровна ничего?..

— Вѣрно ничего.

— Такъ зачѣмъ же вы меня принимаете?

— Какъ зачѣмъ?

— Да такъ-съ. Вы бы и всякаго встрѣчнаго къ себѣ принимали, и меня бы такъ, какъ теперь, еслибъ я ходилъ сюда безъ добраго намѣренія? Это не хорошо, этого не слѣдуетъ. Можетъ-быть, оно и по модѣ, по будь у меня хорошенькая дочь, я бы не для всякаго отперъ двери. Думаю, что и вы, принимая меня, дѣлали это не съ-проста. Вы во мнѣ не ошиблись, почтеннѣйшая Пелагея Андреевна; спросите у сосѣдей: я человѣкъ не злой, поведенія хорошаго, имѣю и чинъ, и состояньи-

Digitized by Google

це—большую деревню незаложенную; дѣтей жена не оставила... Вотъ вамъ все, что́ знать нужно; рѣшайте меня!

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! да вы меня будто кипяткомъ обдали!

— Чего тутъ кипяткомъ! тутъ не кипятокъ, а честное предложеніе благороднаго человѣка. Понимаю, что вамъ надо съ дочерью поговорить, но думать много, право, не́чего. Или да, или нѣтъ. Завтра вечеромъ приду-съ за отвѣтомъ.

— Я была бы очень счастлива, если бы все уладилось.

— Покорно благодарю. Только не уговаривайте Марьи Петровны. Я надѣюсь, онѣ сами согласятся; кажется, я имъ *не противенъ*. Прощайте, позвольте поцаловать вашу ручку.

Раздался стукъ дрожекъ: вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь спальной, и Мимиша вошла, сверка́я глазами.

— Ахъ онъ противный, дерзкій! Я слышала все. И вы ему не отказали на-отрѣзъ?

— Мими, могу ли я? проговорила Пелагея Андреевна.

— Можете, должны даже. Чтобъ *я* вышла за такого урода... Maman, можно ли?.. Не-уже-ли вы могли это думать, могли этого желать?

— Да́, Мимиша, я бы желала этого.

— Вы бы этого желали! Вамъ все-равно послѣ этого, за кого бы меня ни выдать. Во-первыхъ, прекрасная фамилія—Журьба! Самая аристокра-

Digitized by Google

тическая! У княгини кучеръ изъ ея малороссійской деревни тоже Журьба: кажется, всѣ мужики тамъ носятъ эту фамилію.

Пелагея Андреевна разсердилась.

— Вы ошибаетесь; онъ не мужикъ! онъ помѣщикъ и богатый человѣкъ, а вы-то что? Вы, сударыня, ни гроша не имѣете.

— Прекрасно, maman, защищайте его! Вы готовы разбранить меня за него; вы мнѣ говорите такія вещи!

И Мимиша громко заплакала.

— Мими, я тебя не уговариваю; дѣлай, какъ хочешь, другъ мой, проговорила робко и грустно Пелагея Андреевна.—Но я стара, мой ангелъ; я больная старуха, того-и-гляди умру (продолжала Пелагея Андреевна, всхлипывая). Что же съ тобой будетъ, Мими? Чѣмъ ты жить будешь? Въ гувернантки пойдешь? гдѣ тебѣ! Ты слабая, изнѣженная у меня. Онъ богатъ, Мими, и добрый человѣкъ, будешь имѣть экипажи, балы будешь давать, наряжаться будешь — покажешь этимъ всѣмъ... она протянула руку, чтобы обнять дочь.

— Ахъ, maman!.. Мимиша увернулась отъ объятій и потупила глаза.

— Но, конечно, если ты въ этомъ счастія не полагаешь, если онъ такъ противенъ, что ты не можешь рѣшиться...

— Какая ужасная фамилія — Журьба! сказала печально Мимиша.

— Бываютъ и хуже, мой ангелъ, произнесла Пелагея Андреевна.

Digitized by Google

— Каррикатурная фамилія! воскликнула Мимиша. — И самъ старый, толстый, съ табакеркой... Maman, это ужасно! Не-уже-ли я ничего лучшаго не стòю? Кажется, я на балѣ была не изъ послѣднихъ.

— Изъ первыхъ, дитя мое!

— Кажется, я не менѣе другихъ танцовала. Вы, можетъ-быть, думаете, что я никому не нравлюсь? Еслибъ вы знали, сколько я наслушалась лести, почти объясненій!.. Нѣтъ, maman, вамъ надо торопиться, надо почти вытолкать меня за перваго; а, кажется, я вамъ не успѣла еще надоѣсть: мнѣ еще только семнадцать лѣтъ!..

— Мими, не-уже-ли ты *это* думаешь? Я для твоего счастія...

— Для моего? Никогда не повѣрю... А этотъ старый толстякъ не подумалъ, что онъ будетъ смѣшенъ рядомъ съ семнадцатилѣтней женой. Скажите сами, maman, развѣ я ему пара?..

— Разумѣется, нѣтъ, Мими.

— Видите ли! И онъ смѣлъ сдѣлать предложеніе? это изъ рукъ вонъ: это ни на чтó непохоже! Ха, ха, ха! Я плакала, а здѣсь нужно смѣяться.

— Чтó же я ему скажу?

— Что онъ смѣшенъ.

— Я объявлю ему твой отказъ. Только смотри, не жалѣй же потомъ!

— Вы меня оскорбляете, maman!

Она сѣла за рояль и заиграла громкій вальсъ. Пелагея Андреевна долго глядѣла на нее и грустно качала головой. Въ этой головѣ такъ недавно

Digitized by Google

еще мелькали картины счастливаго быта ми и-шиной будущности, а теперь!..

Мимиша играла и смотрѣлась въ зеркало, висѣвшее на противоположной стѣнѣ: это зеркало отражало ея разгорѣвшееся лицо и оживленный взоръ, неуловимую граціозность нетерпѣливыхъ движеній и слегка-откинутую назадъ головку, съ которой бѣжали на плечи мелкіе локоны. Материнское самолюбіе заговорило подъ ладъ самолюбію Мимиши; Пелагея Андреевна улыбнулась даже насмѣшливо, вообразивъ себѣ толстую фигуру смущеннаго Журьбы, и стала качать головой въ тактъ вальса.

— Ахъ князь! Бетси здорова? воскликнула Мимиша, протягивая руку стройному уланскому офицеру, входившему въ гостиную.

— Сестра кланяется вамъ; она прислала спросить, будете ли завтра у К...?

— Maman, мы будемъ у К..?.. Князь, садитесь!..

— Князь сѣлъ, поклонясь мимоходомъ старушкѣ — и полился разговоръ шутливый, острый, пустой, кокетливый; въ десять часовъ князь взялся за фуражку.

— Что́ вы, въ театръ?

— Нѣтъ, пора домой. Maman вашей спать хочется.

— Князь, вамъ просто скучно? Bonsoir. Скажите, Бетси, что я завтра буду у К..., чтобъ съ ней поговорить. Мнѣ надо посовѣтоваться съ ней объ очень-важномъ...

— О важномъ! Вы выходите за́мужъ?

Digitized by Google

Мимиша покраснѣла.

— Вздоръ! сказала она, слегка пожавъ плечами.

— Не сознаётесь? Такъ это уже слажено?

— Князь, вы несносны!

Мимиша съ досадой отвернулась.

Allons, décidément vous vous mariez! Но вы хорошо дѣлаете, что мнѣ не говорите, прибавилъ онъ вполголоса и грустно улыбнулся.

Мимиша отъ нетерпѣнія топнула ножкой.

Они раскланялись, повторивъ другъ другу: à demain!

Княжна встрѣтилась съ братомъ на лѣстницѣ.

— Гдѣ ты былъ Пьеръ?

— У Мимиши. Вообрази, она выходитъ замужъ и хочетъ завтра сообщить тебѣ эту новость.

— За кого бы! Не-уже-ли?..

И княжна остановилась, опустивъ руки.

— Пьеръ, душенька, если ты знаешь, скажи!

Она подбѣжала къ брату,

— Не все ли равно; за кого? отвѣчалъ онъ.— Пусть выходитъ! Прощай, ma chère, спать хочу!..

— Не-уже-ли?.. повторила еще разъ задумчиво княжна, отворяя дверь своей комнаты.

Всю ночь ей снился гвардеецъ и Мимиша въ вѣнчальномъ платьѣ; но послѣ вечера у К... она значительно успокоилась, изливъ желчь свою въ премилыхъ шуткахъ, которыми обѣ подруги надѣляли за глаза Журьбу, получившаго формальную отставку.

Digitized by Google

Въ деревнѣ Глафиры Юрьевны окно ниночкина будуара было открыто. Ниночка рисовала; подлѣ нея сидѣлъ задумчивый Евгеній Семеновичъ. Въ послѣднее время онъ часто видѣлъ Вирскаго въ домѣ Глафиры Юрьевны, замѣчалъ странныя неровности въ характерѣ Ниночки, замѣчалъ еще многое, и ему становилось грустно. Онъ не любилъ Вирскаго: видъ его тяготилъ Евгенія Семеновича; при этомъ видѣ холодъ налегалъ ему на сердце. Евгеній Семеновичъ уходилъ въ садъ, бродилъ тамъ, къ обѣду являлся молчаливый, а подъ-вечеръ у него разбаливалась голова. Но между-тѣмъ изъ многочисленныхъ гостей Глафиры Юрьевны, Вирскій чаще и привѣтливѣе другихъ заговаривалъ съ Евгеніемъ Семеновичемъ, какъ-будто искалъ сблизиться. Евгеній Семеновичъ былъ благодаренъ за это въ душѣ, но не сближался. Ему часто приходила на память роза, которая незамѣтно перешла изъ рукъ Ниночки въ руки Вирскаго на бульварѣ, и потомъ въ деревнѣ подобныя сцены, повторявшіяся въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Къ-тому же онъ замѣчалъ то прихотливую прическу, то придуманный нарядъ къ пріѣзду Вирскаго; то пьесу Нина твердитъ, которую онъ похвалилъ, то стихи учитъ наизусть, которые онъ прочелъ, а хуже всего—за урокомъ чертитъ то-и-дѣло какой-то профиль, да въ окно все смотритъ на пыльную дорогу.

Такъ и теперь: прошло четверть часа, а Ниночка не сводитъ глазъ съ дороги; Евгеній Се-

Digitized by Google

меновичъ смотритъ на нее грустно-грустно! Сердце его знаетъ, кого ждетъ ея сердце, знаетъ, о чемъ такъ привязчиво думаетъ эта свѣтлорусая головка. А хорошенькая головка, граціозная! Красиво отливаются на ея тонкихъ, мягкихъ волосахъ горячіе лучи солнца, прозрачная кожица щекъ и лба еще прозрачнѣе и бѣлѣе. Боже! вѣдь будетъ же счастливецъ, котораго поцалуй вспыхнетъ на этихъ душистыхъ волосахъ... Бѣдный, бѣдный Евгеній Семеновичъ!

Ниночка взлрогнула, подняла головку и вслушивалась. Вдали звенѣлъ колокольчикъ. Евгеній Семеновичъ его не слышалъ: онъ думалъ, все думалъ. Но колокольчикъ громче; пыль клубится; тройка скачетъ съ горы на мостъ, поворачиваетъ вправо...

— Къ намъ, не-правда-ли, къ намъ, Евгеній Семенычъ? проговорила Ниночка, подымаясь со стула.

Евгеній Семеновичъ не могъ отвѣчать; сердце у него стучало громче, нежели у Ниночки; онъ облокотился на столъ и глядѣлъ въ окно.

— Куда повернули? нетерпѣливо спрашивала Ниночка, дергая его за руку.

— Сюда, отвѣчалъ онъ отрывисто: вѣрно Вирскій!

— Отчего вѣрно?

И Ниночка покраснѣла.

— Оттого, что...

Евгеній Семеновичъ смутился не меньше Ниночки. Они встрѣтились взглядомъ и замолчали.

Digitized by Google

Оба держались за спинки своихъ стульевъ, оба разомъ взглянули въ окно: тройка, гремя, влетѣла во дворъ и остановилась у крыльца.

— Видите ли! сказалъ Евгеній Семеновичъ, показавъ ей рукой на запыленнаго Вирскаго.

Нниочка нагнула голову, потомъ вдругъ звонко засмѣялась.

— Такъ что̀ же? сказала она, прыгнувъ къ дверямъ.—Дуняша, одѣваться! Я до-сихъ-поръ въ капотѣ!

Она оглянулась. Евгеній Семеновичъ печально подбиралъ рисунки и модели, сброшенные на полъ ея быстрымъ движеніемъ. Ей сдѣлалось грустно.

— M-r Eugène, послушайте...

Онъ остановился и поднялъ глаза.

— Вы *мнѣ* говорите? спросилъ онъ холодно.

— Да̀... нѣтъ... я забыла, что̀ хотѣла вамъ сказать.

И она убѣжала переодѣться.

— Обсудили ли вы все, Андрей Дмитричъ? говорила Глафира Юрьевна, сидя въ покойномъ креслѣ и лаская толстую болонку, лежавшую у ней на колѣняхъ. Вы... вы, можетъ-быть, раскаетесь скоро въ своей рѣшимости; вы очень-очень молоды. Сколько вамъ?

— Мнѣ двадцать-три.

— Видите ли! У васъ вѣрно есть родные?

— Маменька жива; но неуже-ли вы думаете...

— Положимъ, что нѣтъ; но отдѣлены ли вы?...

Digitized by Google

Вирскій смутился, однако скоро собрался съ духомъ и отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ... Конечно... но объ этомъ говорить не стóитъ; состояніе наше ничтожно и разстроено. Глафира Юрьевна! продолжалъ онъ, воспламеняясь; по состоянію, конечно, я не партія; если это помѣха моему счастію, я покорюсь безъ негодованія. Не вы однѣ тàкъ бы поступили...

— Помилуйте, чтó вы! Я на состояніе не смотрю; Ниночка у меня одна, а я, слава Богу... И она самодовольно окинула взоромъ комнату:—Если я спрашиваю, Андрей Дмитричъ, то это не для-того... Знать нужно; но требовать, не требую.

По лицу Вирскаго разлилось пламя; онъ молчалъ, потупивъ голову.

— Ахъ, Андрей Дмитричъ, мнѣ страшно! Сдѣлаете ли вы ее счастливой?

Двѣ слезы упали на длинношерстую болонку; она поднялась, съ любопытствомъ заглянула въ глаза Глафирѣ Юрьевнѣ и стала отряхивать уши.

— Глафира Юрьевна! сказалъ Вирскій съ упрекомъ.

— Чтò будешь дѣлать? Всѣ мы матери таковы: хотимъ пристроить, а какъ случится, вотъ и плачемъ.

Она меланхолически погладила собаку.

— Чтò же? позвать Ниночку и спросить? сказала она. Вирскій улыбнулся и поцѣловалъ съ чувствомъ ея руку.

Digitized by Google

— Богъ съ вами! берёте отъ меня мое сокровище!...

За дверью послышался шорохъ, будто кто-то отпрыгнулъ и побѣжалъ... Но это была не Ниночка. Глафира Юрьевна нашла ее въ своей комнатѣ за книгой, но съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Ниночка, отгадай зачѣмъ я къ тебѣ?... Глафира Юрьевна приподняла ея голову и заставила посмотрѣть себѣ прямо въ глаза, улыбаясь съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Мамà! мамашенька! воскликнула Ниночка. Она бросилась на шею къ матери, и обѣ принялись плакать.

— Ты, видно, знала уже, плутовка? сказала мать, цалуя ее.

— Еще вчера! отвѣчала Ниночка, спрятавъ лицо на ея груди.

Дуняша выглянула изъ-за двери и опять спряталась. Съ минуту она стояла, не шевелясь и удерживая дыханіе, но какъ ничего, кромѣ поцалуевъ и слезъ барыни и барышни, не могла разслышать, то и побѣжала сообщить свои догадки ключницѣ повару, двумъ главнымъ лицамъ домоправительнаго совѣта. Потолковавъ съ ними вдоволь, она возвращалась въ дѣвичью, когда увидѣла Евгенія Семеновича бродящаго по саду. Притвориться, что не видитъ его, запѣть звонко какой-то вытверженный изъ карманнаго пѣсенника романсъ «на извѣстный голосъ» и бѣжать стрѣлой мимо его по аллеѣ, было съ ея стороны удачнымъ манёвромъ.

Digitized by Google

Евгеній Семеновичъ оглянулся.

— Ахъ-съ!

— Куда это, Дуняша?

— Не за вами-съ...

Онъ съ презрѣніемъ пожалъ плечами. Дуняша повернулась на одной ногѣ и стала передъ самымъ его лицомъ.

— А вы не пойдете поздравлять барышню-съ? спросила Евгенія Семеновича лукавая горничная.

— Съ чѣмъ?

— Замужъ выходятъ-съ.

Евгеній Семеновичъ отвернулся и надвинулъ фуражку на глаза.

Чрезъ два дня Вирскій уѣхалъ къ матери; Ниночка, скучая, ходила по залѣ. Да, она теперь имѣла право скучать по немъ, грустить, и пользовалась этимъ правомъ съ особеннымъ наслажденіемъ.

— Ахъ, Евгеній Семенычъ, грустно? сказала она вошедшему учителю рисованья.

— Ужъ и грустно! отвѣчалъ онъ, стараясь принять шутливый тонъ.

— Смѣйтесь! Гдѣ-то Андрѐ теперь?..

— Вѣрно еще недалеко; часа два какъ уѣхалъ, не болѣе.

— Развѣ мало два часа? Онъ возвратится только послѣ завтра.

— Срокъ не дологъ, Анна Александровна, а, впрочемъ, прибавилъ объ задумчиво — разлука не тяжела, когда возвратъ непремѣненъ. Навсегда разстаться тяжело!

Digitized by Google

— Навсегда! фи, какія у васъ мысли! Даже съ человѣкомъ, который для насъ *ничто*, разстаться навсегда грустно!

— Такъ *и со мной* разставаясь, вы взгрустнёте?

— Что̀ вы выдумали! Развѣ вы уѣзжаете?

— Не сегодня, но скоро. Пора ужъ мнѣ поступить на службу, и, правду сказать, я вамъ ненуженъ, сказалъ онъ спокойно.

— Вотъ новости! Я разскажу это maman.

— Нина Александровна, да развѣ вамъ до уроковъ? И странно, и нѐкогда...

— Все-равно. Мы васъ ранѣе мѣсяца не пустимъ.

— Нѣтъ, долѣе недѣли я не пробуду.

— Упрямый! А на свадьбу пріѣдете?

— Скоро?

— Я попрошу Андрѐ; онъ вамъ напишетъ. Андрѐ меня очень любитъ. Не правда ли, я буду съ нимъ счастлива?

Отъ этого вопроса сердце Евгенія Семеновича сжалось, но не за себя, а за нее. Если бъ въ душѣ его было менѣе мужества, онъ бы заплакалъ, но, помолчавъ съ минуту пока оправился, онъ произнесъ, глядя ей смѣло въ глаза:

— Дай вамъ Богъ истиннаго счастія!

— Добрый, добрый Евгеній Семенычъ! сказала Ниночка, взявъ его за обѣ руки.

Отъ этого вся кровь прилила у него къ сердцу; и онъ машинально повторилъ:

— Такъ *и со мной* разставаясь, вы взгрустнёте?

Digitized by Google

— Развѣ вы *ничто* для меня? воскликнула она съ живостью:—вы мой другъ!..

— Преданный, покорный и неизмѣнный: помните это, Нина Александровна! сказалъ онъ съ твердостью.

Она быстро отняла руку и отерла выкатившуюся слезу. Долго, молча, они смотрѣли другъ на друга и тихо разошлись, не прибавивъ ни слова ко всему сказанному. Евгеній Семеновичъ былъ собою доволенъ, и это сдѣлало его веселѣе. Черезъ недѣлю онъ уѣхалъ; но въ домѣ Глафиры Юрьевны всѣ о немъ вспоминали очень-часто, а Нинночка говорила иногда съ большимъ жаромъ о томъ, что у него очень-благородное сердце.

VI.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

Не такова была разлука князя Пьера съ Мимишей. Онъ ѣхалъ въ Петербургъ черезъ три мѣсяца послѣ описаннаго нами разговора съ нею. Въ эти три мѣсяца они встрѣчались часто и были очень-внимательны другъ къ другу, мазурку танцовали всегда вмѣстѣ, въ гостиной составляли постоянное à-parté. Въ этомъ à-parté много было полусловъ, краснорѣчивыхъ, западающихъ въ душу...

Чаще прежняго пріѣзжала Мимиша къ княжнѣ; при встрѣчахъ онѣ радостно вскрикивали: Бетси!.. Мими!.. и съ чувствомъ жали другъ

Digitized by Google

другу руку. Княжна повѣряла ей свои тайны; между ними были условленные знаки, и горничныя бѣгали всякій день съ записками изъ богатой княжеской квартиры въ скромный домикъ Пелагеи Андреевны. Записки писались мелкимъ почеркомъ, нерѣдко въ клѣтку, имѣли много точекъ и столько же восклицательныхъ знаковъ.

Надо замѣтить, что подразумѣваемымъ сюжетомъ этихъ записокъ чаще всего былъ гвардеецъ, успѣвшій познакомиться и даже быть принятымъ на короткой ногѣ въ домѣ княгини. Мимиша, убѣжденная въ любви князя, рѣшилась не оспоривать гвардейца у княжны. Пьеръ былъ прекрасной партіей: князь, состояніе не разстроенное, прекрасныя связи, молодъ и любилъ ее, чего же больше?

Она увѣряла себя, что любитъ его до безумія, мечтала о немъ и высказалась отчасти Бётси. Княжна не сказала ей ни слова о сборахъ брата въ Петербургъ.

Пьеръ привыкъ видѣть Мимишу, быть съ ней и заниматься ею исключительно; впрочемъ, это не мѣшало ему заниматься еще исключительнѣе планами петербургской жизни. Недѣли за двѣ до отъѣзда, онъ сидѣлъ въ комнатѣ сестры и ломалъ манежный хлыстикъ. Это было послѣ цѣлаго дня, проведеннаго съ Мимишей; ему было немного скучно, даже взгрустнулось при мысли о предстоящей разлукѣ; ему стало досадно на себя.

— Право, она похорошѣла! сказалъ онъ.

Digitized by Google

— Еще влюбишься не на-шутку! отвѣчала княжна.

— Нѣтъ, а Петербургъ! Только серьёзно, твоя Мимиша прехорошенькая; цѣлый годъ не видѣть... Хорошо, если забуду!

— Ты очень-милъ, Пьеръ! Ха, ха, ха! Сомнѣваешься, забудешь ли... Пари держу, что чрезъ недѣлю и не вспомнишь.

— Будто? Въ-самомъ-дѣлѣ я не изъ постоянныхъ. Пока въ Петербургѣ разсѣюсь, забуду, но тамъ... Слушай, petite — онъ взялъ сестру за талью—ты похлопочи однако обо мнѣ.

— Par exemple?...

— Да вотъ выдай её за мужъ за какого нибудь чурбана къ моему пріѣзду.

Княжна расхохоталась.

— Бетси! это дѣло серьёзное. Она мнѣ нравится, но не жениться же мнѣ на ней! Ce serait du dernier ridicule. Я возвращусь и если она будетъ замужемъ, то... я здѣсь скучать не буду, и между тѣмъ не рискую...

— Что за genre, Пьеръ?

Неужели лучше по твоему мѣщанскій романъ? *они любили другъ друга и были счастливы...* Нѣтъ, я люблю борьбу и пожалуй скрытыя страданья. Надо занимать себя и не давать себѣ скучать даже и во время романа...

— Ты годишься въ любой романъ!

— Въ страшный, великосвѣтскій романъ скрытыхъ страданій!..

Digitized by Google

— Это очень-интересно и заманчиво, Пьеръ, сказала княжна, вздохнувъ слегка.

— А тебѣ понравилось? Ты вѣришь всему; какое ты дитя!

— Такіе романы бываютъ, но страданіе въ нихъ не истинно, произнесъ онъ докторально:— Вы притворяетесь, что страдаете; мы притворяемся, что вѣримъ страданіямъ... Впрочемъ, Бётси, ты не поймешь этого теперь; а, признаюсь, Мимиша нейдетъ у меня изъ головы.

Онъ бросилъ исковерканный хлыстикъ подъ ноги задумавшейся сестрѣ, потрепалъ ее мимоходомъ по плечу и вышелъ изъ комнаты.

А Мимиша? Она слѣпо вѣрила любви Пьера; самолюбіе неотвязчиво совѣтовало ей вѣрить этому несомнѣнно. Насталъ день разлуки, разлука обошлась безъ слезъ: они улыбались, повторяя другъ другу «до свиданія», а возможное свиданіе было только черезъ годъ!

— Vous m'rirez n'est-ée pas? спросилъ князь шопотомъ, когда они наканунѣ его отъѣзда разсматривали вмѣстѣ какой-то альбомъ.

Мимиша ничего не отвѣчала. За минуту у нихъ былъ прощальный разговоръ, сантиментально-холодное изъявленіе воображаемыхъ чувствъ. Понявъ отчасти обманъ, въ который ввела себя, но не повѣривъ еще совершенно понятому, она почувствовала боль въ полуразочарованной душѣ и, боясь ее обнаружить, молчала.

Князь уѣхалъ, гвардеецъ остался еще на мѣсяцъ. Досада на Бётси, которая не пощадила ея

Digitized by Google

и наединѣ дала ей ясно понять шаткія чувства брата, немолчное желаніе отмстить Пьеру—заставили Мимишу кокетничать съ гвардейцемъ. Княжна, подозрѣвая въ этомъ болѣе-положительную цѣль, возненавидѣла Мимишу. Началась нѣмая, но язвительная борьба съ обѣихъ сторонъ; кокетство Мимиши заставляло княжну высказывать свои чувства болѣе, нежели сколько бы она хотѣла. Гвардеецъ, имѣвшій виды на княжну, какъ на выгодную партію, пользовался своимъ положеніемъ, не торопился признаніемъ. Онъ рѣшился уѣхать, не объясняясь: ему было нужно побывать у родныхъ передъ свадьбой; онъ расположился сдѣлать предложеніе оттуда письменно, черезъ Пьера, находя это комфортабельнымъ.

Отъѣздъ его былъ торжествомъ Мимиши; подруги обмѣнялись ѣдкими фразами. Но княжна оставалась недолго въ грустномъ сомнѣніи: письмо брата, который ходатайствовалъ за гвардейца, принесло ей много-много торжествующаго чувства. Она не забыла показать его Мимишѣ, доставивъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ случай читать повѣствованіе о счастливыхъ похожденіяхъ вѣтренгаго и хвастливаго Пьера.

Сколько яда разлилось съ-тѣхъ поръ въ молодой, но испытанной уже неудачами душѣ Мимиши! Сколько негодованія блеснуло въ ея взорѣ, и какъ отрывисто и сухо поздравила она княжну невѣстой! Свиданія съ Бетси стали рѣже; но въ эти рѣдкія свиданія мстительная Бетси сообщала ей извѣстія о Пьерѣ, украшая ихъ

Digitized by Google

подъ-часъ искусными добавленіями. Время шло; годъ разлуки близился къ концу; Мими все болѣе-и-болѣе ожесточалась противъ отсутствующаго искусными разсказами княжны.

Зима принесла съ собой бальную суматоху. Мимишѣ не было двадцати лѣтъ; Пелагея Андреевна изобрѣтала для нея чудные наряды. Мимиша думала о скоромъ возвратѣ князя и расточала въ свѣтѣ свою любезность и кокетство съ какой-то лихорадочностью. Это была блистательная эпоха ея жизни. Пригласительные билеты ей посылались на-перерывъ; послѣ каждаго бала провозглашались въ честь ея тосты; въ двухъ водевиляхъ, съигранныхъ въ пользу бѣдныхъ, она занимала главныя роли, танцовала постоянно мазурку въ первой парѣ, и участвовала въ трехъ концертахъ. Составивъ для себя такую блистательную обстановку, она нетерпѣливо ждала князя. Свѣтъ ею занимался; она дала себѣ слово неутомимо сверкать своимъ могуществомъ передъ изумленными глазами непостояннаго и не заниматься имъ вовсе. Въ свою очередь она могла обмануть его ожиданія!.. Сдѣлать его смѣшнымъ и уничтожить невозмутимостью—вотъ было послѣднее заключеніе построеннаго въ головѣ ея плана мести.

Княжна послѣ свадьбы уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, обѣщая писать къ Мимишѣ непремѣнно. Два письма, исполненныя пустой свѣтской болтовни, дружескихъ изліяній и восторженныхъ описаній Петербурга и его удовольствій, были

Digitized by Google

получены Мимишей. Мимиша въ свою очередь описывала ей балы и много говорила о новыхъ знакомствахъ, о пріѣзжихъ знатныхъ лицахъ и о своихъ постоянныхъ танцорахъ.

Но вотъ почта принесла третье письмо отъ Бетси. Мимиша съ легкой гримасой пренебреженія сорвала печать и пробѣжала первую страницу; но на второй строчкѣ вдругъ замелькали ея гнѣвные глаза, дыханіе сперлось, щеки поблѣднѣли и губы слегка задрожали. Мимиша тяжело опустилась въ кресло, смявъ письмо въ сжатыхъ рукахъ. Бетси извинялась, что долго не писала, бывъ занята приготовленіями къ свадьбѣ брата. Пьеръ женится на богатой вдовѣ лѣтъ двадцати-двухъ и удивительной красавицѣ. Слѣдовало подробное описаніе красоты невѣсты и страстной любви счастливаго жениха. «Впрочемъ» прибавила Бетси: «ты скоро ихъ увидишь. Свадьба черезъ недѣлю, а тамъ дней черезъ десять братъ уѣзжаетъ съ женой въ ваши мѣста; срокъ ему давно уже вышелъ.»

Неподвижно и молчаливо сидѣла Мимиша. Голова ея гордо опрокинулась на спинку кресла; по блѣднымъ губамъ бродила горькая улыбка, и грудь медленно, но неровно колебалась. Пелагея Андреевна вошла въ комнату, и Мимиша, опомнившись, залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха, maman! Вообразите, этотъ князь женится и везетъ сюда жену!..

И долго, и звонко она смѣялась. Старушка не понимала, въ чемъ тутъ смѣшное; но Мимиша

Digitized by Google

такими красками описала князя, такъ каррикатурно представила его женатымъ, что Пелагея Андреевна въ свою очередь улыбнулась.

Странное чувство привязалось къ Мимишѣ — родъ неудовольствія къ себѣ и нерасположенія къ другимъ. Остроуміе ея язвило, смѣхъ вырывался странно, невпопадъ; вздорная, незамѣтная шутка ее оскорбляла. Она отвѣтила Бётси просьбой поздравить князя и изъявленіемъ нетерпѣливаго желанія познакомиться съ его женой. Съ тѣхъ-поръ переписка двухъ подругъ, неизвѣстно почему, прекратилась.

Успѣвъ заставить молчать свое самолюбіе при встрѣчѣ съ княземъ, Мимиша не могла удержать взгляда ненависти при видѣ его жены. Она надѣялась, что услужливая дружба Бётси преувеличивала красоту молодой княгини, чтобъ только ворочать кинжаломъ въ израненномъ сердцѣ; но на этотъ разъ Бётси была права: передъ Мимишей стояла совершенная красавица. При первой встрѣчѣ, Мими мужественно протянула руку и заставила себя сказать ей привѣтственную фразу, не заикаясь; но по лицу пробѣжала тусклая блѣдность, и протянутая рука была холоднѣе льда.

Съ княземъ она рѣшилась соблюдать дружескую короткость и довольно-искусно поддерживала въ себѣ эту рѣшимость. Ихъ маленькій полуроманъ прошелъ неразгаданнымъ и неподмѣченнымъ, а женитьба Пьера уничтожила подозрѣнія даже самыхъ прозорливыхъ.

Стала по-немногу смиряться ненависть Мими-

Digitized by Google

ши; время и другіе поклонники вознаградили измѣну никогда искренно нелюбимаго ею человѣка.

Будь жена его менѣе красива, Мимиша все бы простила и забыла давно. Но эта красота вызывала на борьбу, потому-что оспоривала у ней первенство. Мимиша успѣла распустить подъ-рукой, что княгиня не довольно-умна, ненаходчива; стали кружить анекдоты довольно-забавные на ея счетъ, Богъ вѣсть кѣмъ узнанные впервые. Владычество Мимиши удержалось; но въ ней самой поселилось недовѣріе къ своимъ силамъ; ей было неловко передъ самой-собою. Съ этимъ чувствомъ въ душѣ, но съ горделиво-поднятой головой, съ внутреннимъ терзаніемъ подозрѣваемаго нерасположенія къ себѣ, но съ улыбкой, то снисходительной, то ѣдкой, она являлась въ свѣтѣ.

И годъ прошелъ, и годъ другой, и третій... пять лѣтъ тѣхъ же волненій, тѣхъ же успѣховъ и неудачъ, того же полублестящаго и полуничтожнаго, но всегда неизмѣримо-горькаго общественнаго положенія, измучили Мимишу, но не измѣнили ея.

Блёстки ея жизни осыпались постепенно; она не замѣчала бы этого, но ей давали это чувствовать.

Сюда примѣшивались другія терзанія: туалетныя издержки не по состоянію разстроили ихъ финансы. Пелагея Андревна устала быть кроткой и, продолжая потворствовать дочери, не рѣдко

Digitized by Google

упрекала ее въ излишнихъ расходахъ, нерѣдко вспоминала о Журьбѣ, женившемся, въ утѣшеніе, тотчасъ послѣ отказа Мимиши, на дочери сосѣда по имѣнію. И всякій разъ, какъ во время общихъ съѣздовъ, щегольская коляска съ качающимся на запяткахъ ливрейнымъ лакеемъ неслась по городу, а въ ней сидѣлъ улыбающійся и еще болѣе потолстѣвшій Журьба, рядомъ съ хорошенькой блондинкой, всякій разъ, какъ эта блондинка въ театрѣ снимала съ бѣленькой руки перчатку, заставляя сверкать брильянтовые браслеты и кольца, или скидала небрежно дорогую бархатную мантилью съ роскошныхъ плечъ, открывая нѣсколько полную, но стройную талію, Пелагея Андреевна шептала:

— Мимиша; Мимиша, ты сама виновата!

Мимиша вздрогнетъ, и только; иногда бросптъ умоляющій взглядъ на мать, иногда рѣзко ей отвѣтитъ, и снова замолчитъ. Эти упреки оскорбляли ее; взыскательность свѣта ее раздражала. Но гдѣ и въ чемъ была ея опора противъ мучительной взыскательности? Были ли у ней связи, имя или богатство? Нѣтъ этой тройной ограды — и свѣтъ не обинуясь показываетъ Мимишѣ, что она ему надоѣла. Вмѣсто льстивыхъ словъ, она слышитъ, какъ громко считаютъ ея годы; а тамъ ей въ глаза говорятъ колкости, чтобъ ее озадачить, чтобъ уничтожить ея мнимую увѣренность, чтобъ изгладить, стереть язвительными выходками съ ея памяти воспоминаніе прежнихъ ласкательствъ. Общеетво, розовое, смѣющееся обще-

Digitized by Google

ство, такъ скупо даетъ похвалы невиднымъ лицамъ, такъ краснѣетъ за минуту своего невольнаго благодушія, и такъ радо возможности заставить насъ позабыть о ней!.. Мимиша падала жаркой головою на сложенныя руки и въ нѣмомъ созерцаніи прошлаго, въ ѣдкомъ сравненіи его съ настоящимъ, проводила тяжкія, долгія минуты послѣ возврата своего съ каждаго бала. Зачѣмъ же она ѣздила на эти балы? Затѣмъ, что туда неутомимо ѣздили три ея сверстницы и четвертая, дѣвица, даже тремя годами старѣе ея. Но эта четвертая была дочь очень-важнаго человѣка, но эти три — дочери богатыхъ, очень-богатыхъ помѣщиковъ...

Общество считало себя расплатившимся съ ней давно; богатый должникъ расточилъ капиталъ, ввѣренный ему корыстолюбивымъ заимодавцемъ и беззаботно смѣялся надъ его довѣрчивостью. Справедливость на сторонѣ послѣдняго; но онъ ничтоженъ, а должникъ силенъ... И съ озлобленіемъ въ душѣ, но съ лестью и подобострастіемъ въ словахъ, ходитъ ежедневно бѣдный заимодавецъ въ богатый домъ расточительнаго и наслаждающагося жизнью должника.

Она явилась въ свѣтъ съ ложнымъ самолюбіемъ, съ неясными надеждами, но и въ ней были зачатки лучшаго, возможность быть счастливой и дать другому счастіе. Свѣту было нужно заняться кѣмъ-нибудь, свѣту была нелишнимъ ея молодость, новость ея появленія, самоувѣренность и довѣрчивость поступковъ и горячая готовность

Digitized by Google

служить обществу всѣми чувствами и помышленіями—и свѣтъ возбуждалъ это ложное самолюбіе, поддерживалъ эти неясныя надежды. Теперь, когда она уже надоѣла свѣту, онъ оттолкнулъ ее и хотѣлъ забыть. Но поставленная неумолимо жизнью лицомъ къ лицу съ внутреннимъ своимъ міромъ, она увидѣла, что въ немъ недостаетъ самыхъ существенныхъ элементовъ и снова бросилась въ свѣтъ непрошенная, нежеланная.

То возмущаясь противъ общества, то грустя въ немъ болѣзненно, являлась вездѣ и всегда двадцати-шестилѣтняя Мимиша. Въ шумныхъ залахъ, въ свѣтлыхъ гостиныхъ, только одинъ взоръ останавливался иногда на ней съ участіемъ—взоръ Ниночки.

Богъ-знаетъ, отчего въ этомъ взорѣ просвѣчивалась грусть; Богъ-знаетъ, отчего ея граціозная талія сдѣлалась тоньше, и румянецъ у ней сталъ едва-замѣтнымъ. Говорили, что состояніе ихъ разстроено, что Вирскій ведетъ сильную игру и вообще расточителенъ, безпорядоченъ, мотоватъ, что бѣгаетъ своего дома; говорили, что у жены его характеръ непріятный, неуживчивый, строптивый. Но о послѣднемъ говорили вполголоса: мать Вирскаго сообщила это по секрету двумъ пріятельницамъ, *умоляя* ихъ не говорить никому, потому-что она очень любитъ свою невѣстку.

Послѣднюю зиму они проводили въ городѣ и нанимали квартиру у майорши Воробьевой, которая и разсказывала очень-много разныхъ исто-

Digitized by Google

рій; впрочемъ, сіи немногіе вѣрили, но всѣ ее слушали. Особенно сердобольная майорша жалѣла о горькомъ положеніи Варвары Ипатьевны, *такой почтенной дамы*, которая должна была видѣть непріятности между сыномъ и невѣсткой: — «А вѣдь первый годъ какъ жили прекрасно!» прибавляла майорша: «покуда покойница Глафира Юрьевна была жива, удерживала дочку отъ злости; а то, какъ Богу душу отдала, такъ и пошло здѣсь! Просто, своимъ характеромъ его изъ дому выживаетъ. Свекровь у ней не свекровь— мать настоящая; а она такая капризная, не приведи Господи! двухъ своихъ дѣточекъ такъ наказываетъ!...»

Все это разсказывала майорша очень-охотно и вздыхала глубоко о Варварѣ Ипатьевнѣ, которая *такая почтенная дама*, а такъ много терпитъ отъ невѣстки!...

Со времени смерти Глафиры Юрьевны, Варвара Ипатьевна поселилась у невѣстки. Вирскій вышелъ въ отставку на второй годъ послѣ женитьбы и жилъ въ имѣніи Ниночки: у него собственно состоянія никакого не оказалось. Была въ Полтавской Губерніи деревушка — онъ продалъ ее до женитьбы, а деньги вырученныя отдалъ матери, которой она принадлежала по завѣщанію мужа. Старуха отдала этотъ капиталецъ богатому купцу-аферисту, взявшему ее въ долю.

Глафира Юрьевна, въ день свадьбы Ниночки, отказалась отъ всего въ пользу дочери, Ниночка

Digitized by Google

передала тутъ же право владѣнія всѣмъ состояніемъ своему André, и Вирскій очутился вдругъ самовластнымъ господиномъ прекраснаго имѣнія. Въ домѣ, экипажахъ, во всемъ, что окружало молодыхъ Вирскихъ, явилась изящная роскошь. Раза два въ годъ они дѣлали небольшія путешествія, и по возвратѣ изъ третьяго—въ Одессу, кажется—не застали Глафиры Юрьевны въ живыхъ.

Ниночка оплакивала ее неутомимо и, наконецъ, по совѣту мужа, написала къ Варварѣ Ипатьевнѣ, умоляя ее переселиться къ нимъ навсегда. Варвара Ипатьевна заставила повторить раза два эту просьбу и, наконецъ, явилась *замѣнить* Глафиру Юрьевну.

Ниночка была въ восторгѣ отъ ея ласокъ; Вирскій цаловалъ руки жены, старуха безпрерывно обнимала невѣстку. Только Дуняша смотрѣла на все это недоброжелательно и вечеромъ не утерпѣла, чтобъ не сказать барынѣ, раздѣвая ее;

— Ну, ужъ маменька Андрея Дмитрича, Богъ съ ней! Не похожа на покойницу-барыню. И взглядъ не такой!... У! должна быть *характерная-съ*. Я за васъ боюсь, сударыня. Сердце такъ и замерло, какъ они на меня посмотрѣли-съ!...

Сердце сжалось у Ниночки; она велѣла Дуняшѣ замолчать, а сама глубоко задумалась. Многое не утѣшало ея въ характерѣ мужа: онъ безпрестанно жаловался на скуку деревенской жизни и обращался съ женой иногда очень-повелительно. Ниночка, избалованная ласками Глафиры Юрь-

Digitized by Google

евны, пріученная къ своевольнымъ выходкамъ, не разъ слышала отъ него рѣзкія замѣчанія и запрещенія. Пока жила Глафира Юрьевна, снисхожденія и уступки были обоюдны; но со смерти Глафиры Юрьевны всѣ мелкія домашнія ссоры оканчивались обвиненіемъ Ниночки: всегда, и только она одна, была во всемъ виновата. Что же будетъ теперь?—предсказанія Дуняши смущали ее. На слѣдующій день Вирскій сказалъ женѣ:

— Теперь ты уже не будешь скучать, Ниночка: маменька съ тобой, ты не одна; а мнѣ черезъ недѣлю надо ѣхать.

— Боже мой, André, опять ѣхать! зачѣмъ?

— Зачѣмъ? вотъ странный вопросъ! вѣрно нужно! Впрочемъ, жена не должна себѣ позволять такихъ вопросовъ: они неприличны въ устахъ женщины. Наконецъ, у васъ двое дѣтей, малютки дѣвочки, требующія вашего надзора....

— Да я не ѣду, André. Ты только этого боишься!

— Я этого боюсь, потому-что нахожу это смѣшнымъ въ глазахъ другихъ и несноснымъ для себя. Этотъ вѣчный присмотръ....

— Скажите, что вамъ тягостно мое присутствіе.

— Вы меня вызываете на это!

—Отъ васъ легко услышать подобное....

— Нѣтъ, это слишкомъ!...

И онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

— Что это у васъ, Андрюша? спросила Варвара Ипатьевна, идучи къ нему на встрѣчу.

— Ахъ, маменька! да это просто сумасшедшая!

Digitized by Google

мнѣ надо въ Харьковъ — она не пускаетъ, поднимаетъ изъ этого цѣлую исторію...

Онъ возвратился въ комнату жены.

— Сударыня, я не могу вѣчно сидѣть дома, сложа руки; я хочу служить, я ѣду въ Харьковъ пріискивать родъ службы. Довольны ли вы?...

Ниночка плакала, опустивъ голову. Онъ пожалъ плечами и вышелъ.

Но вотъ уже четыре года, какъ Варвара Ипатьевна живетъ съ сыномъ и невѣсткой, четыре года, какъ Вирскій ѣздитъ по разнымъ городамъ, избирая родъ службы; иногда онъ ѣздитъ не одинъ, съ матерью и съ женой — съ измѣнившейся, похудѣвшей и страстно его любящей Ниночкой.

Много, очень-много разсказовъ о ихъ домашней жизни можно услышать отъ майорши Воробьевой. Варвара Ипатьевна иногда отзывается о невѣсткѣ непріязненно. Въ свѣтѣ Ниночка встрѣчаетъ довольно-часто Мимишу: она тоже измѣнилась; обѣ онѣ улыбаются и любезны и внимательны; но обѣихъ обманули надежды. Часто сквозь говоръ, шумъ, шопотъ людей, толпящихся вокругъ, и, повидимому, счастливыхъ и беззаботныхъ, онѣ вслушиваются въ какія-то неясныя слова, какія-то недоброжелательныя сужденія. Взоръ Ниночки тревожно переходитъ отъ важно-нюхающей табакъ Варвары Ипатьевны, закутавшей свою высокую и сухую фигуру съ ногъ до головы въ черное, къ шумящему за картами мужу. Взоръ Мимиши тоже тревожно сколь-

Digitized by Google

зитъ по всѣмъ этимъ веселымъ лицамъ, подмѣчая въ нихъ насмѣшливое выраженіе.

Подлѣ Ниночки двѣ хорошенькія малютки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ свѣтлыми локонами по плечамъ; но дѣти странно смотрятъ на мать и несносны всѣмъ своими шалостями. Мать останавливаетъ ихъ безпрерывно, но безъ успѣха: бабушка беретъ ихъ подъ свою защиту, ласкаетъ, цѣлуетъ имъ руки и шепчетъ: «Бѣдныя дѣти!» Вирскій безъ обиняковъ говоритъ имъ: «вы меня должны слушать и никого болѣе, слышите ли — *никого!*» И дѣти на замѣчанія матери отвѣчаютъ: «мы только папашу должны слушать!...»

Варвара Ипатьевна съ своимъ сухимъ кашлемъ и блѣднымъ лицомъ, качаетъ головой при нетерпѣливыхъ выходкахъ Ниночки, отираетъ слезы при вздохахъ Вирскаго и его неистовыхъ жалобахъ на жену. То грозно возстаетъ она на невѣстку, драпируясь материнской любовью, то ѣдкими замѣчаніями уничтожаетъ ее, то искусно выказываетъ передъ Вирскимъ дурныя стороны ея характера. Разбирая все, углубляясь во всѣ происшествія ихъ вседневной жизни, всякій увидитъ, что Варвара Ипатьевна раздуваетъ безпрерывные пожары изъ незамѣтной искры, а между-тѣмъ сама остается въ сторонѣ.

Общество, подобно майоршѣ Воробьевой, жалѣло, что *такая почтенная дама* такъ много терпитъ отъ характера своей невѣстки!

Въ одно утро имѣніе Вирскихъ было продано съ аукціона; черезъ недѣлю Вирскій подалъ про-

Digitized by Google

шеніе о поступленіи своемъ снова въ службу. Положеніе ихъ было ужасное. Ниночка заболѣла горячкой. Между-тѣмъ Варвара Ипатьевна получила увѣдомленіе, что капиталъ ея принесъ большія выгоды; она не захотѣла оставаться въ долгу передъ невѣсткой и предложила ей жить у себя. Вирскіе поселились всѣ вмѣстѣ въ городѣ, недалеко отъ домика Пелагеи Андреевны.

V

ЧЕРЕЗЪ ГОДЪ.

Было утро, холодное, дождливое утро. Пелагея Андреевна преважно ходила по комнатѣ; Мимиша сидѣла у стола, облокотясь обѣими руками и положивъ на нихъ утомленную голову. Лицо ея было блѣдно до прозрачности, глаза красны.

— Господи, Господи, до чего мы дошли, Мими! говорила Пелагея Андреевна, всхлипывая:—сегодня кухарка отошла, платить нечѣмъ; а долговъ-то, долговъ-то сколько!

— Maman, вы не можете занять?...

— У кого же?.. Развѣ мы своимъ жили досихъ-поръ? Тамъ двѣсти, тамъ пятьсотъ, все у него брали... Если бы ты слышала, какія онъ грубости мнѣ говорилъ!

— Шмуль былъ у васъ сегодня?

— Разумѣется.

— Что же вы ему сказали?

— А что я могу сказать?..

Digitized by Google

Мать и дочь замолчали и потупили глаза.

— Онъ опять придетъ? спросила Мимиша чрезъ минуту.

— Завтра, отвѣчала Пелагея Андреевна.

— И опять то же?...

— То же.

— Ужасно! Что́ объ этомъ будутъ говорить?.. Заплати́те, мамаша, ради Бога!..

— Мы должны въ разныя руки до десяти тысячъ.

— Воля ваша, я не понимаю, когда мы это прожили! воскликнула Мими.

Но Пелагея Андреевна—не прежняя, кроткая Пелагея Андреевна; она сдѣлалась очень-раздражительной, и восклицаніе Мимиши взорвало ее на этотъ разъ.

— Вы не знаете? А кто же прожилъ, если не вы? воскликнула она: — чьи тряпки причиной моихъ долговъ?

Мимиша поблѣднѣла; на лицѣ ея выразилось нестерпимое страданіе.

— Не упрекайте меня... проговорила она тихо и грустно.

— Помилуйте, кто васъ упрекаетъ? Но вамъ нужны отчеты; вы думаете, что я для себя тратила, что вы мнѣ ничего не сто́или...

Мимиша встала со стула и начала ходить по комнатѣ большими шагами; слезы душили ее, но Пелагея Андреевна была неумолима: она себя никогда и ни въ чемъ не умѣла остановить вовремя.

— Плачьте. Теперь время плакать! сказала

Digitized by Google

она: — прошли тѣ дни, когда меня пугали ваши слезы и нервные припадки: Чѣмъ вы мнѣ отплатили? Теперь черезъ васъ хоть домъ продавай!

Мимиша разомъ остановилась прямо противъ нея и сказала рѣшительно:

— Продайте его!

Пелагея Андреевна посмотрѣла на нее во всѣ глаза.

— Дà, продайте его непремѣнно! повторила Мимиша.

— Мими, Богъ съ тобой! сказала Пелагея Андреевна, дрожа и заикаясь.

Она вся измѣнилась и стояла передъ дочерью блѣдная.

— Это одно можетъ спасти насъ, сказала Мимиша, съ мéньшимъ напряженіемъ, но яснымъ и твердымъ голосомъ.

— Это насъ погубитъ! прошептала Пелагея Андреевна:—вѣдь тутъ все наше состояніе, нашъ послѣдній уголъ!

— Продайте и уѣдемъ! отвѣчала Мимиша.

— Куда?

— Въ другой городъ, подальше, куда-нибудь, гдѣ насъ не знаютъ, гдѣ никого изъ *прежнихъ* не встрѣтимъ.

Съ Мимишей сдѣлался лихорадочный ознобъ; глаза смотрѣли быстро на мать.

— Чтó мы сдѣлали такое? Зачѣмъ намъ отъ людей прятаться? спросила старуха.

Мимиша мигнула голову и гóрько заплакала.

Digitized by Google

Пелагея Андреевна почувствовала, что сердце задрожало въ ея груди при видѣ этихъ слезъ.

— Мими, я не продамъ, проговорила она рыдая:—Что я тебѣ оставлю, какъ умру? Я для тебя берегу...

И Пелагея Андреевна повисла у ней на шеѣ.

Мимиша осторожно освободилась изъ ея объятій и отбѣжала въ другой уголъ комнаты.

— Не подходите! дайте успокоиться и сказать все!..

Она плакала нѣсколько минутъ, не отнимая отъ глазъ платка, наконецъ преодолѣла слезы и сказала:

— Вы должны заплатить долги! но если будемъ жить здѣсь, мы надѣлаемъ новыхъ; мы перемѣнимъ тамъ родъ жизни, и будемъ счастливѣе... гораздо! Увезите меня, куда хотите, maman—вотъ одна милость, которой хочу отъ васъ!..

— Такъ ты очень здѣсь была несчастна, Мими? сказала изумленная Пелагея Андреевна.

— Очень, болѣе, нежели бы я могла разсказать!

— Не-уже-ли и тутъ я виновата?

— Нѣтъ, никто не виноватъ!

Пелагея Андреевна взяла ее за руку:

— Мими, не влюблена ли ты?

— Меня никто не любитъ, а я могу только любить *взаимно*, отвѣчала Мимиша съ горькой улыбкой, но гордо поднявъ голову.

— Хочется жить иначе, другой жизнью... продолжала она задумчиво: —не видѣть никого... не говорить... не слушать... жить собой и для себя...

Digitized by Google

— Что ты? что ты? отъ свѣта отказаться хочешь? Я тебѣ не позволю. Вотъ выдумала! въ твои годы! Да не сошла ли ты съ ума?

— Уѣдемъ, maman, уѣдемъ! твердила Мимиша, не переставая.

День уходилъ за днемъ, рѣшимость ея не измѣнялась—Пелагея Андреевна уступила.

Въ церкви служился панутственный молебенъ—это было черезъ три мѣсяца. Мимиша стояла блѣдная, но безъ слезъ; Пелагея Андреевна плакала, приговаривая какія-то невнятныя слова; сѣдая горничная молилась на колѣняхъ и у колонны стоялъ, прислонясь, кто-то, въ темномъ платьѣ. У домика Пелагеи Андреевны стояла бричка; грязный жидъ запрягалъ въ нее четверку тощихъ и малорослыхъ лошадокъ. Домикъ былъ пріобрѣтенъ Шмулемъ за шестнадцать тысячъ, изъ которыхъ только шесть достались Пелагеѣ Андреевнѣ.

По окончаніи молебна, темная фигура отдѣлилась отъ колонны, подошла вмѣстѣ съ другими ко кресту, и потомъ протянула руку Мимишѣ.

— Вы были больны, Ниночка? проговорила Мимиша, пораженная ея блѣдностью.

— Нѣтъ, я здорова. Куда это вы ѣдете?

— Недалеко, въ К...

— Навсегда?

— Да̀.

— У меня къ вамъ просьба: тамъ... туда... туда отдали моихъ дѣтей, въ пансіонъ m-me Тильо... иногда напишите, что̀ съ ними.

Digitized by Google

— Развѣ они къ вамъ не пишутъ?

— Они пишутъ къ бабушкѣ—вѣдь она за нихъ платитъ... Я для нихъ ничего не могу; они ей всѣмъ обязаны... Знаете, старушка иногда покапризничаетъ или полѣнится мнѣ показать, а я бы хотѣла знать, что̀ съ ними!

Ниночка говорила все это съ замѣшательствомъ и безпрерывно мѣняясь въ лицѣ. Мимиша смотрѣла на нее съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Я буду ходить къ нимъ часто и писать къ вамъ, когда могу, сказала она.

— Благодарю.

Онѣ пожали другъ другу руку и вмѣстѣ вздохнули.

— Вы не пріѣдете навѣстить ихъ? спросила Мимиша.

— Не знаю,.. не думаю; на это деньги нужны. Андрѐ поѣдетъ... мужчинамъ легче дѣлать вояжи... А вы къ кому ѣдете? У васъ тамъ родные?..

— Никого, души знакомой нѣтъ, проговорила Пелагея Андреевна сквозь слезы.

— Maman жаль своихъ знакомыхъ! сказала Мимиша, съ усиліемъ улыбнувшись.

— Я думаю, и о васъ здѣсь многіе пожалѣютъ, сказала Ниночка.

Мимиша отрицательно покачала головой, и горькая-горькая улыбка сжала ея губы. Онѣ стояли на паперти: отсюда было видно, ка̀къ жидъ ходилъ вокругъ запряженной брички, хлопая лошадокъ по шеямъ и оправляя на нихъ веревочную упряжь.

Digitized by Google

— Черезъ четверть часа и насъ и этой брики не будетъ, сказала Мимиша задумчиво.

— Вамъ не грустно? спросила Ниночка.

— Нѣтъ... Впрочемъ, къ-чему лукавить? Въ эту минуту грустно; но оставаться здѣсь невыносимо.

Пелагея Андреевна смотрѣла между-тѣмъ на крышу своего домика и мысленно считала его окна. Сердцу не вѣрилось, что она уже никогда его болѣе не увидитъ; слезы горячими каплями катились медленно по обвислымъ щекамъ.

— Maman, поѣдемте; пора! сказала Мимиша, взявъ ее ласково за руку.

— Прощайте, Нина Александровна.

— Я буду смотрѣть отсюда, какъ вы поѣдете, проговорила Нина.

Мимиша обернулась.

— Прощай, Ниночка, сказала она.

Онѣ посмотрѣли другъ другу въ глаза и руки ихъ встрѣтились.

— ..... счастья! сказали онѣ въ одинъ голосъ, невнятно, боязливо, нерѣшительно и тихо обнялись. Слезы полились ручьями изъ глазъ Ниночки; двѣ крупныя тяжелыя слезы скатились въ свою очередь по пылавшимъ щекамъ Мимиши на ея мантилью. Потомъ она выглянула еще разъ изъ брички, чтобъ махнуть рукой Нинѣ, стоявшей на паперти и грустно глядѣвшей имъ вслѣдъ. Когда бричка исчезла, повернувъ въ другую улицу, Ниночка, слабо переступая, сошла съ паперти и съ страшнымъ томленіемъ

Digitized by Google

глядѣла на окна своей квартиры; еще минута— и она скрылась въ воротахъ ея.

Вирскій и Варвара Ипатьевна разомъ обернулись къ входящей Ниночкѣ и переглянулись. У ней подогнулись колѣни; она остановилась, чтобы перевести духъ, и смотрѣла на нихъ, ухватясь рукой за столъ.

Вирскій съ презрѣніемъ пожалъ плечами и насмѣшливо пододвинулъ ей кресло.

— Благодарю, André; я къ себѣ пойду, сказала она, отворивъ дверь въ слѣдующую комнату.

— Она къ *себѣ* пойдетъ, произнесла, съ особеннымъ удареніемъ, Варвара Ипатьевна.

Мать и сынъ расхохотались громко, пронзительно; смѣхомъ ихъ покрылся скрипъ медленно запиравшейся двери.

За этой дверью обезсилѣвшая Ниночка опустилась на колѣни и вытянула исхудавшія руки.

André, чѣмъ я заслужила? что̀ я сдѣлала? сказала она про себя прерывисто и шопотомъ.

Она на колѣняхъ доползла до окна и, положивъ на него голову, плакала. Ка̂къ часто она теперь плакала, ка̂къ вырастали каждую минуту для нея новыя оскорбленія и новыя горести! Въ какую неразрывную цѣпь страданій и униженій слилась ея жизнь!... Черезъ часъ, скрипъ двери заставилъ ее оглянуться. Вирскій стоялъ на порогѣ, сложивъ крестообразно руки. Она быстро поднялась съ колѣнъ.

— Часъ обѣда, и васъ ждутъ, произнесъ онъ сквозь зубы.

Digitized by Google

— Я не пойду къ столу, André, сказала она боязливо.

— Надо было сказать это прежде и не заставлять ждать себя. Кажется, маменька и по лѣтамъ своимъ, и по всему, что *для васъ* дѣлаетъ, можетъ требовать отъ васъ уваженія и любви. Я знаю, вы ее ненавидите за то, что она говоритъ вамъ правду. Вотъ и теперь, объясните, что значитъ ваша поза на колѣняхъ предъ открытымъ окномъ?... У васъ красны глаза, вы плакали или плачете, кто васъ знаетъ! и открываете окно, чтобы всѣ васъ могли видѣть! Вы знаете, что здѣсь много охотниковъ до сплетень и что завтра весь городъ узнаетъ, какъ вы *часто и одиноко проливаете слезы.* Для меня общественный судъ, право, мало значитъ; но эти сплетни могутъ вредить моей матери; я знаю слухи, которые вы про нее разсѣваете, и теперешняя ваша выходка не безъ цѣли!

— Ты можешь это думать, André? Я прощаю все твоей матери...

— Вы ей прощаете? Вы удивительно-добры; но вамъ же кто проститъ? Я, по-крайней мѣрѣ, не могу васъ простить: вы мнѣ испортили всю мою жизнь!

Ниночка схватила его за руку.

— Замолчи, ради Бога замолчи, а то, вѣдь, этого нельзя забыть! воскликнула она съ отчаяніемъ.

— Актриса! сказалъ Вирскій.

Digitized by Google

Она не слышала и продолжала въ полубезпамятствѣ:

— André, я все еще забуду, я знаю, что ты не такъ виноватъ, не правда ли? (Она съ любовью посмотрѣла ему въ глаза). Тебя я люблю, André, и люблю своихъ дѣтей, съ которыми разлучена теперь.

— Что̀ мнѣ дѣлать съ этой любовью? сказалъ Вирскій, отдернувъ свою руку.—Я тебя не люблю.

— Ты самъ не знаешь, что̀ говоришь, André! ты не можешь не любить меня!

— Я тебя ненавижу!

— За что̀ же, Боже мой? за что̀ же?...

— А за что̀ ты ненавидишь мою мать?

— Она....она извергъ! произнесла, задыхаясь, Ниночка.—Ты бы не разлюбилъ меня, еслибъ....

Вирскій бросился къ ней, зажалъ въ неистовствѣ ротъ рукой и почти вытолкнулъ въ дѣвичью.

Съ минуту она стояла обезумѣвшая отъ горя, потомъ страшная рѣшимость нашла, она отворила дверь въ комнату Вирскаго, его небыло: Ниночка вошла къ Варварѣ Ипатьевнѣ, мать и сынъ спокойно садились за столъ.

— Вы мнѣ сказали, что ненавидите меня, сказала она медленно и твердо:—Вы, хотя не сказали, продолжала она, обращаясь къ Варварѣ Ипатьевнѣ:—но доказывали это столько разъ!.. При такихъ условіяхъ жить вмѣстѣ невозможно...

— То-есть, вамъ угодно бросить мужа? сказала Варвара Ипатьевна, съ ядовитой усмѣшкой. — Я на своемъ вѣку видѣла не мало такихъ женщинъ!

Digitized by Google

— Не-уже-ли вы думаете, что васъ *кто-нибудь* намѣренъ удерживать? спросилъ съ презрѣніемъ Вирскій.

— Тому назадъ года два я бы могла еще это думать, но теперь...

— Впрочемъ, мы васъ и теперь не выгоняемъ, произнесла Варвара Ипатьевна, бросивъ значительный взглядъ на сына.

Онъ отвѣчалъ ей такимъ же взглядомъ и сказалъ:

— Вы *сами* оставляете насъ.

— Такъ мнѣ надо ждать, пока вы меня выгоните, или уморите? воскликнула Ниночка съ негодованіемъ.—Я должна жить: у меня дѣти!...

— Для которыхъ вы ничего не сдѣлали, сказалъ Вирскій.

Ниночка схватилась за сердце и бросила на мужа взглядъ, исполненный укора.

— Кончайте, произнесла она чуть-слышно.

— Чего же вы хотите? спросила Варвара Ипатьевна.

— Чего она хочетъ! Разумѣется, разстаться, маменька, сказалъ Вирскій. — И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, продолжалъ онъ, обращаясь съ бѣшенствомъ къ женѣ.—Я въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, но не оставлю васъ безъ гроша; лошади къ вашимъ услугамъ; надѣюсь, что сегодняшній вечеръ насъ не застанетъ вмѣстѣ!

Варвара Игнатьевна поднесла платокъ къ глазамъ.

Digitized by Google

— Успокойся, Андрюша, сказала она.

— Ха, ха, ха! да я спокоенъ и счастливъ, маменька! отвѣчалъ онъ, блѣднѣя отъ удерживаемой злобы. — Ѳомка! закричалъ онъ въ окно: — запрячь лошадей въ коляску. Пойдемте, маменька; намъ говорить больше не о чемъ!...

Нипочка смотрѣла на уходящихъ неподвижными и тусклыми глазами. Варвара Ипатьевна обернулась.

— Богъ васъ накажетъ за все, что я отъ васъ вытерпѣла, и за то, что вы сдѣлали несчастнымъ моего сына, сказала она съ угрозой.

— О, Боже, Боже! воскликнула Нипочка, въ порывѣ отчаянія, безсильнаго гнѣва и невыразимой сердечной муки.

Эту ночь она провела въ единственной гостинницѣ города. На слѣдующій день другая жидовская бричка катилась по дорогѣ въ К...; въ ней качалась дремлющая Дуняша, а рядомъ съ ней сидѣла изнуренная, изстрадавшая Нипочка. По временамъ она кусала блѣдныя губы, ломала руки, вытягивалась, перемѣняла позы — все это, чтобъ удержаться отъ слезъ. Она старалась думать о дѣтяхъ, о скоромъ свиданіи съ ними: какъ будетъ она счастлива, если m-me Тильо согласится взять ее классной дамой!... Но вотъ и вечеръ; лошадки притомились; жидъ помахиваетъ чаще надъ ними веревочнымъ бичемъ; бричка подвигается медленно; Дуняша звучно всхрапываетъ. Дорога идетъ лѣсомъ; высокія осины дро-

Digitized by Google

жать и шепчутъ... сжались крѣпко сложенныя на колѣняхъ руки Ниночки, съ губъ ея слетѣло одно слово «André» и замерло въ горестномъ стонѣ, покрылось неудержимо-хлынувшими слезами.

Память, память прошлаго, цвѣтъ, обнесенный вѣтромъ и посыпавшій корень дерева! Обнаженное жизненными бурями сердце собираетъ тебя и благоговѣйно покрывается этимъ священнымъ пепломъ невозвратно-погибшихъ радостей!...

VI.

ПАНСІОНЪ М-МЕ ТИЛЬО И ЕВГЕНІЙ СЕМЕНОВИЧЪ.

Позднее лѣто; листья свертываются въ трубочку; сожженная земля стонетъ подъ ногами возвращающагося съ поля усталаго стада. Жарко!

Между скамейками пансіона ходитъ высокая фигура, въ черномъ сюртукѣ, съ довольно-длинными свѣтлокаштановыми волосами. Десять лѣтъ мало измѣнили Евгенія Семеновича; сульба его— таже скромная, труженическая. Но онъ теперь въ чинѣ титулярнаго совѣтника и служитъ помощникомъ бухгалтера въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія.

Второй годъ, какъ его перевели въ К....; полгода, какъ онъ учитъ рисовать пансіонерокъ m-me Тильо. Онъ неразговорчивъ, но услужливъ

Digitized by Google

и внимателенъ ко всѣмъ; о живописи, впрочемъ, говоритъ охотно, увлекается, разсказываетъ много поэтическихъ сторонъ жизни живописцевъ; иногда же вдругъ умолкаетъ и задумывается подъ какой нибудь мотивъ, долетѣвшій изъ другой комнаты. Тутъ онъ собьется, покраснѣетъ и начнетъ извиняться.

Часто, очень-часто подзываетъ онъ двухъ Вирскихъ, ласкаетъ ихъ и, какъ видно, старается пріобрѣсть довѣріе и дружбу малютокъ. Старшія пансіонерки говорятъ громко между собой, что еслибъ Вирскія были *больше*, то можнобы подумать, что Евгеній Семенычъ ихъ *обожаетъ*.

Вотъ мѣсяцъ, какъ онъ особенно разсѣянъ. Его тихій, грустный взоръ неподвижно глядитъ на маленькихъ Вирскихъ; онъ рѣже подходитъ посмотрѣть изъ-за плеча работу ученицъ. Сегодня онъ еще разсѣяннѣе, еще молчаливѣе.... Вдругъ глаза его вспыхнули; онъ вздрогнулъ и сталъ вслушиваться: за тонкой стѣной говорили два голоса.

— Мнѣ грустно, но я принужденъ взять свои мѣры, говорилъ мужской голосъ.

— Я должна исполнить вашу волю, отвѣчала m-me Тильо.—Но она такъ несчастна!

— Она сама причиной своихъ несчастій, или скорѣе, ея характеръ. Я нѣжно ее любилъ; многаго было нужно, чтобъ уничтожить эту любовь.

— Но лишать мать отрады видѣть своихъ дѣтей, лишать дѣтей свиданія съ матерью....

— Должно для ихъ же пользы, m-me Тильо. Те-

Digitized by Google

перь вы заступаете мѣсто ихъ матери; вамъ вѣрно не чуждо желаніе сдѣлать ихъ счастливыми...

— Конечно, m-r Вирскій!

— Они не должны знать о нашемъ разрывѣ; ни я, ни бабушка ихъ имъ этого не скажемъ.... Но эта женщина безразсудна и мстительна; она готова являться имъ моей жертвой (вы можете судить, кто былъ жертвой, послѣ всего, что я имѣлъ честь разсказать вамъ); это вселитъ въ нихъ неуваженіе и неблагодарность ко мнѣ. Я поручилъ вамъ не только образованіе ихъ ума, но и образованіе ихъ сердца; они единственный мой кладъ.... сокровище моей жизни....

Голосъ искусно задрожалъ.

— Ради Бога, m-r Вирскій!...

— Скажите; они часто видѣлись!

— Нѣтъ, она была больна по пріѣздѣ дней десять.

— Если они видѣлись три раза, то и этого уже очень много.... Свиданія съ ней гибельны; вы не можете вообразить, что это за женщина!

— Боже мой, а она напрашивалась въ класныя дамы ко мнѣ, и признаюсь, я чуть было не согласилась. Она мнѣ совсѣмъ иной казалась.

— Вы добры и благородны, вы судите о всѣхъ по себѣ; вы обманулись. Сдѣлайте дѣтей моихъ похожими на себя.... Но для этого нужно удалить отъ нихъ заразительный примѣръ. Я надѣюсь на васъ. Я вамъ, вамъ однимъ только вручилъ и поручаю залогъ лучшихъ надеждъ моей никуда уже негодной жизни.

Digitized by Google

Снова голосъ задрожалъ.

— Не позвать ли вамъ дѣтей?

— Нѣтъ, я теперь еще не въ силахъ ихъ видѣть....

Евгеній Семеновичъ затрясся отъ негодованія и бросился отыскивать свою шляпу.

— Что вы? спросила классная дама.

— Виноватъ, урокъ не конченъ.... Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Нѣтъ, конченъ, но вы блѣдны.

— Голова закружилась.... пройдусь пѣшкомъ, не безпокойтесь.... покорно благодарю.

И онъ, какъ угорѣлый, выбѣжалъ на крыльцо. Вдали на биржевыхъ дрожкахъ мчался Вирскій. Раздумье взяло Евгенія Семеновича — онъ побрелъ на квартиру. На другомъ концѣ улицы показалась молодая, худощавая женщина; она шла тихо, часто останавливалась, чтобъ перевесть духъ; ей душно было подъ вуалемъ — она его отбросила. Евгеній Семеновичъ повернулъ въ переулокъ, переждалъ ее, и пошелъ слѣдомъ, но на далекомъ разстояніи.

Она остановилась у моднаго магазина и дернула за колокольчикъ; дверь отворилась и тотчасъ же заперлась за Ниночкой. Евгеній Семеновичъ старался видѣть, что происходило послѣ, но сначала долго не могъ ничего разсмотрѣть. Магазинщица подошла къ окну и подняла стору, Ниночка стояла подлѣ: онѣ вмѣстѣ разсматривали бѣлый вышитый жилетъ. Потомъ магазинщица принесла мантилью, скроенную изъ сѣраго каш-

Digitized by Google

мира, развернула передъ Ниночкой узоръ и указала на концы мантильи; Ниночка завязала ее въ узелъ и пошла къ дверямъ.

Евгеній Семеновичъ поспѣшно отошелъ отъ магазина.

— Цвѣтными шелками и синелью, понимаю, сказала Ниночка, выходя изъ магазина.

Вотъ все, что онъ слышалъ изъ ихъ разговоровъ, но этого довольно: онъ понялъ безпомощное, горькое, бѣдственное положеніе Ниночки. Голова его горѣла; онъ думалъ о новыхъ мукахъ, только что подготовленныхъ для нея Вирскимъ въ пансіонѣ m-me Т. и не зналъ, какъ оградить ее отъ нихъ.

Давно уже ему не было такъ грустно; онъ почти помирился съ своей бѣдностью, а вотъ она снова начинаетъ давить его! Онъ вошелъ въ комнату и бросился на постель.

Разставшись съ домомъ Глафиры Юрьевны, онъ унесъ навсегда въ душѣ своей образъ прежней Ниночки; онъ живо помнилъ ея дѣтскій, беззаботный, звонкій смѣхъ, трепетную ручку, опиравшуюся такъ часто на его руку, ея страстныя мечты, наивно высказавшіяся ему первому, ея деспотическія выходки и пріемы балованнаго ребенка. Тогда и онъ былъ молодъ, боролся съ мечтами—но мечталъ: боялся сознать въ себѣ любовь—но любилъ. Тогда въ немъ была жажда ея взгляда, ея голоса, и муки побѣжденной въ половину ревности, и тревожныя попытки вызвать ея душу на взаимность. А теперь, не взглядъ ея,

Digitized by Google

не улыбка, не пожатіе руки предстаютъ его воображенію и заставляютъ сердце биться—нѣтъ, ему нужно отвесть отъ нея хотя одно страданіе, избавить ее хотя отъ одного униженія! Такъ долго силы его, жизнь его, бездомнаго бѣдняка, никому не были нужны; съ отрадой бросаетъ онъ ихъ на служеніе другому существу, нѣкогда любимому и незабытому....

Евгеній Семеновичъ зашагалъ, закружилъ по комнатѣ; жгучія и горькія мысли толпились въ головѣ его—душно!... Онъ отворилъ окно, сѣлъ подлѣ, запустилъ руки въ волосы и заплакалъ....

Потомъ онъ преодолѣлъ себя, успокоился и сталъ разсматривать свою жизнь. Онъ поступилъ на службу ровно чрезъ годъ послѣ свадьбы Ниночки. Черезъ четыре года его перевели въ другой городъ и дали содержаніе побольше. Это ободрило Евгенія Семеновича; онъ сталъ служить ревностнѣе; пошли слегка чины, и, наконецъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника онъ самъ уже перепросился въ К.... Бухгалтеръ-человѣкъ боязливый и дѣлъ по своей части не довѣряетъ никому, а неусыпно ведетъ ихъ самъ. Онъ былъ отъ природы характера подозрительнаго и думалъ, что помощникъ его только *прикидывается* хорошимъ и старательнымъ, *а въ головѣ совсѣмъ не то*.... Такимъ-образомъ онъ трудился за себя и за помощника, вмѣстѣ.

Евгенію Семеновичу это было очень на руку; онъ могъ заниматься сколько хотѣлъ живописью, къ которой пристрастился совершенно, могъ да-

Digitized by Google

вать уроки русованья и началъ давать ихъ въ пансіонѣ m-me T*. У него былъ товарищъ, однокурсникъ, Сурмиловъ, единственная братская душа. Судьба откинула ихъ далеко другъ отъ друга; но мысли и чувства, горе и минуты радости дѣлились дружно. Въ трудные часы унынія, Евгеній Семеновичъ былъ въ восторгѣ отъ словъ Сурмилова, который заставлялъ его вѣрить въ блестящую и счастливую будущность. Съ грустной улыбкой сомнѣвающагося ребенка, которому нянька сулитъ пудъ конфектъ, когда онъ выздоровѣетъ, и отнимаетъ у него, больнаго, одну, взятую имъ, Евгеній Семеновичъ перечитывалъ письма Сурмилова. Сурмиловъ писалъ ихъ, нашептывая душѣ своего друга какія-то неясныя надежды, увлекая его несбыточными мечтами. Евгеній Семеновичъ отвѣчалъ ему словами горькаго недовѣрія, но къ сердцу его, нечувствительно для него самаго, прививались неуловимыя частицы этихъ надеждъ и мечтаній.

Сурмиловъ попалъ учителемъ въ домъ богатаго малороссійскаго помѣщика. Онъ поѣхалъ на годъ, а прожилъ, самъ того не замѣтивъ, девять лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, уча другихъ и самъ учась многому. Онъ жилъ день за день, не заботясь о своей будущности и не спрашивая себя, удовлетворительно ли его настоящее. Натура его была удивительно любящая и попечительная; но, раздѣливъ богатый запасъ своей любви и попеченій на трехъ любимѣйшихъ изъ товарищей по

Digitized by Google

воспитанію, онъ на свою долю не оставилъ ничего. Нѣжнѣе другихъ любилъ онъ Евгенія Семеновича и снисходительнѣе смотрѣлъ на слабости его характера.

Еще въ университетѣ Сурмиловъ говаривалъ своимъ друзьямъ: «Вы на меня не смотрите, вы еще дѣти, вамъ жить надо.» «А тебѣ?» спрашивали друзья. «Я что за чудо! мнѣ живется,» бывалъ всегда отвѣтъ простодушный и веселый. И въ самомъ дѣлѣ, Сурмиловъ никогда собой не занимался и никогда не страдалъ за себя морально: но на душу свою онъ принялъ заботу о трехъ жизняхъ, и все, что портило или отуманивало одну изъ нихъ, ложилось свинцомъ ему на душу.

Недавно еще Евгеній Семеновичъ получилъ отъ него письмо:

«Ты все, Евгеній, толкуешь, что жить грустно. Пропащій ты человѣкъ! А палитра твоя и «краски что? а искусство что? Грѣшишь, душа «моя; жизнь твоя быть можетъ очень хорошею; «ты можешь наполнить ее міромъ прекраснаго. «Но о прекрасномъ я тебѣ ни слова,—ты не стоишь этого, пока не образумишься. Вотъ тебѣ, «покамѣстъ, полезное. У *насъ* строится церковь. «Архитектура славная, а живопись плоха. Поручено просить тебя написать для нововыстроенной церкви двѣ иконы. Сюжетъ предоставляется твоему выбору, работа не къ спѣху, плата «щедрая. Съ благоговѣніемъ, склонивъ чело во «прахъ, ожидаю рѣшенія моего Рафаэля. Не отказывайся. Ты живописецъ-поэтъ, Евгеній; ты

Digitized by Google

«самъ себѣ не знаешь цѣны! Я только умѣю чув-
«ствовать прекрасное, а ты можешь возбуждать
«это чувство и доводить его до экстаза.

«Твой Сурмиловъ.»

Евгеній Семеновичъ послалъ ему въ отвѣтъ отказъ, исполненный недовѣрія къ своимъ силамъ и твердаго убѣжденія, что ему обыкновенно ничто не удается. Но теперь онъ взвѣсилъ все и въ мигъ очутился за письменнымъ столомъ: онъ считалъ себя не въ правѣ отказываться.

«Душа, Сурмиловъ, простя сумасбродную вы-
«ходку и объяви согласіе. На сегодня безъ по-
«ясненій; я несчастливѣе прежняго, но сильнѣе
«духомъ.»

«Присылай мѣрку картинъ и самъ назначь
«имъ цѣну, только побольше — деньги нужны.
«Я не Рафаэль, но ушелъ однако, отъ деревен-
«скаго маляра на столько, что могу написать
«Мадонну, передъ которой ты перекрестишься
«съ чувствомъ за меня.»

«Евгеній.»

Черезъ мѣсяцъ онъ отправилъ оконченное изображеніе *Спасителя въ Геосиманскомъ Саду* къ Сурмилову, при письмѣ, въ которомъ описывалъ ему встрѣчу съ Ниночкой и поручалъ выслать деньги на ея имя въ К....

«Но именемъ чести, заклинаю тебя, Гриша,
«похоронить въ душѣ твоей тайну этихъ денегъ.
«Самъ отвези на почту, чтобъ не возбудить не-
«скромныхъ вопросовъ: кому это? кто она?.. По-
«вторять праздными устами ея имя — грѣшно;

Digitized by Google

«дѣлай для нея, что понадобится, и молчи! Бѣд-«няжка таетъ съ каждымъ днемъ; разными пу-«тями я узналъ отъ Дуняши, что она бродитъ по «цѣлымъ днямъ возлѣ пансіона, чтобы хотя из-«далп посмотрѣть на дѣтей. Она такъ ослабѣла, «работать не можетъ, а оттого еще больше лише-«ній. Въ послѣднее время она продала бархат-«ную мантилью и серьги за безцѣнокъ — жить «нечѣмъ. Въ подобномъ положеніи встрѣча со «мной, какъ съ человѣкомъ, знавшимъ ее въ «счастливую пору ея жизни, подкрѣпила бы ее, «не правда ли, Сурмиловъ? Хотѣлъ было пойдти «къ ней, но обдумалъ, что пока не вышлешь ей «денегъ, не годится. Мнѣ кажется, что она обо «всемъ догадается.... Избави ее Богъ отъ этого; «вѣдь это оскорбитъ ее: просто ножъ въ серд-«це. Понимаешь? Смотри же, душа, не свѣтреничай и не полѣнись. Спѣши только съ высылкой, сколько можешь: хочется ей принесть душевное подкрѣпленіе увѣренностью, что она все «же не одна совершенно. Хотя часто думаю, что «ей отъ этого? Сердце щемитъ за мое безсиліе «и за ея муки....»

Ниночка лежала въ постели, когда ей принесли повѣстку на 500 руб. ассигнаціями. Густая краска разлилась по лицу ея; она поспѣшно одѣлась, накинула старую шаль, надѣла шляпку, и чрезъ полчаса стояла въ почтовой конторѣ.

— Письмо съ деньгами на имя Вирской, сказала она чиновнику, протягивая дрожащей рукой повѣстку.

Digitized by Google

— Есть. Извольте-съ росписаться и получить, отвѣчалъ онъ.

Онъ вскрылъ конвертъ, пересчиталъ ассигнаціи и подалъ ей. Она убѣжала, но черезъ минуту возвратилась.

— А письмо? спросила она.

— Письма не было-съ.

— Не можетъ быть, воскликнула она: — Не обронили ль вы?

— Помилуйте-съ, этого еще съ нами не бывало.

Однако онъ принялся искать на полу, искалъ долго и безуспѣшно.

— Вѣрно потомъ получите, сказалъ чиновникъ, переставъ шарить по полу.

— Странно! произнесла Ниночка, поблѣднѣвшими губами, и вышла нерѣшительно.

Евгеній Семеновичъ узналъ о своемъ успѣхѣ, узналъ и то, что Нина вообразила, будто деньги ей присланы мужемъ—въ этой мысли она нашла для себя безпредѣльную отраду. «Меня представили виноватой въ глазахъ его», думала она: — «но онъ любитъ меня, заботится обо мнѣ, тайно отъ меня самой. И почеркъ незнакомый.... при посылкѣ ни слова, чтобы не обнаружить тайны: онъ думалъ, что я откажусь. Нѣтъ, не всѣ еще чувства души его погибли для меня, его заставили быть жестокимъ, отнять у меня дѣтей.» И преданная своимъ мыслямъ, она произнесла вслухъ: «вѣдь это ужасно, Андре́, лишить меня разомъ всѣхъ радостей! Ты не подумалъ, ты бы

Digitized by Google

не сдѣлалъ этого...» Дуняша за перегородкой проворчала: «Таковскій! еще съ тебя мало, давно вишь не бита!» Видя, что Нина не унимается, она обратилась къ ней: «Перестаньте сударыня, вамъ недолго расхвораться.» Вслѣдъ за этимъ, она принялась стучать стульями и громко вздыхать при каждомъ рыданіи Нины.

Такъ прошла ночь.

На другой день Нина пошла поговорить съ Мимишей.

VII.

МИМИША ВЪ К....

Мимиша стояла на балконѣ и была очень занята разговоромъ съ молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати-пяти, когда Ниночка вошла къ ней. Мимиша протянула ей руку разсѣянно и неохотно. Нина смутилась и спрятала пакетъ, который принесла съ собой.

— Est-ce qu'il fait beau? спросила Мимиша: мсье Кутуковъ увѣряетъ, что погода удивительная.

— Очень хороша, сказала Нина.

— Вы ничему не вѣрите, сказалъ Кутуковъ.

Разговоръ заключился многозначительной гримасой Мимиши и затихъ.

Кутуковъ игралъ очень развязно перчаткой, снятой съ правой руки, поправлялъ прическу и охорашивалъ банты галстуха. Мимиша перевѣ-

Digitized by Google

шивалась чрезъ рѣшетку балкона и очень занималась прохожими. Нина не знала, что ей дѣлать; наконецъ успѣла ускользнуть съ балкона навстрѣчу Пелагеѣ Андреевнѣ.

— Кто это? спросила она.

— Онъ служитъ въ канцеляріи губернатора; очень образованный! Мими находитъ, что онъ именно образованный: ей всегда пріятно съ нимъ. Отецъ его помѣщикъ; фамилія хорошая — Кутуковъ!

— Да, хорошая фамилія, сказала Нина разсѣянно.

— Мнѣ кажется, онъ неравнодушенъ.... Пелагея Андреевна улыбнулась: — впрочемъ, молодъ.... Богъ-знаетъ, будетъ ли что, сказала она.

— До завтра, мсьё Кутуковъ, раздался голосъ Мимиши.

Кутуковъ ушелъ.

Не правда ли, онъ comme il faut? сказала Мими, обращаясь къ Нинночкѣ.

— Да.

— Нинѣ онъ не понравился. Его обращеніе показалось ей самоувѣреннымъ и развязнымъ; костюмъ провинціальнаго франта, разговоръ неулавшагося денди, ничтожная, но самодовольная физіономія — все произвело на нее нерасполагавшее въ пользу *образованнаго* Кутукова впечатлѣніе. Быть-можетъ и Мими чувствовала бы съ ней за-одно, еслибъ ея не связывало что-то очень-похожее на признательность.

Digitized by Google

Нравственный кризисъ совершился съ Мимишей только въ-половину, рѣшимость зажить другою жизнью скоро въ ней угасла. Однако съ этой рѣшимостью она переѣхала въ К...; но здѣсь уединенная жизнь, грустное лицо, горькая улыбка, пробѣгавшая по ея губамъ, вѣчныя прогулки подъ руку съ старухой-матерью, обратили на нее вниманіе. Однако попытки знакомиться съ новопріѣзжими никому не удавались. Пелагея Андреевна была бы и не прочь, но Мимиша не хотѣла; она еще не успѣла забыть всѣхъ испытаній прежняго своего положенія въ свѣтѣ: она отъ него спряталась и боялась снова съ нимъ встрѣтиться.

Костюмъ ея былъ всегда изященъ и простъ; походка медленна, граціозна; взглядъ холоденъ, неопредѣленъ, грустенъ. Безъ претензіи на таинственность, она имѣла что-то загадочное. Пелагея Андреевна казалась доброй и словоохотной старушкой, и тѣмъ рѣзче отдѣлялась молчаливость Мимиши. Городъ К.... занялся не на-шутку ими обѣими. Самолюбіе Мими вздрогнуло по-старому. Но ѣдкія воспоминанія остановили этотъ порывъ — она сдержала его незванный трепетъ. Нѣкоторыя изъ дамъ старались заговаривать съ ней на гуляньяхъ, двѣ даже сдѣлали визитъ, но Пелагея Андреевна одна заплатила имъ визитомъ — Мамиша не хотѣла и упорно избѣгала всякихъ разговоровъ.

Всякій разъ, какъ Мимиша играла, подъ окнами ея собиралась по вечерамъ толпа; она встрѣчала вездѣ обращенные къ ней любопытные

Digitized by Google

взгляды; это заставило ее болѣе заниматься музыкой и одѣваться съ бо́льшимъ стараніемъ. Пелагея Андреевна стала снова восхищаться своей Мими, подмѣчая эффектъ, производимый ею, и толковала о немъ неутомимо. Это было любимой и неистощимой тэмой ея разговоровъ; Мимиша увѣряла Пелагею Андреевну, что она ошибается, но про-себя подмѣчала все это.

Въ одномъ домѣ съ ними нанялъ квартиру экспедиторъ губернскаго правленія, человѣкъ семейный и съ состояніемъ. Жена его пришла познакомиться съ сосѣдками; Пелагея Андреевна и Мимиша отдали визитъ. Экспедиторша стала бывать часто, потомъ искусно уговорила ихъ придти къ ней вечеромъ. Вечеръ, между-тѣмъ, оказался званнымъ, Мимиша-произвела фуроръ, и въ первый разъ послѣ долгаго времени, легла спать съ значительно-облегченной душой. Съ тѣхъ-поръ не такъ трудно было Пелагеѣ Андреевнѣ сблизиться съ сосѣдкой, а тамъ сдѣлать визитъ прокуроршѣ, которая ее особенно обласкала. Далѣе она познакомилась въ домѣ предсѣдателя палаты.... у Пелагеи Андреевны стала появляться молодёжь съ визитами; тутъ-то сталъ чаще всѣхъ ѣздить Кутуковъ.

Кутуковъ служилъ въ канцеляріи губернатора, какъ сказала уже о немъ Нинѣ Пелагея Андреевна; онъ считалъ себя львомъ, говорилъ всегда много и громко о своихъ знакомствахъ и связяхъ, напѣвалъ что-то напоминавшее театральныя аріи, но напѣвалъ вполголоса и съ вырази-

Digitized by Google

тельными жестами; говорилъ часто о томъ, что онъ могъ бы, пожалуй, служить и въ Петербургѣ, но что здѣсь климатъ... климатъ—вотъ-что!...

Кутуковъ любилъ *высшій свѣтъ*, разсказывалъ, какъ часто его выбираетъ въ мазуркѣ графиня, какъ онъ въ *картишки* иногда играетъ *по большой*, ходилъ въ театръ постоянно и актёрамъ всегда говорилъ mon cher, да трепалъ ихъ при этомъ по плечу. Товарищамъ по службѣ онъ любилъ говорить «братецъ»: «врешь, братецъ! чушь несешь братецъ!» и отъ шампанскаго никогда не отказывался.

У отца его была небольшая деревня и восемь человѣкъ дѣтей. Митя (знакомецъ нашъ) былъ любимецъ матери. По двѣнадцатому году, бойкаго и избалованнаго мальчика отдали въ гимназію, гдѣ онъ учился очень-плохо. Не переходя, а медленно, и не иначе, какъ каждые два года, перелѣзая изъ класса въ классъ, Митя Кутуковъ, послѣ гимназіи, вступилъ на службу въ уланскій полкъ; но скоро вышелъ въ отставку и пріѣхалъ къ отцу, который опредѣлилъ его въ канцелярію. Тутъ-то Митя является уже тѣмъ Кутуковымъ, котораго мы видѣли на балконѣ у Мимиши. Подобно многимъ своимъ пріятелямъ, онъ былъ заинтригованъ появленіемъ Мимиши и Пелагеи Андреевны въ К..., ихъ уединенной жизнью и молчаливыми прогулками. Упорнѣе другихъ онъ сталъ добиваться разгадки грустнаго выраженія мимишина лица; чаще другихъ она встрѣчала взоръ его голубовато-сѣрыхъ глазъ; на вечерѣ у

Digitized by Google

экспедиторши онъ подошелъ къ ней и больше всѣхъ ею занимался.

Съ-тѣхъ поръ Кутуковъ всегда слѣдилъ за нею какъ тѣнь — почтительный, внимательный издали и любезный при встрѣчахъ въ обществѣ, но всегда исключительно занятый Мимишей. Жизнь ея сдѣлалась менѣе-сиротливою. Кутуковъ сталъ ѣздить къ нимъ въ домъ. Онъ былъ молодъ, считалъ себя гонимымъ судьбой и высказывалъ это нерѣдко, Мимиша вѣрила ему — они *симпатизировали*: между ними завелось даже нѣчто похожее на любовь. Мимиша повѣрила, что она можетъ еще быть любимой; наконецъ, эта сухая жизнь безотвѣтнаго сердца истомила ее и озлобила противъ нея-самой. Она столько понимала Кутукова, что не надѣялась на счастье отъ него, не любила даже его очень сильно, но шла, шла все впередъ, отдавшись отрадной мысли, что есть существо, для котораго она хоть что нибудь да значитъ.

Пелагея Андреевна, видя дочь менѣе-грустною, болѣе оживленною, ласково принимала Кутукова. Кутуковъ не разъ намекалъ что-то о чувствахъ, смотрѣлъ на Мимишу нѣжно, предупреждалъ всѣ ея желанія. Онъ любилъ ее на столько, на сколько безалаберная его натура могла любить, скажемъ, что онъ болѣе любилъ ее самолюбіемъ, нежели сердцемъ: онъ считалъ ее выше себя, выше образованіемъ и тщеславился ея вниманіемъ. Такое начало предвѣщаетъ не истинную лю-

Digitized by Google

бовь, а мимолетное увлеченіе; но этого никто изъ нихъ не разбиралъ.

Мимиша задумывалась подъ вечеръ; ее подъ сердцемъ жгло и давило; она вспоминала прежнее, потомъ силилась мечтать о будущемъ и увѣрять себя, что она любитъ Кутукова.

Такимъ-образомъ мало-по-малу составился маленькій романъ, вырвалось предложеніе у Кутукова и было принято—Мимиша стала невѣстой.

Приготовленія къ свадьбѣ заняли вѣтренную Мимишу и часто до сумасбродства необдуманную Пелагею Андреевну. Все это время имъ нѣкогда было навѣдываться къ Ниночкѣ.

Только послѣ свадьбы Мимиша собралась сдѣлать ей визитъ и нашла ее грустною, убитою болѣе прежняго. Мими чувствовала себя въ эту минуту счастливѣе Нины; сердце у ней было доброе и закипѣло участіемъ къ страдалицѣ. Она стала чаще пріѣзжать за Нинею, брать съ собой, развлекать ее.

За ними часто слѣдила издали высокая, худощавая фигура Евгенія Семеновича, но онѣ не замѣчали ея.

Благодаря его трудамъ, Вирская была ограждена отъ необходимости изнурять себя срочной работой: ея желанія угадывались и исполнялись; она получила разными непонятными путями собачку, нѣсколько горшковъ левкоя, жасмина и разъ гіацинтовъ — любимыхъ цвѣтовъ своихъ; изъ библіотеки, по понедѣльникамъ и четвертгамъ, ей приносили книги; имя ея стояло въ чис-

Digitized by Google

лѣ абонентовъ, вписанное какимъ-то проѣзжимъ. Все это ее сначала удивляло, безпокоило, пугало; потомъ она почти привыкла, по-крайней-мѣрѣ не старалась узнавать, кто былъ ея тайнымъ и такимъ заботливымъ другомъ.

Недавно онѣ вмѣстѣ съ Кутуковой зашли въ магазинъ картинъ и любовались двумя головками, показавшимися Нинѣ похожими на ея дѣтей. На другой день головки лежали у ней на столѣ, Богъ-знаетъ кѣмъ принесенныя. Она разсказала Мимишѣ; Мими думала, думала и объявила, что она здѣсь ничего не понимаетъ. Нина сказала, что подозрѣваетъ во всемъ своего мужа; Мими сомнительно покачала головой, но не могла придумать ничего вѣроятнѣе этого предположенія.

Но какъ же согласить все это съ его послѣднимъ жестокимъ поступкомъ?..

А сердцу Нины это такъ легко вѣрится! Нѣтъ, ея Андрè все тотъ же: онъ любитъ ее, любитъ, хотя и считаетъ себя вправѣ не любить злой жены, сдѣлавшей его семейную жизнь адомъ. Но кто же выставилъ ее съ этой отвратительной стороны? Кто далъ такое истолкованіе необдуманнымъ выходкамъ этой раздражительной, щекотливой, но въ высшей степени любящей натуры? Женщина, которую онъ нѣжно любилъ и которой вѣрилъ, которую онъ любилъ благодарнымъ чувствомъ сыновней привязанности... Нѣтъ, онъ не виноватъ! А если и виноватъ, то виноватъ, какъ поддавшійся обману; источникъ же этого обмана

Digitized by Google

—тоже чувство; слѣдовательно, сердце его легко возвратить чувствамъ.

Луна, глядя на Ниночку сквозь отворенное окно, дѣлала ея блѣдное лицо еще блѣднѣе; Дуняша вздыхала за перегородкой, ворочаясь сквозь сонъ на своей постели. Горячія руки Нины приподнимали влажные волосы, грудь волновалась неровно, легкій кашель вырывался изъ груди по временамъ. Вотъ что-то свѣтлое сплыло по щекамъ къ оконечностямъ губъ и напоило ихъ горечью; еще и еще... вотъ падаютъ эти капли на темное платье, на полу-открытую шею; звѣзды играютъ въ нихъ своими лучами.

Прихотливое облако набѣжало, заволокло луну, скрыло на-минуту неподвижную фигуру Ниночки и снова понеслось дальше. Опять то же блѣдное лицо, тѣ же сверкающія, медленно скатывающіяся слезы, тѣже горячія руки, бродящія по влажнымъ волосамъ.

— Славная ночь, чудная ночь! думала Нина.— Отчего же такъ душно? Дѣти, вѣрно, давно спятъ: въ пансіонѣ, вѣдь, рано ложатся... Я воспитывалась не въ пансіонѣ, мнѣ позволяли иногда бѣгать по свѣжей, вечерней росѣ; какое счастіе!.. А потомъ, когда мнѣ было тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, я подъ руку съ своей гувернанткой, впрочемъ, уже не съ гувернанткой, а съ другомъ, бродила по саду въ такую ночь. Какъ тогда становилось страшно и пріятно! точно слушаешь сказку о колдунахъ и духахъ! Сторожъ застучитъ сильно въ доску, собака кинется въ кус-

Digitized by Google

ты, кошка пробѣжитъ по крышѣ — вздрогнешь, сердце забьется. А если поетъ соловей, если вдругъ колокольчикъ зальется вдали... Гдѣ-то теперь Евгеній Семеновичъ! И онъ любилъ замечтаться, и онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ глядя на луну. Добрая душа! какъ онъ помогалъ узнавать колокольчикъ, различать звуки его, шуть: вотъ становой скачетъ, вотъ военный кто-нибудь; то нетерпѣливый, запоздалый гость, то утомленные дорожные... Маменька, маменька! и ты была со мною, маменька!.. произнесла Ниночка прежнимъ своимъ ласкающимъ, полу-дѣтскимъ голосомъ, но опомнилась и опустила руки.

— Но это ничего, это все ничего... Только не видѣть тебя больше, André.., Грѣшно такъ любить, можетъ быть!.. Еслибъ *она* допустила тебя хоть до одного свиданія, еслибъ въ эту минуту ты могъ видѣть меня... Дай мнѣ только стать у ногъ твоихъ на колѣни и выплакать все, все, что́ на душѣ! Быть-можетъ, и *я* виновата, но мы оба неправы: впрочемъ, не ты... Но я даже *ей* прощаю, вѣдь и *она* бывала иногда добра ко мнѣ. Зачѣмъ только отдалили вы возможность сближенія? зачѣмъ отчуждаете дѣтей отъ матери? Вотъ это не хорошо...

Опять облако закрыло Ниночку; слышались только ея глубокіе вздохи и шорохъ тоскливыхъ движеній. Она бросилась грудью на окно и подняла глаза къ южному ночному небу; въ этомъ положеніи освѣтила ее выплывшая изъ-за облака луна.

Digitized by Google

— André! произнесла она довольно-громко и съ невыразимымъ терзаніемъ.

Чей-то очень явственный вздохъ былъ ей отвѣтомъ. Она вздрогнула, взглянула на улицу— никого небыло.

— Бѣдняжка! сказалъ кто-то вполголоса, съ грустной лаской.

Она испугалась, отпрыгнула назадъ и захлопнула съ шумомъ окно. Въ туже минуту, чрезъ улицу, въ небольшомъ сѣромъ домикѣ, тихо затворилось угловое окошко.

VIII.

РѢШИМОСТЬ.

Дни уходятъ за днями, сглаживаютъ одно, уносятъ другое—жизнь Мимиши не богата радостями. Она вышла замужъ не по любви и не по разсудку, а чтобы перемѣнить свое положеніе: такъ больной въ томленіи ищетъ перемѣнить свое положеніе и отъ слабости падаетъ съ кровати. Тоже самое съ Мимишей. Только теперь холодна и молчалива ея истома, молчатъ стиснутыя губы, холодно глядятъ потускнѣвшіе глаза. Тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ шла она также холодно и молчаливо къ вѣнцу, черезъ недѣлю послѣ выслушала гнѣвную рѣчь старика Кутукова, провѣдавшаго о женитьбѣ сына.

Это было подъ вечеръ и когда Мити небыло дома; тарантасъ довольно древній остановился у

Digitized by Google

крыльца и черезъ нѣсколько минутъ Мимиша увидѣла передъ собой высокаго, прямаго, какъ шестъ, старика.

— Я Кутуковъ... началъ онъ.

Мимиша почтительно встала и хотѣла взять его за руку.

— Нѣтъ, позвольте, садитесь! сказалъ онъ, повелительно указавъ ей стулъ.

Потомъ онъ самъ сѣлъ, вытеръ лицо полубумажнымъ фуляромъ и помолчалъ съ минуту.

— У васъ проклятая лѣстница!—сказалъ онъ, и опять отдышался.—Сынъ мой негодяй! продолжалъ онъ и опять отдышался. — Онъ обошелся безъ родительскаго благословенья, ему отецъ не нуженъ, мнѣ такой сынъ не нуженъ: не дамъ ни копѣйки! Такъ и скажите ему отъ меня. Онъ вѣрно прибавилъ еще долговъ передъ свадьбой.

Мимиша сидѣла въ оцѣпенѣніи.

А вамъ стыдно не разобрать за кого идете! Право жаль васъ. У меня сынишка вотъ каковъ: изъ гимназіи выключили, изъ уланъ выгнали, изъ канцеляріи теперь тѣснятъ; въ картишки гораздъ и Шампанское дустъ. Съ пьяна буянитъ мастеръ! А на счетъ имѣнья,-такъ его части не достанетъ на уплату долговъ.

Старикъ всталъ.

— Прощайте, сударыня, хотѣлъ васъ предварить, а теперь только жалѣю. Вы перемѣните квартиру! На счетъ лѣстницы, она ужъ больно крута.

И онъ началъ спускаться.

Digitized by Google

Мимиша осталась неподвижно на своемъ стулѣ. Она давно уже сознала всю цѣну своему мужу, старикъ несказалъ ей ничего новаго. Она вспомнила, что Кутуковъ часто по нѣскольку дней не заглядывалъ домой, или возвращался въ восторженномъ состояніи послѣ попойки съ друзьями. Онъ неистово стучалъ стульями, шумѣлъ, говорилъ колкости женѣ и грубости тещѣ. Тогда полнымъ презрѣнья взоромъ смотрѣла на него Мимиша и, пока онъ перебранивается съ Пелагеей Андреевной, пока упреки сыплются съ обѣихъ сторонъ и бранчивыя выраженія раздаются вокругъ, Мимиша безсознательно глядитъ на улицу, или вперяетъ глаза въ потолокъ.

У Кутукова непріятности по службѣ, бѣдность стучитъ къ нимъ въ дверь—Мимиша будто ничего не видитъ и ни съ кѣмъ не говоритъ, глядитъ только по цѣлымъ часамъ на улицу и, если иногда Пелагея Андреевна забѣжитъ съ боку и заглянетъ слезливымъ взоромъ въ мутные, устремленные вдаль глаза, Мимиша задрожитъ вся, отведетъ тихо рукой старушку, а сама пересядетъ на другое мѣсто.

Марья Алексѣевна сидѣла, опрокинувъ голову на спинку стула; правая рука сжимала високъ, лѣвая легла тяжело на колѣни. Вѣки глазъ тихо шевелились; въ лицѣ выражалась напряженная неподвижность. Сквозь тихо скрипнувшую дверь просунулась голова Пелагеи Андреевны, а тамъ и вся худощавая фигура старушки скользнула мимо настоящей тѣнью, положивъ книгу на столъ

Digitized by Google

подлѣ Марьи Алексѣевны. Чрезъ нѣсколько минутъ она снова возвратилась и положила подлѣ книги начатый кошелекъ. Марья Алексѣевна ничего, казалось, не замѣтила. Пелагея Андреевна остановилась противъ нея и громко вздохнула. Марья Алексѣевна обратила на нее глаза.

— Ничего ты це хочешь дѣлать, Мими? спросила старушка боязливо.

— Ничего.

— Читать не будешь?

— Нѣтъ.

— Вязать, Мими?..

— Надоѣло.

Пелагея Андреевна нагнулась къ дочери и оперлась на ея колѣни.

— Ахъ, Мими, Мими!.. проговорила она сквозь слезы, заглядывая ей въ глаза.

— Maman!..

И Марья Алексѣевна упала головой на ея плечо; слезы рыданія прорвались у ней разомъ и смѣшались со слезами матери.

— Слушайте, maman, мнѣ больно, что *вы* плачете!.. Намъ, конечно, очень-плохо. — Но я не хочу, чтобъ *вы* страдали; я вамъ разскажу мою мысль; я буду трудиться — проживемъ еще безъ бѣды!

— Ахъ, Мими, Мими! рыдала Пелагея Андреевна.

— Чтоже вы плачете? Я знаю, вамъ больно, что мечты ваши не сбылись. Вы меня находили достойною лучшей будущности; самое полное сча-

Digitized by Google

стіе казалось вамъ для меня возможнымъ; вамъ тяжело отказаться отъ всего этого... Я вамъ не удивляюсь: я тоже подобно вамъ мечтала: блестящая участь назначалась мной для себя. Теперь, особенно въ послѣднее время, я много думаю обо всей своей жизни и о себѣ. Жизнь моя, можетъ-быть, раздражила душу и испортила характеръ, но развила во мнѣ разсужденіе. Конечно, это разсужденіе пришло не сегодня: оно-то и заставило меня сюда переѣхать. Но характеръ у меня шаткій—я снова увлеклась прежними призраками: при первой лукавой ласкѣ жизни, я бросилась всей душой въ ея обманы. Въ нихъ я думала забыться или отдохнуть... Ни того, ни другаго не случилось. Мнѣ во всѣхъ путяхъ жизни нуженъ былъ собственный опытъ; я его имѣю—чего же тутъ плакать?..

— Не говори такъ, Мими! И говоришь и молчишь ты все такъ странно, что сердце разрывается, глядя на тебя.

— Сердце разрывается? произнесла она въ забывчивости. — Я васъ увѣряю, что мое сердце больнѣе разрывалось; чувство въ васъ страждетъ, а во мнѣ самолюбіе.

Замѣтивъ, что старушка смотрѣла на нее со страхомъ, она замолчала и старалась собраться съ мыслями.

— Ну, maman? что жъ вы, maman?.. заговорила она вдругъ, взявъ ее за руку.—Не правда ли, хорошо будетъ завести пансіонъ? Эта праздная жизнь меня очень утомила и надоѣла мнѣ ужасно!... У

Digitized by Google

васъ мой аттестатъ? Я завтра же велю перекрасить залу и куплю кроватей для дортуара. Я бы васъ просила побывать у предсѣдателя: онъ хорошо къ намъ расположенъ, можетъ посовѣтовать, къ кому обратиться, чтобъ не встрѣтить затрудненій.

— Сегодня я сплакалась, Мими, ѣхать не могу.

— Поѣзжайте завтра часовъ въ двѣнадцать: онъ васъ приметъ.

— Все сдѣлаю, не грусти только такъ. Гдѣ же ты думаешь размѣстить всѣхъ?

— Пойдемте. Вотъ здѣсь я оставлю комнатку для себя; угловая для васъ; тутъ столовая... вотъ еще столы и скамьи нужно купить!.. (Марья Алексѣевна, говоря это, водила за собой по всѣмъ комнатамъ Пелагею Андреевну).—Смотрите, maman, станетъ здѣсь въ длину двадцать кроватей? Мнѣ кажется, что станетъ. А изъ гостиной сдѣлаю классную.

— Ну, а онъ гдѣ будетъ?

— Ему найму во флигелѣ.... конечно подѣлюсь съ нимъ чѣмъ должно, нуждаться не заставлю, но долговъ платить не стану и скажу ему это... Когда нибудь быть можетъ и на него найдетъ минута раскаянія, опомнится, жизнь безалаберная надоѣстъ!...

Пелагея Андреевна только вздохнула въ отвѣтъ.

Съ слѣдующаго дня началось перемѣщенье. Въ квартиру Кутуковыхъ свозили простыя кровати,

Digitized by Google

столы, и скамьи; суета и шумъ были во всемъ домѣ.

Кутуковъ пріѣхалъ: побилъ посильщика чуть было не задѣвшаго его столомъ, посмотрѣлъ на все съ любопытствомъ, покричалъ на Пелагею Андреевну, посвисталъ немного, плюнулъ и снова умчался на дрожкахъ!

Удивительная дѣятельность пробудилась въ Марьѣ Алексѣевнѣ. Она вездѣ и обо всемъ сама хлопотала. Она стала себя чувствовать довольнѣе, покойнѣе; лицо ея приняло болѣе-здоровый видъ. Въ свою очередь Пелагея Андреевна воскресла, ожила, засуетилась вокругъ дочери, не зная, чѣмъ быть ей полезной, наблюдая за переноской и безпрерывно перебѣгая изъ комнаты въ комнату.

Подъ вечеръ она уходила къ сосѣдямъ, къ знакомымъ, и тамъ все толковала о будущемъ пансіонѣ, твердя всѣмъ: «Моя Мимиша такая воспитанная, такая добрая!..»

IX.

ДЛЯ НѢКОТОРЫХЪ.

Наклонясь къ станку, трудился прилежно Евгеній Семеновичъ надъ портретомъ какой-то улыбающейся и играющей букетомъ розъ старушки. Портретъ улыбался и игралъ розами, пока Евгеній Семеновичъ дорисовывалъ фонъ и подроб-

Digitized by Google

ности, дополнявшія, или вовсе недополнявшія его.

— Je veux avoir un portrait faisant tableau, сказалъ ему оригиналъ, сладко улыбаясь. Оригиналъ — богатая устарѣвшая помѣщица, родомъ Нѣмка.

Евгеній Семеновичъ неуклонно повиновался оригиналу, сдѣлалъ портретъ картиной, помѣстилъ и голубую бархатную, вышитую серебромъ подушку, и букетъ розъ, и пару канареекъ въ маленькой клѣточкѣ надъ окошкомъ. Надо отдать ему справедливость — всѣ эти аттрибуты сантиментальнаго, розоваго chez-soi, были расположены довольно-кстати. Колоритъ былъ свѣжій, ясный, поза граціозная и простая, улыбка добродушная, портретъ былъ сходенъ и, между-тѣмъ, красивѣе оригинала. Евгеній Семеновичъ думалъ о щедрой платѣ, ему предложенной, и насвистывалъ прощальную арію Эдгарда изъ «Лючіи». Потомъ онъ сталъ думать о Сурмиловѣ, о Ниночкѣ, пересталъ свистѣть, уронилъ кисть и забылся.

Вчера еще онъ слышалъ ея вздохи, ея страстное, болѣзненное André!

Сегодня онъ былъ въ пансіонѣ и не видѣлъ ея дѣтей: ему сказали, что старшая больна, а меньшая сидитъ при ней, несмотря на запрещенія. Сурмиловъ давно не пишетъ... Грустно Евгенію Семеновичу!

Онъ открылъ форточку и сталъ смотрѣть на окна Ниночки; простоялъ, подумалъ полчаса,

Digitized by Google

опять вернулся къ портрету, поводилъ кистью и, вставъ, снова поглядѣлъ на ея окна.

Вотъ мелькнуло ея лицо, блѣднѣе грустнѣе обыкновеннаго: вѣрно узнала она о болѣзни дочери; разсказываетъ что-то Дуняшѣ, плачетъ; Дуняша вздыхаетъ и покачиваетъ головой. Евгеній Семеновичъ прильнулъ къ окну, уперся бородой въ рамку форточки и смотрѣлъ на нихъ. Иногда непокорная слеза повиснетъ у него на рѣсницѣ, рука тревожно откинетъ длинные волосы, и грудь высоко-высоко поднимется.

Стемнѣло. Никто не зажегъ свѣчи въ обоихъ домикахъ. Ниночка уѣхала куда-то съ Дуняшей на биржевыхъ дрожкахъ и черезъ четверть часа возвратилась. Въ это время почтальонъ принесъ письмо отъ Сурмилова Евгенію Семеновичу.

Послѣ нѣсколькихъ строкъ предисловія и отвѣтовъ на свои вопросы, Евгеній Семеновичъ прочелъ слѣдующее:

«Богъ тебя знаетъ, что ты такое, дорогой другъ Евгеній! Бѣгаешь за ней, какъ тѣнь, смотришь по цѣлымъ ночамъ изъ окна и потомъ скрываешься, какъ сказочный герой. Ты благороденъ, но, въ рифму скажу, и сумасброденъ. Только въ одномъ письмѣ ты сказалъ резонно: «Хочется ей присутствіемъ своимъ принесть духовное подкрѣпленіе». Эти слова показывали въ тебѣ знаніе человѣческаго сердца, а тамъ опять ты сбился, пошелъ толковать, чортъ-знаетъ что! Я часто умиляюсь, думаю о тебѣ и даже подстерегъ не-

Digitized by Google

давно у себя слезу отъ подобныхъ мыслей. Вѣрь, Евгеній, плакалъ, ей-Богу плакалъ, читая и перечитывая твои письма. Между-тѣмъ, душа моя, далеко убѣжало время! Мечты юности нейдутъ къ моей физіономіи, хотя это время вполнѣ возвратилось въ моемъ сердцѣ. Я за-одно съ тобой ненавижу и за-одно съ тобой люблю. Началъ бранить тебя, и теперь кончу похвалами именно за то, что̀ осуждалъ въ тебѣ тотчасъ; сердце у меня лучше головы. Оно самородное, а въ головѣ много привитаго: оттого-то она не всегда правильно толкуетъ тебя. Впрочемъ, не тебѣ слушать мои наставленія... Самъ не знаю, что пишу! Знаешь что? не пиши мнѣ такъ много о бывшей твоей ученицѣ. Я слишкомъ-много о ней думаю, слишкомъ растревоживаюся ея судьбой; отъ этого теряю свой обыкновенный характеръ, лѣниво занимаюсь, становлюсь угрюмымъ въ обращеніи. Между-тѣмъ семейство, гдѣ живу, тревожится, спрашиваютъ: чѣмъ я недоволенъ, не сержусь ли на нихъ? Эхъ, Боже мой, на душѣ тяжело!.. Уйду, брожу по лѣсу, думаю все, чѣмъ бы поддержаться изболѣвшему сердцу. Къ вечернѣ иду въ церковь. Выхожу оттуда всегда спокойнѣе и добрѣе: твои письма, передавъ мнѣ много твоего задушевнаго, улучшили и смягчили меня. Наша уединенная, сиротливая жизнь сохранила насъ ненарушимо, а годы, пронесшіеся надъ нами, унесли прежнюю шаткость, заставили насъ окрѣпнуть. Придумывай, приказывай, распоряжай-

Digitized by Google

ся мной всегда на пользу ей. Жизнь еще можетъ за всѣ теперешнія муки вознаградить ее въ ея дѣтяхъ; когда они подростутъ, ты будешь говорить имъ о матери и научишь любить ее. Такая мысль могла зародиться только въ нѣжной, женской душѣ; но вся нѣжность твоей неуловима и неисчерпаема. Не даромъ мы звали тебя поэтомъ, энтузіастомъ; намъ надо набресть на доброе, а къ тебѣ оно само-собой приходитъ. Обѣ иконы, писанныя тобою, превосходны. Спрашивали, портретистъ ли ты, и не можешь ли пріѣхать сюда? Обѣщаютъ доставить тебѣ много работы у себя и по сосѣдямъ; а мнѣ бы хотѣлось отогрѣться душой въ-конецъ, послушавъ тебя... Только лучше не ѣзди теперь, не оставляй ее. Кто знаетъ, что еще ей грозитъ»!

Евгеній Семеновичъ смялъ письмо и невольно повторилъ: «кто знаетъ, что еще ей грозитъ!...

Ему ясно предстала возможность еще горестнѣйшихъ испытаній для бѣдной Ниночки, Онъ многое передумалъ, съ трудомъ дождался утра, и побѣжалъ въ пансіонъ.

— Мнѣ надо видѣть модели, которыя я принесъ вчера, сказалъ онъ вышедшей ему навстрѣчу классной дамѣ.

Онъ сталъ перекидывать модели съ озабоченнымъ видомъ.

— M-me T*** здорова? спросилъ онъ небрежно.

— Здорова, но очень озабочена. Вообразите, у насъ обнаружилась скарлатина!

Digitized by Google

Евгеній Семеновичъ поблѣднѣлъ.

— Много больныхъ? спросилъ онъ, какъ могъ хладнокровнѣе.

— Какіе вы! ужъ и испугались! Больныя отдѣлены, да всего ихъ четыре: Зеленцова, Пашкина и обѣ Вирскія.

— И меньшая! воскликнулъ онъ, содрогаясь.

— У меньшой легче, старшая опасна; m-me T*** уже увѣдомила бабушку и отца.

— А мать была у нихъ?

— Пріѣзжала вчера, но ея не пустили. Она страннаго характера женщина: не умѣетъ себя ни въ чемъ обуздать, рыдала ужасно; m-me T*** побоялась пустить ее къ дѣтямъ, чтобъ не растревожить ихъ. Впрочемъ, дѣти не очень къ ней привязаны: все больше вспоминаютъ бабушку и отца.

— Но это грѣшно! воскликнулъ Евгеній Семеновичъ: — знаете ли, какъ эта женщина несчастна!...

Онъ опомнился, увидѣвъ любопытный взглядъ классной дамы, и замолчалъ.

— Я знаю только, что она хотѣла выжить которую нибудь изъ насъ, чтобъ здѣсь быть классной дамой. Согласитесь, что это дурно ее рекомендуетъ, сказала она, и злая улыбка пробѣжала ящерицей по высохшимъ губамъ.

У Евгенія Семеновича похолодѣли руки.

— Кто же смотритъ за больными? спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Вообразите, la dame infirmiére испугалась скарлатины и притворилась больной; это ни на что не похоже. . безпорядокъ ужасный! Хорошо еще, что у насъ есть прекрасная, надежная женщина, Агаѳья; замѣтили вы, въ черномъ платьѣ всегда ходитъ?

— Небольшаго роста, полная?

— Да, она именно; преусердная!...

Евгеній Семеновичъ ушелъ, озабоченный новой мыслью; она привилась къ его сердцу и заставляла его биться, когда онъ глядѣлъ на терзанія Ниночки, всякій день возвращавшейся безъ успѣха изъ пансіона m-me T*** и на муки ея безъ словъ и слезъ въ церкви предъ образомъ Богоматери. Каждый разъ, какъ она приходила броситься на колѣни предъ святымъ изображеніемъ и простаивала такъ въ горестномъ забвеніи цѣлую обѣдню и вечерню, Евгеній Семеновичъ наблюдалъ за нею съ хоръ. Ликъ Святой Дѣвы, потемнѣвшій отъ времени, печальное мерцаніе тепливщейся передъ нимъ лампады и блѣдное лицо забывшейся на колѣняхъ молельщицы — были всегдашнимъ пунктомъ, къ которому безостановочно обращались его взоры.

Теперь, когда съ новыми муками, съ новымъ душевнымъ замираніемъ, она приковывала глаза свои къ святому лику, Евгеній Семеновичъ складывалъ на груди руки, падалъ головой на перилы хора и думалъ, все думалъ, чѣмъ бы принесть ей хотя мгновенную отраду.

Digitized by Google

Ему удалось, наконецъ, встрѣтить Агаѳью на улицѣ.

— Голубушка, ты ходишь за Вирскими!

— За всѣми смотрю, не только что за ними; только другимъ полегче, а эти, что день, то хуже: жаръ сильный; отецъ пріѣхалъ, да бабка ихняя — заголосили, расплакались...

— А мать не была?

— Не пускаютъ, сударь.

— Агаѳья, хочешь имѣть сто рублей?.. Клянусь, сейчасъ дамъ, дамъ больше, если хочешь, только сдѣлай, что хочу.

— Хорошо, коли можно.

— Подучи дѣтей, чтобъ они мать стали требовать, звать къ себѣ. Агаѳьюшка, сдѣлай это: вѣдь это не худое дѣло!

— Давно бы сдѣлала, кабы въ дурацкую мою голову пришло. Ахъ, голубчикъ мой, какіе вы добрые! Ну, удеру же я эту штуку мадамѣ!...

На слѣдующій день Ниночка, по требованію больныхъ дѣтей, была допущена къ нимъ. Вотъ гдѣ и когда она встрѣтилась съ своимъ Андрé и съ Варварой Ипатьевной! Ноги ея дрожали и подгибались, губы поблѣднѣли; она не знала, подойти ли къ мужу и къ свекрови.... Положеніе ея было невыносимо; она остановила на нихъ боязливый, отуманенный взоръ. Варвара Ипатьевна и Вирскій отвернулись.

Ниночка тихо сѣла между кроватками своихъ дѣтей, схватила руку одной, потомъ другой, ста-

Digitized by Google

ла цаловать ихъ волосы, прильнула лицомъ къ ихъ лицамъ: дѣти ея не узнавали; сильный жаръ съ бредомъ томилъ ихъ....

Четыре дня спустя послѣ этого происшествія, Евгеній Семеновичъ трудился надъ заказанною ему картиною, съ заплаканными глазами, но съ какимъ-то необыкновеннымъ одушевленіемъ. Яркія пятна зажглись на его выдавшихся скулахъ, глаза сверкали изъ-подъ увлаженныхъ слезами рѣсницъ.

Онъ бросилъ палитру—работа была кончена, и съ тихой, грустной, но исполненной надежды улыбкой онъ подошелъ къ окну. Не знаю, что̀ его поразило; только онъ задрожалъ, отошелъ во внутрь комнаты, схватилъ выдвижную трубочку и почти высунулся на улицу. Въ открытомъ окнѣ своей квартиры стояла Ниночка, въ глубокомъ траурѣ, прислонясь спиной къ подоконью. Передъ ней со сложенными руками и мрачнымъ, холоднымъ лицомъ, стоялъ Вирскій.

Евгеній Семеновичъ весь превратился въ слухъ; улица узка; на дворѣ тихо; слова Вирскаго сухо и мѣрно раздавались въ воздухѣ.

— Вы меня призвали именемъ похороненныхъ мной сегодня дѣтей: я не могъ не придти; что̀ вамъ угодно?.. медленно сказалъ онъ, снявъ шляпу и опершись на тросточку.

Digitized by Google

Нина пошатнулась и ухватилась за грудь.

— Если я была виновата, проговорила она съ усиліемъ—простите меня; я васъ простила давно.

— Что?

— Андрè, не-уже-ли и смерть дѣтей не примиритъ насъ... хотя душевно?

— Вотъ что вы придумали! Вы очень находчивы...

— Небудь такъ жестокъ, вѣдь ты не таковъ! Ты мнѣ дѣлаешь много добра тайно! Такъ нѣжно заботиться, не любя, невозможно.

Она тихо опустилась на колѣни и пагнула голову.

— Я вамъ помогаю? Я забочусь? Нѣтъ, вы въ бреду!

Но поза ея была очень жалостна и выказывала вполнѣ ея страшную худобу: Вирскій съ содроганьемъ отступилъ на шагъ и сказалъ нѣсколько ласковѣе:

— Я не желаю вамъ зла... Богъ знаетъ, что это, зачѣмъ стоите вы на колѣняхъ?—И онъ невольно попятился.

— Не скрывайся, Андрè, къ чему маска? Нипочка, говоря это, все подвигалась на колѣняхъ.— Скажи мнѣ, что ты это для меня дѣлалъ!

— Я для васъ ничего не сдѣлалъ. Я старался о васъ забыть. Послѣ всего и это много.

— Послѣ всего! Что же я сдѣлала?

— Ахъ оставьте! забудьте тоже обо мнѣ, это избавитъ васъ отъ ненужныхъ волненій.

Digitized by Google

— Но вѣдь ты... вѣдь вы меня не забыли... Кто же присылалъ мнѣ довольно значительныя суммы? Кто не только ограждалъ отъ надобностей, но старался даже доставить удовольствія?

Нѣтъ, я не могу не благодарить тебя...

Она снова хотѣла опуститься на колѣни.

— Актриса!—произнесъ Вирскій и повернулся ко дверямъ.

Она взглянула на него испуганнымъ взоромъ.

— Прощайте навсегда! проговорилъ онъ, отворяя дверь.

— Навсегда?.. жить безъ дѣтей,—и безъ тебя!!..

Ниночка бросилась удержать его.

Стукъ захлопнувшейся двери былъ ей единственнымъ отвѣтомъ.

Темный вечеръ стлался давно по землѣ, мракъ его заслонилъ помертвѣвшую Нину отъ глазъ трепетно слѣдившаго за всей этой возмутительной сценой Евгенія Семеновича. Спустя нѣсколько минутъ Дуняша закрыла окно; послѣ полуночи оно опять раскрылось, Нина, глядѣла на звѣздное небо, и стонала: «Дѣти, дѣти! хоть бы во снѣ васъ увидѣть...

Едва успѣли отворить церковь, какъ Евгеній Семеновичъ, въ рабочей блузѣ, съ картиной въ одной рукѣ, а молоткомъ и гвоздями въ другой, вбѣжалъ въ нее. Онъ подставилъ лѣсенку, быстро вскарабкался по ней и началъ торопливо прибивать обновленную картину. Онъ спѣшилъ кон-

Digitized by Google

чить работу свою до начала обѣдни; ударили въ колоколъ и черезъ минуту крикъ болѣзненной радости раздался подлѣ Евгенія Семеновича—онъ чуть не упалъ съ лѣсенки.

Протянувъ руки къ картинѣ, плача и улыбаясь, несвязно произнося нѣжныя имена, стояла Нина на колѣняхъ. Святой ликъ Богоматери ясно глядѣлъ на нее; вдали, въ прозрачныхъ облакахъ, ей улыбались съ нѣжнымъ привѣтомъ лица двухъ ангеловъ. Какое сходство съ маленькими Вирскими! тѣже золотистые локоны, тѣже голубые глаза, сіяющіе любовью и ясностью, только бѣлоснѣжныя, легкія крылья поддерживаютъ ихъ и носятъ надъ землей, покинутой ими недавно.

Бѣдная мать твердила ихъ имена: взоръ ея окинувъ церковь, остановился на Евгеніи Семеновичѣ. Она его узнала, схватилась за голову, потомъ бросилась къ нему и взяла его за руки.

— Благодарю! Теперь я понимаю, благодарю за все!.. произнесла она, поднося быстро руку его къ своимъ губамъ.

Евгеній Семеновичъ вырвался и убѣжалъ, рыдая.

Говорятъ, онъ уѣхалъ къ Сурмилову.

Нина постоянно молится передъ образомъ Святой Дѣвы, глаза всѣхъ привыкли видѣть на этомъ мѣстѣ блѣдную женщину въ черномъ платьѣ и если она наконецъ перестанетъ ходить,- всѣ поймутъ что надо сказать тихую, кроткую молитву за ея бѣдную, страдавшую душу.

Digitized by Google

X.

ПОСЛѢДНІЙ УГОЛЪ НЕДОРИСОВАННОЙ КАРТИНЫ.

На четвертомъ кварталѣ отъ m-me T*** тянется длинный, бѣлый домъ съ узкими окнами. Готическія ворота украшены синей доской со словами: «Пансіонъ вдовы Кутуковой».

Въ классной, дѣти въ синихъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ, слушаютъ чинно уроки. Въ кабинетѣ, изъ котораго отворена дверь въ пріемную залу, сидитъ содержательница пансіона. Изящный, простой нарядъ очень присталъ къ стройной ея фигурѣ; тихая, грустная, но привѣтливая улыбка совершенно измѣнила прежнее выраженіе ея лица... И точно, предъ нами не прежняя Мими́, ничто не напоминаетъ о прошломъ, развѣ только суетливая, по старому, и совсѣмъ уже сѣдая Пелагея Андреевна, бѣгающая изъ комнаты въ комнату, какъ въ былые дни, выдвинетъ воображенію рядъ картинъ былаго.

Вотъ по улицѣ стучитъ тяжелый, неуклюжій тарантасъ, нагруженный подушками, узелками и сундуками. Онъ остановился у воротъ пансіона. Ступени лѣсницы трещатъ подъ чьими-то тяжелыми шагами. Дверь настежь; толстый помѣщикъ вводитъ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку въ длинномъ красномъ платьѣ съ желтыми тюльпанами.

Digitized by Google

— Мадамъ, я имѣлъ честь слышать много хорошаго о вашемъ пансіонѣ, и привезъ вамъ свою дочь.... При этомъ онъ дергаетъ дѣвочку за рукавъ ея краснаго платья.

Дѣвочка дѣлаетъ неуклюжій реверансъ.

— Кажется, Иванъ Петровичъ Журьба? говоритъ привѣтливо Марья Алексѣевна.

— Ахъ, сударыня! да какъ же вы меня знаете?

Марья Алексѣевна говоритъ свою прежнюю фамилію; Пелагея Андреевна выбѣгаетъ съ изъявленіемъ радости. Журьба подходитъ къ ручкамъ обѣихъ дамъ.

Идетъ разговоръ; обмѣниваются разсказами прошедшаго; всѣ, по-видимому, довольны другъ другомъ. Коробки, узелки, сундуки путешествуютъ въ лортуаръ и кладовую. Но Журьба — всегда Журьба: опираясь на старое знакомство, онъ выторговываетъ сотней рублей ассигнаціями плату дешевле и уѣзжаетъ, оставивъ свою Анюту въ пансіонѣ Кутуковой.

Неожиданная встрѣча и разговоры о прошломъ возвращаютъ Мими на мигъ къ позабытому; она задумывается и стоитъ, молча. Рыданія и всхлипыванія дочери Ивана Петровича Журьбы выводятъ ее изъ задумчивости.

Она обернулась къ ней съ легкимъ вздохомъ; глаза остановились на красномъ платьѣ съ желтыми тюльпанами. Ироническая улыбка скользнула по губамъ, но она преодолѣла себя и сказала ласково:

Digitized by Google

— Пойдите, душенька; вамъ въ дортуарѣ перемѣнятъ нарядъ вашъ на хорошенькое синее платье. Плакать нечего, дитя мое; вы увидите, какъ у насъ весело. Идите, идите, m-lle Журьба.

M-lle Журьба идетъ къ дверямъ, озираясь во всѣ стороны.

— Можно ли такъ одѣвать! говоритъ Марья Алексѣевна вполголоса, глядя ей вслѣдъ.

Одесса.

Digitized by Google

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

РОБЕРТА БОРНСА.

ПЕРЕВОДЪ

М. Л. МИХАЙЛОВА.

I.

* * *

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Какъ мы сошлись съ тобой,
Былъ гладокъ лобъ твой, и какъ смоль
Былъ черенъ волосъ твой.
Теперь морщины по лицу,
И снѣгъ житейскихъ вьюгъ
Въ твоихъ кудряхъ; но — Богъ храни
Тебя, сердечный другъ!

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Мы вмѣстѣ въ гору шли,
И сколько мы счастливыхъ дней
Другъ съ другомъ провели!
Теперь намъ подъ гору плестись;
Но мы рука съ рукой

Digitized by Google

Пойдемъ — и вмѣстѣ подъ горой
Заснемъ, сердечный мой!

II.

КЪ ПОЛЕВОЙ МЫШИ,

РАЗОРЕННОЙ МОИМЪ ПЛУГОМЪ.

(Въ ноябрѣ 1785.)

Трусливый сѣренькій звѣрёкъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой.
Поменьше трусь!
Вѣдь я не золъ — я за тобой
Не погонюсь.

Увы! съ природой наша связь
Давно навѣкъ разорвалась....
Бѣги, звѣрёкъ! хоть я, какъ ты,
Жилецъ земли
Убогій: самъ терплю бѣды,
Умру въ пыли.

Воришка ты; но какъ же быть?
Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,
Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ,
Почти съ землей сравнялся онъ....

Digitized by Google

И не найдешь ты въ полѣ мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ, грозенъ и суровъ,
Шумитъ кругомъ.

Ты видѣлъ — блекнули поля
И зимнихъ дней ждала земля;
Ты думалъ: «будетъ мнѣ тепло,
Привольно тутъ».
И что же? плугъ мой нанесло
На твой пріютъ.

А сколькихъ стоило хлопотъ
Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
Пропало все — и трудъ и кровъ;
Нигдѣ вокругъ
Пріюта нѣтъ отъ холодовъ,
Отъ бѣлыхъ вьюгъ.

Но не съ тобой однимъ, звѣрёкъ,
Такія шутки шутитъ рокъ!
Невѣренъ здѣсь ничей разсчетъ:
Спокойно ждемъ
Мы счастья, а судьба несетъ
Невзгоду въ домъ.

И доля горестнѣй моя:
Вся въ настоящемъ жизнь твоя;
А мнѣ и въ прошломъ вспоминать
Рядъ темныхъ лѣтъ,
И съ содроганьемъ ожидать
Грядущихъ бѣдъ!

Digitized by Google

III.

КЪ СРѢЗАННОЙ ПЛУГОМЪ МАРГАРИТКѢ.

(Въ апрѣлѣ 1786.)

Цвѣтокъ смиренный полевой!
Не въ добрый часъ ты встрѣченъ мной:
Какъ велъ я плугъ, твой стебелекъ
Былъ на пути.
Краса долины! я не могъ
Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой,
Своей сосѣдки молодой,
Поутру, только дрогнетъ тѣнь,
Въ росѣ качать,
Когда она румяный день
Летитъ встрѣчать.

Былъ вѣтеръ сѣверный жестокъ,
Когда впервые твой ростокъ
Родную почву пробивалъ;
Въ налетѣ грозъ
Ты почку раннюю склонялъ,
Подъ бурей взросъ.

Отъ непогодъ цвѣтамъ садовъ
Защитой стѣны, тѣнь деревъ.
Случайной кочкой былъ хранимъ
Твой стебелёкъ;
Въ нагихъ поляхъ ты цвѣлъ незримъ
И одинокъ.

Digitized by Google

Ты скромно въ зелени мелькалъ
Головкой снѣжною, ты ждалъ
Привѣта солнышка — и вдругъ
Во цвѣтѣ силъ
Тебя настигъ мой острый плугъ
И погубилъ.

Таковъ удѣлъ цвѣтка села —
Невинной дѣвушки: свѣтла
Душой довѣрчивой, живетъ,
Не чуя бѣдъ;
Но злоба срѣжетъ и сомнетъ
Прекрасный цвѣтъ.

Таковъ удѣлъ пѣвца полей:
Среди обманчивыхъ зыбей
По морю жизни онъ ведетъ
Свой хрупкій челнъ,
Пока подъ бурей не падетъ
Добычей волнъ.

Таковъ удѣлъ въ борьбѣ съ нуждой
Всѣхъ добрыхъ: гордостью людской
И зломъ на смерть осуждены,
Они несутъ —
Однихъ небесъ не лишены —
Кровавый трудъ.

Надъ маргариткой плачу я....
Но это доля и моя!
Плугъ смерти надо мной пройдетъ
И въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня подрѣжетъ — и затретъ
Мой слабый слѣдъ.

Digitized by Google

IV.

ПАХАРЬ.

Вешнее солнце взошло надъ землей;
Пахарь-красавецъ идетъ за сохой.

Тихо идетъ онъ и громко поетъ:
«Кто-то весною, какъ пахарь, живетъ?»

Рѣзвая пташка летитъ въ небеса;
Рано проснулась на крыльяхъ роса.

Съ пахаремъ пташка поутру поетъ;
Къ ночи подруга въ гнѣздѣ ее ждетъ.

V.

ДЖОНЪ ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО.

Когда-то сильныхъ три царя
Царили за одно —
И порѣшили: «Сгинь ты, Джонъ
Ячменное зерно!»

Могилу выроли сохой,
И былъ засыпанъ онъ
Сырой землею, и цари
Рѣшили: «Сгинулъ Джонъ!»

Пришла весна. тепла, ясна,
Снѣга съ полей сошли....

Digitized by Google

Вдругъ Джонъ Ячменное Зерно
Выходитъ изъ земли.

И сталъ онъ полонъ, бодръ и свѣжъ
Съ приходомъ лѣтнихъ дней;
Вся въ острыхъ иглахъ голова—
И тронуть не посмѣй!

Но осень томная идетъ....
И началъ Джонъ хирѣть,
И головой поникъ—совсѣмъ
Собрался умереть.

Слабѣй, желтѣе съ каждымъ днемъ
Все ниже гнется онъ....
И поднялись его враги:
«Теперь-то нашъ ты, Джонъ!»

Они пришли къ нему съ косой,
Снесли бѣднягу съ ногъ
И привязали на возу,
Чтобъ двинуться немогъ....

На землю бросивши потомъ,
Жестоко стали бить,
Взметнули кверху высоко—
Хотѣли закружить.

Тутъ въ яму онъ попалъ съ водой
И угодилъ на дно....
«Попробуй, выплыви-ка, Джонъ
Ячменное Зерно!»

Нѣтъ, мало! взяли изъ воды

Digitized by Google

И, на полъ положа,
Возили такъ, что въ немъ едва
Держалася душа.

Въ жестокомъ пламени сожгли
И мозгъ его костей;
А сердце мельникъ раздавилъ
Межъ двухъ своихъ камней.

Кровь сердца джонова враги
Пируя стали пить,
И съ кружки начало въ сердцахъ
Ключемъ веселье бить.

Ахъ, Джонъ Ячменное Зерно!
Ты чудо-молодецъ!
Погибъ ты самъ; но кровь твоя —
Услада для сердецъ.

Какъ разъ заснетъ змѣя-печаль,
Все будетъ трынъ-трава....
Отретъ слезу свою бѣднякъ,
Пойдетъ плясать вдова.

Гласите жъ хоромъ: «Пусть во вѣкъ
Не сохнетъ въ кружкахъ дно,
И вѣкъ поитъ насъ кровью Джонъ
Ячменное Зерно!»

VI.

ЗЛАЯ СУДЬБА.

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ;

Digitized by Google

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!

Мой станъ былъ прямъ, побѣгъ могучъ,
Мой цвѣтъ благоухалъ;
Въ росѣ ночей, въ блистаньѣ дня
Я бодро возрасталъ.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ;
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ!

Digitized by Google

ПИКНИКЪ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

А. Н. МАЙКОВА.

Въ одни изъ воротъ города Флоренціи выѣхала коляска съ двумя путешественниками. Одинъ былъ господинъ Синичкинъ, лѣтъ тридцати, бывшій съ какимъ-то порученіемъ въ Бельгіи и, на обратномъ пути, по дорогѣ заѣхавшій въ Италію. Другой былъ Горуннинъ, пріѣхавшій нарочно въ Италію, по своей надобности, господинъ вида мрачнаго, взора тусклаго, лица блѣднаго, волоса русаго. Съ виду онъ былъ старше Синичкина, но это только такъ казалось при противоположности его физіономіи съ румянымъ, нѣсколько полнымъ, нѣсколько счастливымъ лицомъ Синичкина, окаймленнымъ вѣнчикомъ бакенбардъ, сходившихся подъ подбородкомъ.

— Скажите, пожалуйста, мосьё Горуннинъ, спросилъ первый: — мы ѣдемъ на пикникъ, а вѣдь я не знаю, что̀ это за пикникъ и кто тамъ будетъ?

— Порядочно я и самъ не знаю. Устроилъ все

Digitized by Google

Перуцци.... будутъ, говорилъ онъ, кое-кто изъ итальянцевъ, и дамы, тоже итальянки....онъ ручался, что будетъ весело.

— А изъ нашихъ-то, не знаете, кто будетъ?

— Ну, да вотъ вы, я, Тарнѣевъ....

— Вы знаете Тарнѣева?

— Я сошелся съ нимъ здѣсь, за-границей; впрочемъ мы были знакомы и прежде.

— Я какъ-то слышалъ эту фамилію по случаю одной исторіи въ Мюнхенѣ. Впрочемъ это былъ, можетъ быть, другой Тарнѣевъ. Этотъ господинъ и еще какіе-то въ этомъ родѣ артисты сидѣли въ трактирѣ, пили и такъ, на радости, выбили стекла въ окошкахъ. Явился хозяинъ, завязался споръ. Тарнѣевъ вынулъ пистолетъ и порядочно припугнулъ почтеннаго трактирщика. Нѣмецъ жаловался, и они заплатили.... Впрочемъ пистолетъ не былъ заряженъ.

— Я думаю, что это тотъ Тарнѣевъ, произнесъ Горуппнъ со вздохомъ:—я его очень люблю: въ немъ много прекраснаго.... но это же не обязываетъ меня быть слѣпымъ къ его дурнымъ качествамъ. Впрочемъ онъ всегда говорилъ, что это просто право дѣлать все, за что можешь заплатить. Онъ такія штуки и дома продѣлывалъ, и ему все счастливо сходило. Бывало, ни съ того, ни съ сего, ночью перебьетъ стекла по дачамъ.... Его всегда вы могли видѣть на желѣзной дорогѣ въ веселой компаніи.

— Но вѣдь все это ужасно дико?

— Да, у него все выходитъ какъ-то дико, да-

Digitized by Google

же самыя его прекрасныя побужденія. Напримѣръ, его что-нибудь заинтересуетъ, вдругъ припадетъ ему охота учиться; онъ накупитъ книгъ и зарое-тся въ нихъ. Разъ какъ-то онъ цѣлые полгода пропадалъ — что́жъ? учился химіи. Тамъ онъ опять пропалъ, и оказалось, что онъ пошелъ странствовать съ какимъ-то цыганскимъ табо-ромъ: жилъ въ полѣ, въ лѣсахъ, по ярмаркамъ ѣздилъ, воротился настоящимъ цыганомъ; даже физіономія у него тогда сдѣлалась цыганская; выучился ковать лошадей, пѣть пѣсни.... даже ворожить.

— А, чай, и воровать, подумалъ Синичкинъ:— хорошъ молодецъ: ну какъ этакой цыганъ вы-скочитъ за-границу?... спросилъ онъ вслухъ.

— Да онъ и здѣсь проявился. Въ Болоньѣ вотъ что́ было. Мы пріѣхали съ нимъ и сидѣли въ отелѣ. Вдругъ слышимъ шумъ на улицѣ. Къ намъ вбѣгаетъ хозяйка въ отчаяньѣ. За нею супругъ ея, маленькій, толстый, въ фартукѣ. Онъ кричитъ, зоветъ гарсоновъ, велитъ женѣ запереть отель, гарсонамъ вооружиться и идти за ними. На улицѣ выстрѣлы. Мы спрашиваемъ хозяина — что́ такое? — Итальянцы разумѣется ни шагу безъ паѳоса—онъ гордо отвѣчаетъ : la patriaci chiama! «отечество призываетъ!» Кля-нусь вамъ, несмотря на его квадратную фигуру, на огромный животъ, накрытый фартукомъ, онъ былъ великъ въ эту минуту: знаете, столько энергіи!...

— Очень вѣрю: итальянцы такіе же превосход-

Digitized by Google

ные актеры въ жизни, сколько плохіе на театрѣ; очень понятно, тамъ—импровизація, здѣсь—обдуманность... Чтожъ Тарнѣевъ-то?

Хозяинъ выбѣжалъ, я началъ запирать окна и двери, Тарнѣевъ надѣлъ пальто, повязалъ голову платкомъ, схватилъ пистолеты и исчезъ. Я ужасно за него боялся; знаю, что человѣкъ безумный; да и сами посудите, зачѣмъ въ чужія дѣла вмѣшиваться? Намъ-то что изъ этого?.. Я провелъ мучительныхъ два часа, безпокоился о немъ, хотѣлъ пойти отыскать, образумить его; но вѣдь, знаете, въ незнакомомъ городѣ, куда сунешься? Только вижу, хозяинъ съ гарсонами и цѣлой толпой несутъ на рукахъ моего Тарнѣева, кричатъ ему viva! Тарнѣевъ былъ въ крови; перевязали ему руку; легкая рана... не знаю, чѣмъ его ткнули. Только хозяинъ называлъ его спасителемъ своей жизни и въ честь его задалъ такую пирушку, какую можетъ задать только трактирщикъ на радости.

— Что же это за драка была?

— Вздоръ какой-то: играли въ мору муниципалы,—тамъ что ли — съ швейцарцами и поссорились.... Завязалась драка; нашлись защитники съ той и съ другой стороны... Вотъ и все. Вздоръ!.. Въ Романьѣ эти случаи бываютъ безпрестанно. Для Тарнѣева кончилось все конечно хорошо: жена хозяина приходила перевязывать ему руку... и очень плакала, когда мы уѣзжали.

— Скажите, пожалуйста, какъ это странно! Этакимъ сорванцамъ и счастье везетъ.

Digitized by Google

— Удивительное счастье! въ игрѣ напримѣръ. На водахъ онъ въ одинъ вечеръ все спустилъ, что у него было. На другой день пришелъ съ однимъ червонцемъ—у меня же и занялъ — и все вернулъ, да и слишкомъ.

— При такомъ счастьи ему и времени нѣтъ, я полагаю, одуматься.

— Нѣтъ, не говорите! послѣ той драки въ Болоньи, знаете, какъ онъ опѣшился: совсѣмъ упалъ духомъ. Онъ чувствуетъ, что ему недостаетъ многаго, недостаетъ образованія, что голова пуста; учиться поздно, а хочется. Вотъ онъ и читаетъ теперь газеты, вдался въ политику, все это его ужасно занимаетъ; онъ написалъ письмо къ О'Коннелю — и разумѣется не послалъ; пишетъ разные протесты противъ Гизо, противъ... ну, тамъ по-испанскимъ дѣламъ; не признаетъ разныхъ актовъ разныхъ парламентовъ, и все это пишетъ.., оно и неглупо написано, есть много сердца и благородства, много строкъ, знаете, à la Heyne, но вѣдь согласитесь, къ чему это? кому до него дѣло?

— Отчего же не употребить этихъ способностей въ пользу дома? Все губитъ его эта безпорядочность, а онъ бы пошелъ далеко.

— Нѣтъ, никогда! не такая натура. Развѣ съ малолѣтства бы вести его совсѣмъ иначе, а то выросъ въ деревнѣ до шестнадцати лѣтъ. Онъ болѣе человѣкъ минуты; у него идея является вдругъ, а терпѣнья, усидчивости нѣтъ. Ему нужно слово, онъ плещетъ, поразитъ, ударитъ какъ молнія, охватитъ предметъ вѣрно и мѣтко, ука-

Digitized by Google

жетъ,—а тамъ не его дѣло. Я по-крайней-мѣрѣ такъ понимаю Тарнѣева, а впрочемъ....

Мало-по-малу разговоръ путниковъ сталъ переходить на другіе предметы; они касались ихъ слегка, развлекаясь разсматриваніемъ того, что имъ встрѣчалось по дорогѣ: то занимаетъ ихъ телѣга, нагруженная сельскими произведеніями, запряженная двумя рогатыми этрурскими волами, которые всею силой своей шеи сдерживаютъ напоръ тяжести и бережно сносятъ ее съ горы, а погонщикъ идетъ въ сторонѣ и покрикиваетъ: Горунинъ при этомъ вспоминаетъ древнихъ этрусковъ и житницу Рима, древнюю Этрурію. — То промчится мимо нихъ коляска съ англичанами, и кучеръ нашихъ путешественниковъ оборачивается непремѣнно къ нимъ и говоритъ: «это тоже господа англичане; господа англичане—хорошіе господа», на что господинъ Синичкинъ объясняетъ ветурину, что онъ имѣетъ счастье везти не англичанъ, а что они русскіе. За господами англичанами, легкой рысцей, въ кабріолетѣ на маленькой лошаденкѣ проѣдетъ въ свою винью, т. е. въ свой виноградникъ, какой-нибудь флорентинскій адвокатъ или судья, который улыбается встрѣчнымъ, какъ-будто говоря, что у него нѣтъ причины не любить ихъ, и который съ почтительнымъ поклономъ снимаетъ свою соломенную шляпу передъ другой, черной, съ широкими полями, шляпой, покрывающей лысую голову.

Дорога идетъ по горѣ: съ обѣихъ сторонъ ви-

Digitized by Google

поградники; бѣленькіе домики мелькаютъ съ обѣихъ сторонъ, оплетенные виноградными листьями, образующими передъ ними тѣнистые навѣсы: сочные грозды поспѣвающаго винограда висятъ съ деревянныхъ жердей, какъ въ прихотливо убранной залѣ искусной рѣзьбы канделябры. За этими домиками, около которыхъ или работалъ трудолюбивый земледѣлецъ тосканскій, или играли дѣти, сады богатыхъ виллъ, кипарисы, лавры и каменный дубъ съ непроницаемой для солнца зеленью; высокія ограды, усѣянныя мелкими розанами или павьюченныя широкими гирляндами плюща, то чернаго въ тѣни, то зелено-золотистаго на солнцѣ. Тамъ загородные дворцы флорентинскихъ, нѣкогда знаменитыхъ, купцовъ-феодаловъ, съ колоннами, галлереями и террасами, уставленными этрурскими глиняными вазами, въ которыхъ растутъ, подымаясь полосами кверху, какъ пламень на жертвенникѣ, листья кактусовъ и алоэ.

— Боже мой, какъ все это хорошо! сказалъ Горунинъ. Онъ хотѣлъ говорить больше, но не могъ, и молча рисовалъ передъ собою счастье людей, которые жили посреди этой богатой природы, такъ благодарно платящей за малѣйшій трудъ... Онъ думалъ и о счастьѣ этой женщины, которая несла на плечахъ связку сухихъ виноградныхъ сучьевъ для топки печи, и за которой, малъ-мала-меньше, бѣгутъ человѣкъ пять ея черноглазыхъ ребятишекъ, тоже съ маленькой ношей; думалъ онъ о беззаботной жизни этого погонщи-

Digitized by Google

ка муловъ, идущихъ топотно со вьюками на спинахъ; и съ особенной любовью о счастьѣ этой дѣвушки, которая, вдали, съ террасы одной виллы, смотрѣла въ зрительную трубу, можетъ быть кого-нибудь ожидая изъ отдаленнаго города, который улегся стройной, легкой громадой, окутанный голубыми парами полудня, въ лощинѣ, по берегамъ мутнаго Арно... Онъ думалъ, какъ долженъ быть счастливъ тотъ, кого она ждетъ, и какъ-будто вопрошаетъ о немъ этотъ городъ цвѣтовъ, широкія арки его мостовъ, его величественный куполъ собора, его дворцы, рынки, сады, ворота и отдаленныя, синеватыя горы...

— Больно смотрѣть мнѣ на эту природу! воскликнулъ онъ наконецъ:—на меня она дѣйствуетъ какъ-то болѣзненно! Чувствуешь присутствіе жизни—и чувствуешь въ тоже время, что въ самомъ себѣ она давно замерла!... Посмотришь, вѣдь дрянь-то какая передъ этими именами Данта, Микель-Анджело, Саванороллы, эти кузнецы, сапожники, портные, которые повелѣваютъ своему архитектору Арнольфо ди Лапо воздвигнуть храмъ, какому подобнаго человѣкъ не могъ бы вообразить: размахъ-то воли какой! какой полетъ воображенія!... Все это, все, и природа и исторія, — это тысячи укоровъ, на которые только отвѣчаешь, что во мнѣ нѣтъ этихъ порывовъ, этого нравственнаго величія! Не знаешь, за что̀ такъ обиженъ, за что и отчего выпалъ этотъ жребій!.. Грустно, грустно и грустно!...

Горунинъ поникъ головою и сталъ смотрѣть

Digitized by Google

въ сторону: онъ готовъ былъ заплакать. Синичкинъ, занимавшійся болѣе соображеніемъ, въ какое попадетъ онъ общество, не понялъ съ разу Горунина и, смотря на его блѣдное лицо, которому грустныя думы придавали старческое выраженіе, хотѣлъ было спросить, который ему годъ, но посовѣстился.

— Скажите, пожалуйста, продолжалъ Горунинъ:—на васъ не производятъ особеннаго впечатлѣнія эти картины?

— Вижу, что хорошо. Но вѣдь посмотрѣлъ — и довольно. Съ собой не увезешь....

— И то хорошо, что хоть чувствуете; но вотъ какъ перестанешь еще чувствовать, одрябнешь совершенно подъ гнетомъ дѣйствительности, утратишь даже способность страдать и сознавать свое ничтожество!

— Ваша правда, отвѣчалъ, подтягивая перчатки, Синичкинъ:—человѣкъ примиряется и съ самой страшной нуждой... Только я не полагаю, чтобы вы себя подводили подъ этотъ разрядъ.

— Да не нужда, понимаете, не нужда, потому-что я и не нуждаюсь, проговорилъ Горунинъ съ досадой, думая про себя, какъ это могутъ быть у насъ молодые люди, учившіеся въ университетахъ, живущіе въ свѣтѣ—и не только чуждые общихъ понятій вѣка, какъ называлъ Горунинъ свои слабости, но даже чуждые языка и терминологіи, которою они выражаются... Но это негодованіе не было продолжительно; онъ снова обратился къ себѣ, какъ больной къ своей болѣз-

Digitized by Google

ни, вовсе не заботясь, понимаютъ его или нѣтъ: «Ну, что я такое въ сравненіи съ здѣшними людьми? какой-то гномъ, слизнякъ, полипъ; и если у меня въ головѣ родится какой-нибудь идеалъ, то не Аполлонъ Бельведерскій, не Геркулесъ, не Лаокоонъ, а тоже какой-нибудь слизнякъ, какъ всѣ герои повѣстей и поэмъ.... А что всего хуже, такъ это то, что если почувствовалъ гдѣ зло, нашелъ его внѣ себя или въ себѣ, то вѣдь радъ его анатомировать, рѣзать его, копаться въ этомъ маленькомъ мірочкѣ, въ микроскопъ разсматривать ядовитую ранку въ душѣ, а не возвыситься надъ нею, какъ Дантъ, какъ Альфіери, какъ Байронъ.

Хотя господинъ Синичкинъ все не понялъ Горунина, какъ бы хотѣлось послѣднему, однако это признаніе, это «раскапыванье маленькаго мірочка, это разсматриваніе ядовитой ранки въ душѣ» подѣйствовало благотворно на мрачное расположеніе духа Горунина; онъ повеселѣлъ и чувствовалъ странное самоудовлетвореніе.

Тутъ коляска, поднявшись на гору, повернула вправо по забору, и проѣзжихъ нашихъ поразили восклицанія, апплодиссменты и хохотъ, которые раздавались немного въ сторонѣ отъ дороги около остеріи, въ толпѣ народа. Работники ли, вышедшіе на воскресенье погулять за городомъ и повидаться съ своими семьями, или поселяне, отдыхавшіе отъ недѣльныхъ трудовъ своихъ за кружкою вина, стояли, кто въ сѣрой, кто въ зеленой курткѣ, въ синихъ панталонахъ, въ чулкахъ

Digitized by Google

и башмакахъ, всѣ съ веселыми физіономіями, которымъ круглыя шляпы съ широкими полями придавали мужественное выраженіе; они толпились около, должно быть, импровизатора; другіе, съ маленькою трубочкою въ зубахъ, лежали брюхомъ на травѣ и, оперши головы на локти, смотрѣли туда же; сельскія маленькія дѣвочки, переплетясь руками, съ остренькими глазками своими и цвѣточнымъ вѣнкомъ на головѣ, тоже составляли маленькую публику, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, двѣ—вѣрно хозяйскія дочери или служанки, принесшія на головѣ корзины съ золотыми апельсинами, сорванными съ вѣткой и листьями, всходя на лѣстницу, остановились, не снимая тростниковыхъ корзинъ съ головы, смотрѣли туда, куда всѣ смотрятъ, улыбались и переглядывались между собою.

— Вотъ жизнь-то! вотъ она! сказалъ Горунинъ:—смотрите, какъ она развернулась. Велимъ остановиться: поглядимъ на народную сцену.

— Пожалуй, возразилъ Синичкинъ: — только не пойдемте къ народу; еще испачкаемся, а намъ предстоитъ вѣдь любезничать съ дамами.... то есть какія бы ни были, а все таки дамы. Вѣдь мы не знаемъ, кого наприглашалъ этотъ черномазенькій Перруци. А потому мое правило: на всякой случай быть порядочнымъ. Если позволишь себѣ быть спустя рукава....

Но внезапный хохотъ въ толпѣ и восклицаніе Горунина прервали изложеніе правилъ Синичкина.

Digitized by Google

— Боже мой! Тарнѣевъ! воскликнулъ Горунинъ, увидавъ посреди толпы молодаго человѣка.—Ахъ сумасшедшій! то-то онъ съ утра ушелъ, говоритъ—пѣшкомъ дойду, полюбуюсь видами! Вотъ они, его виды!

— Въ самомъ дѣлѣ! и отсюда-то онъ наровитъ къ дамамъ! Сойдите, Горунинъ, позовите его, а я васъ здѣсь подожду въ колискѣ.

Горунинъ съ видомъ человѣка, только что пораженнаго великимъ несчастіемъ, поспѣшилъ къ Тарнѣеву, а Синичкинъ поправилъ закинутую за плечо альмавиву, потянулъ перчатки и бормоталъ про себя: хорошъ будетъ!

Между тѣмъ Тарнѣевъ, безъ сюртука, безъ шинели, безъ галстуха, въ бумажномъ колпакѣ въ видѣ треугольной шляпы, стоялъ на столѣ и *ломался* какъ паяцъ передъ публикою. Онъ сильно жестикулировалъ, дополняя знаками и жестами то, чего не могъ вполнѣ выразить на не совсѣмъ знакомомъ ему языкѣ, ломая и составляя разныя пословицы по-итальянски, отчего толпа помирала съ хохоту. То вдругъ онъ сброситъ съ себя бумажный колпакъ и схватитъ тыкву, въ которой продолбилъ отверстіе, чтобы надѣвать на голову, возьметъ палку и вытянется въ струнку какъ солдатъ, при чемъ сдѣлаетъ жалкую, плаксивую, безсмысленную мину; публика не могла надивиться, что это одинъ и тотъ же человѣкъ. «Браво и viva» раздавались при каждомъ движеніи, при каждой остротѣ.

— Ему бы идти въ паяцы! думалъ Синичкинъ

Digitized by Google

сидя въ колясцѣ и смотря, какъ Тарнѣевъ пародировалъ разные извѣстные ему анекдоты, перелагая ихъ на итальянскіе нравы:—въ этомъ переложеніи досталось всѣмъ: и полиціи города Флоренціи, и почтеннымъ его торговцамъ, и тедескамъ, ненавистнымъ въ Италіи, и доминиканцамъ, и францисканцамъ.

Горунинъ подошелъ къ толпѣ въ то время, какъ Тарнѣева подняли на руки и начали качать. Завидя его, Тарнѣевъ закричалъ ему:

— Ахъ, Горунинъ! какъ я радъ, что ты пріѣхалъ! здѣсь ужасно весело! эти итальянцы безподобный народъ.

— А ты давно здѣсь? Горунинъ придумывалъ, какъ бы взяться за дѣло, чтобы уговорить скорѣе Тарнѣева ѣхать съ ними: «онъ вѣдь упрямъ, думалъ Горунинъ, когда что-нибудь заберетъ въ голову».

— А вѣдь намъ пора, я думаю? спросилъ онъ.

— Успѣемъ.

— Не хочешь ли, мы довеземъ тебя?

— Если ты не хочешь здѣсь остаться, то поѣзжайте... Покамѣстъ мнѣ и здѣсь весело! Наскучитъ, такъ и пріѣду.

— Э, Тарнѣевъ, ты знаешь, что безъ тебя будетъ скучно.

— Ну, вотъ!

— Право, поѣдемъ.

— Я буду послѣ...

— Тарнѣевъ!...

Digitized by Google

Но Тарнѣевъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ, садясь за столъ, посреди нихъ.

— Ступай своей дорогой, сказалъ онъ по-итальянски Горунину:—ты не знаешь, съ кѣмъ ты говоришь. Теперь я алжирскій бей и хочу пировать мою тысяча первую свадьбу. — Вина! кричалъ Тарнѣевъ.—Гдѣ моя казна?

Какой-то виньеролъ подалъ ему его кошелекъ; другіе держали, кто его сюртукъ, кто шляпу, кто часы, кто брильянтовую булавку.

Горунинъ ужаснулся такой ребяческой довѣрчивости своего товарища, подошелъ къ Синичкину и просилъ его сойти уговорить Тарнѣева ѣхать вмѣстѣ.

— Они оберутъ его до нитки, говорилъ онъ.

— Что же намъ съ нимъ дѣлать?

— Необходимо увезти.

— Да гдѣ же онъ наострился по-итальянски?

— Здѣсь, въ Италіи... всего въ три-четыре мѣсяца... удивительныя способности! энциклопедическая натура!

Синичкинъ рѣшился выдти изъ экипажа.

Тарнѣевъ между тѣмъ уже засѣлъ между ремесленниками и поселянами въ тѣсномъ кружкѣ за столомъ, велѣлъ всѣмъ подать вина, поставилъ передъ собою фольетту, вмѣщавшую около двухъ бутылокъ, и началъ вызывать охотниковъ съ нимъ состязаться. Его очень бѣсило, что онъ не могъ перевести по-итальянски вопроса: кто кого перепьетъ? Все ему казалось, что смыслъ этого слова нехорошо передается всѣми из-

Digitized by Google

вѣстными ему формами тосканскаго нарѣчія. «Что у нихъ за языкъ, говорилъ онъ своимъ: — *кто кого побѣдитъ*—chi vincerà? не то; *кто больше выпьетъ*? безъ всякой экспрессіи; нѣтъ, по нашему, *кто кого перепьетъ* — вотъ слово непереводимое.»

— Да знаешь ли что́, замѣтилъ ему Горунинъ: —что и понятіе-то, означаемое этимъ словомъ, отзывается чѣмъ-то особеннымъ.... Брось-ка это, поѣдемъ съ нами. Вѣдь насъ будутъ ждать дамы.

— Пожалуйста не мѣшай, Горунинъ, отвѣчалъ тотъ:—видишь, какъ тутъ весело... Вы поѣжайте, а часа черезъ два и я явлюсь. Мнѣ надобно освѣжиться и отдохнуть.

— Хорошо явится, особенно какъ еще всѣхъ перепьетъ, сказалъ Синичкинъ Горунину, который съ ужасомъ смотрѣлъ на стаканы, опоражниваемые Тарнѣевымъ и его собесѣдниками.

— Ну, если ты не поѣдешь, такъ мы безъ тебя поѣдемъ.

— И поѣзжайте.

— Но, самъ согласись, какъ же мы безъ тебя пріѣдемъ? какъ мы оставимъ тебя здѣсь, и съ такими людьми; и всѣ твои вещи; деньги — все это у нихъ; а ты одинъ... да они убьютъ тебя.

— Не смѣютъ!

— Какъ не смѣютъ! право, поѣдемъ.

— Да что́ вамъ до меня за дѣло? Ну, пріѣду, такъ пріѣду; нѣтъ, такъ нѣтъ. Мнѣ же здѣсь веселѣе. Тамъ еще дамы будутъ.... Здѣсь я съ хорошими людьми посижу. — Вѣдь вы хорошіе

Digitized by Google

люди, и ты хорошій человѣкъ, хоть плутъ, да что съ тобой дѣлать?.... продолжалъ Тарнѣевъ по-итальянски, обратясь къ своимъ собесѣдникамъ вообще, а въ особенности къ какому-то кузнецу, сидѣвшему подлѣ него, и началъ его обнимать и цаловать.

— Ну! дошло до сердечныхъ изліяній! проговорилъ тихо Синичкинъ, пожимая плечами.— Браво, Горунинъ, намъ остается только уѣхать. Пусть его дѣлаетъ, что хочетъ. Наше дѣло его предупредить. Притомъ и то, какъ же мы его привеземъ въ такомъ видѣ.

— Послушай, Тарнѣевъ, для меня.... ну я прошу тебя, поѣдемъ съ нами. Будетъ очень весело. Ну, я прошу тебя, послушай хоть разъ... изъ дружбы...

— Ахъ, Боже мой! я сказалъ, что я буду...

— Ты не поѣдешь?

— Теперь нѣтъ.

— Ну, намъ нечего дѣлать, Семенъ Васильичъ; отправимтесь.

— Конечно поѣдемте. Потомъ пришлемъ за нимъ коляску и кого-нибудь, кого онъ послушается.

Они сѣли въ экипажъ и поѣхали; но долго грустный взоръ Горунина не могъ оторваться отъ бѣлой остеріи, съ ея черепичной кровлей, съ ея закоптѣлой трубой, и отъ высокихъ трехъ или четырехъ кипарисовъ, защищавшихъ своею тѣнью отъ солнца Тарнѣева въ кружкѣ его собесѣдниковъ, тѣсно обсѣвшихъ около стола съ ви-

номъ и закуской. Мрачно глядѣлъ Горунинъ на этотъ домъ, на эту зелень, на этихъ людей; и они тоже, казалось ему, смотрѣли ему вслѣдъ такъ же мрачно и съ какимъ-то зловѣщимъ видомъ. Къ довершенію же непріятности его ощущенія, на дорогу передъ остеріей выбѣжалъ изъ конюшни хозяйскій оселъ и рычалъ благимъ-матомъ на всю окрестность, точно имѣлъ объявить во всеуслышаніе міру какую-нибудь плачевную новость.

Такъ они проѣхали еще нѣсколько миль; наконецъ коляска остановилась у высокихъ воротъ во вкусѣ рококо, украшенныхъ по обѣимъ сторонамъ головами львовъ, изъ пасти которыхъ лилась струя холодной ключевой воды. Направо и и налѣво отъ воротъ тянулась выкрашенная розовой краской стѣна, изъ-за которой виднѣлась густая темная зелень сада и осѣняла розовыя глиняныя вазы съ кактусами и мраморные, почернѣвшіе отъ времени бюсты, разставленные по стѣнѣ. Это былъ въѣздъ къ виллѣ Антолини, которая была давно оставлена обѣднѣвшими хозяевами, и которую Перуцци, распорядитель пикника, нанялъ на этотъ день у одноглазаго старика-смотрителя, носившаго еще истасканную ливрею прежнихъ владѣльцевъ. Синичкинъ вошелъ въ ворота за Горунинымъ, въ намѣреніи только взглянуть на садъ и палаццо, и потомъ вернуться въ городъ.

На шумъ подъѣхавшей коляски изъ замка выбѣжалъ господинъ, казавшійся еще совсѣмъ мо-

Digitized by Google

лодымъ человѣкомъ, и только при внимательномъ разсмотрѣніи его лица можно бы было прочитать въ немъ его тридцать пять лѣтъ. Онъ былъ разодѣтъ какъ на балъ, завитъ и раздушенъ, съ черными маленькими усиками, широкими бакенбардами и съ огромной пунцовой съ бѣлыми разводами камеліей въ петлицѣ фрака. Это былъ Перуцци. Откуда онъ родомъ, сказать трудно; какую жизнь онъ велъ до сихъ поръ, тоже отгадать невозможно: онъ казался по-крайней-мѣрѣ чрезвычайно comme il faut. Онъ попадался вездѣ въ Италіи: видали его и въ Венеціи сопровождающимъ семейство англичанъ и восхищавшимся полувизантійской архитектурой святаго Марка; и въ Неаполѣ засѣдалъ онъ съ нѣмецкими музыкантами въ café d'Europe; и въ Римѣ осматривалъ Колизей; и съ французскими дамами онъ ѣздилъ на ослахъ для прогулки въ Дженсано: вездѣ онъ встрѣчался. Но вездѣ итальянская молодежь его чуждалась; зато во всѣхъ городахъ блестящія женщины, актрисы, или пѣвицы, или просто оставленныя мужьями молодыя женщины, привѣтно ему улыбались, какъ *своему человѣку*. Онъ былъ не чичероне—какъ можно! онъ довольно учился, знаетъ хорошо археологію, составляетъ книгу подъ заглавіемъ: «Археологическая и живописная (pittoresque) Италія для иностранцевъ», и говоритъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ довольно порядочно. Онъ очень сожалѣетъ, что не знаетъ русскаго языка; часто спрашиваетъ русскихъ путешественниц

Digitized by Google

ковъ, какъ называются разныя вещи по-русски и записываетъ, а русскія путешественницы, вообще мало читающія по-русски, выхваляютъ ему богатство русскаго языка и русской литературы и обѣщаютъ ему прислать русскую грамматику на французскомъ языкѣ. Но никто еще ея не выслалъ. Сошедшись съ Горунинымъ и Тарнѣевымъ, онъ познакомилъ ихъ и съ Синичкинымъ и другими русскими, бывшими во Флоренціи, и взялся устроить пикникъ за городомъ, обѣщая пригласить и дамъ.

Онъ провелъ пріѣзжихъ черезъ темную миртовую аллею въ павильонъ, устроенный въ видѣ греческаго храмика съ портиками и террасами, весь убранный зеленью, цвѣтами и гирляндами и обставленный статуями. Тутъ были и Бахусъ и Альфіери, и Венера, и бюстъ Маріи-Терезіи, и амуръ, и какой-то, не помню который, Пій.

Уже двое изъ участвовавшихъ въ пикникѣ сидѣли въ павильонѣ на старинныхъ бархатныхъ съ позолотою диванахъ и креслахъ. Одного узнать было не трудно. На немъ было платье аббата: по одному его блѣдному, нѣсколько женоподобному и чрезвычайно нѣжному лицу, впрочемъ, носившему слѣды сильныхъ страстей, потому что глаза его сверкали, какъ уголья, можно было видѣть его аристократическое происхожденіе отъ какой нибудь нѣкогда знатной, но теперь упавшей фамиліи, въ которой, однако, сохранился старинный обычай опредѣлять одного изъ младшихъ сыновей въ духовное званіе, обѣщая

Digitized by Google

ему въ будущемъ кардинальскую шапку. Другой былъ господинъ въ длинной бекеши: волосы съ просѣдью, что̀ было замѣтно, несмотря на то, что они красились; физіономія почтенная.

Вошедшіе церемонно поклонились этимъ лицамъ, которыя отвѣчали тѣмъ же, и продолжали на минуту прервавшійся разговоръ.

— Такъ вотъ видите, говорилъ господинъ въ бекеши: — покуда все это не приведется въ порядокъ, то есть, не примутся мѣры, чтобы въ городахъ не обманывали, на дорогахъ не грабили, да пока не засадили вашу молодежь за дѣло, до тѣхъ поръ, повѣрьте, все у васъ ничего не будетъ въ Италіи. Суетность, праздность и пустота — это истинные бичи народовъ и государствъ. И противъ нихъ нужны мѣры строгости. Вотъ Наполеонъ умѣлъ васъ держать въ рукахъ; при немъ у васъ и конскрипція была, и все.... Нѣтъ, что̀ ни говорите, Наполеонъ былъ великій человѣкъ. Одна его ошибка, зачѣмъ сунулся на Россію....

— Наполеонъ умѣлъ пробудить въ итальянцахъ энтузіазмъ, отвѣчалъ аббатъ: — а тогда итальянецъ другой человѣкъ....

Горунинъ спросилъ что-то на ухо Синичкина, который отвѣчалъ ему шопотомъ:

— Благочинный, Андрей Иванычъ....

— Благочинный! повторилъ Горунинъ съ удивленіемъ, какъ-будто зналъ прежде эту фамилію, и вѣрно вспомнилъ что нибудь непріятное, потому что измѣнился въ лицѣ и посмотрѣлъ на

Digitized by Google

него такъ, какъ-будто думалъ про себя: неужели это и есть Благочинный?

Мало по-малу, не то, чтобы разговоръ сдѣлался общимъ, но каждый говорилъ что нибудь, какъ бы только для того, чтобъ говорить. Все какъ-то не вязалось. Перуцци безпрестанно выбѣгалъ отдавать приказанія и посмотрѣть, не подъѣхалъ ли кто: всѣ посматривали на часы, говорили о политикѣ и о кушаньяхъ; господинъ въ бекеши разсказалъ аббату, что онъ былъ въ Римѣ, что въ Римѣ много замѣчательнаго въ разныхъ родахъ.... кромѣ того онъ сообщилъ, что въ лѣтнее время въ Россіи ѣдятъ ботвинью, научилъ его, какъ ее приготовляютъ, присовокупивъ, что она «лучше вашего мороженаго».... Горунинъ ничего не говорилъ, но Синичкинъ, увидя Андрея Ивановича, рѣшился остаться и не ѣхать въ городъ, успокоившись и повеселѣвъ оттого, что есть хоть одинъ порядочный человѣкъ.

— А дамы-то не ѣдутъ, заключилъ протяжно Благочинный.

— Мосьё Перуцци, давайте дамъ, ужъ мы здѣсь два часа, подхватилъ Синичкинъ.

— Будутъ, будутъ, отвѣчалъ Перуцци и выглянулъ въ окно, какъ-будто дамы такъ и ждутъ его знака.

Небольшое молчаніе.

А все же ихъ нѣтъ, сказалъ аббатъ, поглядывая на часы.

— А вы то, что! вамъ зачѣмъ дамы; вѣдь вы

Digitized by Google

того.... должны быть, какъ красная дѣвушка, шутливо замѣтилъ ему Андрей Ивановичъ и засмѣялся.

Аббатъ покраснѣлъ.

— Ну, не бойтесь, продолжалъ Благочинный: — я не донесу!

— Видно, что аббатъ держитъ свой обѣтъ, потому что, какъ вы изволите говорить, замѣтилъ Синичкинъ, почтительно обращаясь къ Андрею Ивановичу:—онъ краснѣетъ, какъ красная дѣвушка.

Плоскій каламбуръ произвелъ эффектъ: Андрей Ивановичъ засмѣялся и дружески и покровительственно пожалъ руку аббату.

Скоро стали пріѣзжать дамы. Сначала появились двѣ: Signora Carolina, высокая, бѣлокурая флорентинка, бывшая въ дружбѣ съ какимъ-то знаменитымъ итальянскимъ поэтомъ и журналистомъ, эмигрировавшимъ во Францію; другая — Клара, маленькаго росту, нѣсколько полная, но, несмотря на то, чрезвычайно граціозная брюнетка; черные глаза ея ни на минуту не останавливались на одномъ предметѣ, но разомъ, казалось, обѣгали всю комнату, и каждый, на кого она взглянетъ, чувствовалъ что-то странное, чувствовалъ, что на него смотрятъ, и оборачивался, и ловилъ ея взглядъ, который уже, быстрый какъ молнія, игривый какъ амуръ въ воображеніи греческихъ поэтовъ, перенесся на другаго... Въ одно только время можно было смотрѣть ей въ лицо и не чувствовать электричества глазъ,

Digitized by Google

это когда она сложитъ на груди руки, откинется спиною на спинку креселъ или софы, на которой сидитъ, опуститъ свои черныя рѣсницы, погружаясь въ то удивительное спокойствіе, грацію и прелесть, о которыхъ знали только древніе, и которыя составляютъ принадлежность только италіянокъ: тогда такъ бы и бросился къ ней и сталъ бы страстно цаловать полуоткрытыя уста, и не далъ бы ей времени открыть глазъ, полусомкнутыхъ подъ обаяніемъ какого-то сладкаго усыпленія....

Послѣ нихъ вошла стройная, высокая женщина, неся въ рукахъ соломенную шляпу, сопровождаемая мелкимъ, дробнымъ хохотомъ маленькаго, сѣденькаго, румянаго и веселаго старичка; этотъ старичекъ былъ почти закрытъ ея бурнусомъ и зонтикомъ, которые онъ держалъ съ какимъ-то подобострастіемъ.

— La nostra bella Maria Grazia! провозгласилъ Перунди, представляя ей каждаго изъ присутствовавшихъ. Синичкинъ раскланялся съ изысканною граціей, стараясь дать замѣтить хорошее воспитаніе и пріятныя манеры, пріобрѣтаемыя, по его мнѣнію, только въ высшемъ обществѣ; Горунинъ поклонился молча, но непріятное расположеніе духа, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ виллу, превратилось просто въ тоску при видѣ Маріи Граціи. Аббатъ сдѣлался чрезвычайно веселъ и съимпровизировалъ четыре стиха, изъ которыхъ два въ биліонный разъ риѳмовали на *cuore* и *amore*, а другіе два на неразлучныя—sorte и morte, неизбѣжныя риѳмы, какъ у иныхъ рус-

Digitized by Google

скихъ поэтовъ — *кровь* и *любовь*, *Феба* и *неба*, *очи* и *ночи*.

Горунинъ воспользовался минутой, когда Перуцци выбѣжалъ изъ павильона, чтобы отдать приказаніе о подаваніи кушаньевъ, и спросилъ, кто эта дама, что́ вошла со старичкомъ?

— Oh! c'est une belle personne? отвѣчалъ тотъ: — remplie de talents! она скоро будетъ дебютировать здѣсь въ трагеліяхъ Альфіери. Она уже играла въ Веронѣ и въ Анконѣ и дѣлала фуроре. Ея исторія очень занимательна. Она дочь одного бѣднаго хориста, и у нея есть голосъ, но главное — въ ней трагическій талантъ. Въ обществѣ артистовъ она получила первое развитіе, такъ, сама собою. Потомъ въ нее влюбился одинъ сицилійскій графъ, и она вышла за него за-мужъ. Мужъ, извѣстный графъ Rocca Aspra, думалъ довольно облагодѣтельствовать бѣдную дѣвушку тѣмъ, что съ пожертвованіемъ даже своихъ фамильныхъ связей женился на ней, и, разумѣется, не хотѣлъ слышать, чтобъ она играла на сценѣ. Но страсть къ благородному искусству превозмогла все; она бросила мужа, бросила его титулъ, его имя, приняла старую фамилію отца Джузеппе Граціа и бѣжала съ однимъ французомъ; года два училась у знаменитаго Б—ни и прошлаго года дебютировала въ Веронѣ, а потомъ въ Анконѣ. Изъ Флоренціи поѣдетъ въ Римъ, а тамъ ужъ въ Миланъ.... О, у нея талантъ огромный!

— А этотъ французъ и теперь здѣсь?

— Французъ уѣхалъ давно.

Digitized by Google

— А этотъ старичекъ, отецъ ея, или...

— О, вы не знаете нашихъ обычаевъ. Этотъ старичекъ здѣшній адвокатъ; онъ постоянно при ней находится; влюбленъ въ нее страстно, безнадежно. Впрочемъ это не мѣшаетъ его природной веселости, и онъ ея ни въ чемъ не стѣсняетъ... Если вы съумѣете обратить на себя ея вниманіе.... но извините, ей Богу, меня ждутъ.... Вы понимаете, что, приглашая ее, я не могъ не пригласить и адвоката; она любитъ общество умныхъ людей, а адвокатъ долженъ же ее проводить....

Перуцци сдѣлалъ граціозный знакъ рукой Горунину, съ улыбкой склонилъ голову и побѣжалъ-было мелкими шагами отдавать приказанія, но опять вернулся на минутку, чтобы сказать Горунину съ таинственнымъ видомъ:

— Кажется, аббатъ къ ней неравнодушенъ, потому-что выпытывалъ отъ меня, будетъ ли она....

Съ этими словами онъ опять исчезъ.

Горунинъ, преисполненный уваженіемъ къ этой, по его мнѣнію, необыкновенной личности, устремилъ задумчивый взглядъ на павильонъ, на балконъ котораго вышла прекрасная Марія Граціа. Оправляя свои густые черно-сизые волосы, причесанные à l'antique, она говорила съ Синичкинымъ, который, видно было по лицу, осыпалъ ее комплиментами и былъ ими очень доволенъ, подергивая отъ времени-до-времени жилетъ и выставляя на солнце свои палевыя перчатки. «Да, это жизнь! — говорилъ Горунинъ

Digitized by Google

самъ съ собою: — мужа бросила, отдалась искусству.... сила-то какая!...» Увидя Синичкина, Горунинъ однако подумалъ, что жаль, что нѣтъ Тарнѣева, что жаль, что Тарнѣевъ ведетъ себя какъ чушка, а то бы, можетъ быть, не далъ бы этому молодчику восторжествовать надъ сердцемъ прекрасной Граціи. Себѣ же, отъ привычки уничтожаться передъ личностями, которыя считалъ выше своей, онъ не позволялъ и думать вступить въ соперничество, хотя и имѣлъ такія же бѣлыя перчатки, и чувствовалъ, что онъ умнѣе Синичкина. Припомнивъ однако, что надобно же «жить и веселиться», и главное «ловить настоящее», онъ сообразилъ, что другая дама, Клара, не внушаетъ къ себѣ такой робости, и что у нея въ лицѣ удивительное выраженіе доброты.

Рѣшено было не ждать Тарнѣева, тѣмъ болѣе, что пріѣхали еще двѣ дамы, и потому сѣли за столъ. Синичкинъ сѣлъ подлѣ Маріи Граціи.

Разговоръ за столомъ сначала былъ общій; говорили любезности дамамъ, съ помощью французскаго языка, который хорошо знала Марія Граціа; по-итальянски Синичкинъ и Горунинъ объяснялись довольно порядочно. Было довольно живо: Синичкинъ сказалъ нѣсколько удачныхъ фразъ; адвокатъ пустилъ въ ходъ нѣсколько анекдотовъ, аббатъ доходилъ иногда до паѳоса. Дамы смѣялись.... Но мало-по-малу разговоръ и остался за ними, за итальянцами и за Синичкинымъ; а Горунинъ впалъ въ меланхолію, разсуждая о жизни, объ успѣхахъ Синичкина, объ от-

Digitized by Google

сутствіи Тарнѣева, наконецъ о своей неспособности веселиться, тѣмъ болѣе, что вниманіемъ его дамы овладѣлъ адвокатъ, разсказывавшій ей какую-то исторію, которая тогда была въ ходу въ городѣ Флоренціи, объ одной англичанкѣ, похитившей какого-то юношу. Такъ силою обстоятельствъ долженъ былъ завязаться разговоръ у Горунина съ Андреемъ Ивановичемъ.

— Давно вы въ Италіи? спросилъ Благочинный.

— Съ полгода.

— А вы не служите?

— Нѣтъ.

— Напрасно.... въ ваши лѣта бы и дѣлать карьеру....

Горунинъ воспользовался макаронами, которыя ему подали, чтобы перейти къ другому предмету, а отъ макаронъ къ національности итальянцевъ вообще — одинъ шагъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что Андрей Ивановичъ, по его мнѣнію, ошибался въ своемъ сужденіи насчетъ итальянцевъ, — что въ нихъ, кромѣ энтузіазма, много энергіи, — что наконецъ, по его мнѣнію, никто такъ не терпѣливъ въ достиженіи разъ задуманной цѣли. Онъ привелъ въ примѣръ великихъ художниковъ, которые терпѣли всѣ лишенія, стремясь къ цѣли своего искусства.

— Вотъ этого-то элемента, этой энергіи, заключилъ онъ: — нѣтъ въ насъ, — этого элемента, который былъ въ Микель Анджело, въ Сикстѣ пятомъ....

Digitized by Google

Это очень обидѣло Благочиннаго, и справедливо.

— Въ нашемъ народѣ нѣтъ энергіи? говорилъ онъ. Да такая, батюшка, энергія, что дай Богъ другому кому. Что вы берете какихъ-нибудь выскочекъ — Сикстъ пятый или шестой....

— А Галилей.... да этихъ выскочекъ не перечтешь....

— Что̀ Галилей! Я вамъ покажу такихъ Галилеевъ въ нашихъ мужичкахъ. Да вотъ какъ. Объясните-ка мнѣ, что̀жъ это такое, какъ не сила, даже баснословная сила.

Замѣтивъ, что Синичкинъ начинаетъ прислушиваться къ ихъ разговору, Благочинный возвысилъ голосъ и сталъ разсказывать....

— Въ деревнѣ у сосѣда было. Небольшая деревенька: душъ пятьдесятъ; сторона лѣсная, въ Костромской губерніи, знаете, ближе къ Вятской. Были три мужика, три брата. Промышляли они, какъ и всѣ, знаете, звѣремъ; ходили на медвѣдя; съ ружьемъ ходили, съ рогатиной. Разъ середній братъ пошелъ одинъ, да и младшаго взялъ, который на медвѣдя-то, знаете, еще не хаживалъ. Взялъ ружье, топоръ за поясъ—безъ топора русскій мужикъ не выходитъ изъ дому. Пошли. Ну, напали на звѣря: звѣрь *престрашенный*: всталъ на заднія лапы да прямо на нихъ. Мужикъ, середній-то братъ, выстрѣлилъ — мимо! Медвѣдь на него. Нечего и думать — опять заряжать; топоръ-то онъ, знаете, тоже какъ на-зло, обронилъ. Медвѣдь на него: онъ ни шагу назадъ, выставилъ

Digitized by Google

кулакъ впередъ и ждетъ, и какъ голубчикъ подошелъ, онъ ему въ горловину-то всю руку: «на, Михайло Иванычъ, подавись», говоритъ. Младшій-то братъ совсѣмъ оторопѣлъ; ружья у него не было; руки такъ и опустились съ топоромъ вмѣстѣ. Братъ-то и кричитъ ему: — «Чтòжъ стоишь! огрѣй его по головѣ, да обухомъ валяй, да — говоритъ, мѣть по головѣ, а то шкуру пропорешь». А медвѣдь знаетъ себѣ мнетъ руку-то. Тотъ опомнился и пошелъ его колотить: ну, и убилъ. Такъ вотъ-съ гдѣ ищите энергіи. А выпусти вашего Галилея....

— Вы, кажется, что-то очень интересное разсказываете, чего мы не понимаемъ, сказала Марія Граціа....

— Прекрасная синьора, отвѣчалъ разскащикъ съ улыбкой: — гдѣ вы, тамъ только одно можетъ быть интересно: это вы.... А я, такъ, разсказывалъ, какъ у насъ одинъ мужичекъ убилъ медвѣдя....

— Это должно быть очень интересно.... Мы же совсѣмъ не знаемъ вашего отечества.... продолжала Граціа.

— Фи, какія страшныя вещи! воскликнули другія дамы.

— Я боюсь васъ напугать, а то бы повторилъ свой разсказъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь ужасовъ! воскликнула Клара.

— Нѣтъ, разскажите.

Digitized by Google

Дамы раздѣлились на двѣ партіи: однѣ требовали повторенія разсказа, другія — нѣтъ.

— Я не уступлю, говорила одна сторона.

— И я не уступлю, настаивала другая.

— Ну, какъ же быть, чтобъ всѣмъ угодить? говорилъ, самодовольно посмѣиваясь, Благочинный, польщенный тѣмъ, что сдѣлался предметомъ спора хорошенькихъ женщинъ. «Какъ же быть?... Ну, вотъ: въ которой рукѣ шарикъ»?

— Въ правой.

— Ну, разсказывать! хе, хе, хе!... Вотъ видите ли, у сосѣда моего былъ мужичекъ....

— Я не хочу слушать, я запрещаю вамъ говорить, кричала Клара: — у меня нервы слабы.

— Нѣтъ, говорите, говорите.... Мы разсердимся, если вы не разскажете....

— Былъ одинъ мужичекъ.... продолжалъ Благочинный.

— Ну, я встану, я уйду, говорила капризная Клара, опрокидывая стулъ: — а вы разсказывайте, сколько хотите о медвѣдяхъ... e di tanti brutti diavoli.... Она встала изъ-за стола, а за нею всѣ, потому-что обѣдъ былъ конченъ, на лугу разостланъ коверъ подъ тѣнью деревьевъ: тамъ ожидали компанію плоды въ корзинахъ, обвитыхъ гирляндами цвѣтовъ и замороженныя въ серебряныхъ вазахъ бутылки шампанскаго.

— Былъ одинъ мужичекъ, повторилъ Благочинный, подавая руку Маріи Граціи, чтобы вести ее въ садъ....

Въ это время дверь съ шумомъ растворилась

Digitized by Google

— и, весь въ пыли, съ хлыстомъ въ рукахъ и безъ всякихъ надлежащихъ приготовленій, чтобы войти въ общество, явился Тарнѣевъ.

— А! вы меня не ждали?... и прекрасно сдѣлали, что не ждали. Прошу извинить меня, сказалъ онъ дамамъ· — я непростительно виноватъ передъ вами... но что дѣлать! увлекся. Чтобы поправить дѣло, я скакалъ все время маршъ-маршемъ, и думаю, принесъ вамъ, mesdames, въ жертву бѣднаго моего Россинанта... Кромѣ шутокъ, я думаю, кляча не выдержала русской ѣзды.

Служитель объявилъ, что лошадь не дышетъ. Тарнѣевъ оставилъ общество и, ругая слабосильную тварь, вышелъ посмотрѣть на несчастную лошадь. Видя, какъ бѣдное животное вытянуло ноги, откинуло голову и повременамъ судорожно вздрагивало, онъ потеръ ей носъ, обрѣзалъ подпруги, но видя, что ничто не помогаетъ, махнулъ рукой.

Извѣстіе о замученной лошади подѣйствовало непріятно на все общество: Синичкинъ сдѣлалъ ироническую выходку противъ дурнаго обращенія съ животными, намекая на то, что это показываетъ дурное сердце и, ужъ Богъ знаетъ почему, неспособность питать высокое чувство истинной привязанности къ женщинамъ. Горунинъ отвелъ Тарнѣева, желая дать ему почувствовать всю нечеловѣчность его поступка, и сказалъ: — «какъ это вы, батюшка! Какъ это въ-самомъ-дѣлѣ вести себя совсѣмъ какъ прилично какому-нибудь варвару?...»

Digitized by Google

Но Тарнѣевъ не слушалъ; онъ быстро познакомился со всѣми дамами и умѣлъ даже обратить въ свою пользу непріятное расположеніе всѣхъ къ нему по случаю загнанной лошади. Онъ налилъ всѣмъ шампанскаго и провозласилъ тостъ за упокой души его Россинанта, говоря, что онъ долженъ почтить его память маленькой трогательной рѣчью.

— Ты палъ, говорилъ онъ: — о непрекраснѣйшій и небыстрѣйшій изъ коней! ты палъ подъ ударами варвара, потомка тѣхъ варваровъ, которые *съ шумомъ и яростью* устремились на западную римскую имперію! И твой добрый хозяинъ, который далъ тебя, чтобы услужить неизвѣстному страннику, оплачетъ тебя и потребуетъ за тебя денегъ, и не будетъ болѣе посылать тебя въ городъ за какимъ-нибудь добрымъ знакомымъ, который въ благодарность за то строилъ бы куры его женѣ... А Анунціата его очень недурна, и cousin ея, за которымъ сегодня поутру посылали Россинанта, очень недуренъ и плутъ большой... Но мнѣ ли исчислять твои достоинства, описывать горесть твоего хозяина и радость его получить за твою шкуру втрое болѣе, чѣмъ ты самъ стоилъ при жизни твоей?! мнѣ ли, говорю, описывать это, въ присутствіи особы (указывая на аббата), которая можетъ быть краснорѣчіемъ своимъ изображала чуть не великими людьми тварей менѣе тебя достойныхъ...

Тостъ былъ выпитъ съ громкимъ хохотомъ и аплодиссментами. Осушивъ свой бокалъ, Тар-

Digitized by Google

нѣевъ сказалъ, что онъ хоть и шутилъ, а все же ему жаль бѣдной скотины.

За этимъ тостомъ послѣдовали другіе. Потомъ раздались звуки оркестра; несмотря на то, что, по распоряженію Перуцци, тотчасъ послѣ обѣда оркестръ долженъ былъ играть разныя мѣста изъ оперъ, Тарнѣевъ потребовалъ сальтареллу. Мигомъ превратилась его кватрочента въ куртку; онъ подогнулъ на бокъ свою широкую шляпу... какъ-будто по какому-то волшебному призыву, Марія Граціа явилась передъ нимъ, полная блеска, полная жизни, граціозная и въ быстротѣ пляски, и въ спокойныхъ па. Глядя на эту ловкую пару, на этотъ огонь въ глазахъ Тарнѣева, какъ у придворнаго итальянскаго кампаньола, адвокатъ, думавшій посидѣть спокойно послѣ обѣда, плясалъ, сидя на мѣстѣ, постукивалъ ногами въ тактъ и подергивалъ плечами. «Молодецъ, молодецъ!» восклицалъ онъ.... Oh, corpo di Bacco! настоящій транстеверинецъ, какъ я видалъ ихъ въ Джѐнсала, въ моемъ путешествіи въ Римъ... двѣнадцать лѣтъ тому назадъ». Одна дама, Лоренцина, увлекшись своимъ роднымъ танцемъ, схватила адвоката, и онъ сталъ работать глазами, плечами и ногами какъ юноша. За ними, въ какомъ-то безумномъ увлеченіи, послѣдовали всѣ другіе; даже Горунинъ не могъ отдѣлаться отъ донны Клары. Не плясали только аббатъ, Синичкинъ и Андрей Ивановичъ: аббатъ—потому, что онъ аббатъ; Синичкина не могли уговорить потому, что явленіе Тарнѣева произвело на него

Digitized by Google

непріятное впечатлѣніе. Тарнѣевъ — говорилъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ—кончитъ тѣмъ, что превратитъ истинно боккаччіевское общество въ безобразную оргію Лукреціи Борджіа; даже дамы понизились очень въ его мнѣніи, потому-что смѣялись остротамъ Тарнѣева; особенно бѣсили своими восклицаніями, по его мнѣнію глупыми и неумѣстными, добрый адвокатъ, который говорилъ о Тарнѣевѣ, что у него голова геніальная, что самъ онъ, Signor Gianui, нѣсколько лѣтъ не можетъ объяснить своихъ искреннихъ чувствъ къ Маріи Граціи, а онъ объяснился почти въ любви со всѣми. Къ довершенію окончательной побѣды надъ адвокатомъ, Тарнѣевъ показалъ ему фокусъ — разомъ завязать изъ платка узелъ въ двѣ петли, чего тотъ никакъ не могъ понять. Андрей Ивановичъ, разумѣется, не танцовалъ.... Онъ спокойно и въ пріятномъ расположеніи духа подошелъ къ краю террасы и, любуясь видами, воображалъ, о томъ, какой эффектъ произведетъ его анекдотъ о мужикѣ, который онъ намѣренъ былъ разсказать, улучивъ минуту, и о томъ, что сегодня въ первый разъ въ Италіи удалось ему хорошо пообѣдать, потому-что въ отеляхъ подаютъ ужасную дрянь. «А за то, продолжалъ онъ потирая руки:—теперь и отдохнуть бы не мѣшало.» Въ такомъ самомъ счастливомъ расположеніи духа, онъ оглянулся назадъ и сталъ разсматривать дамъ. Взглядъ его остановился на Маріи Граціи, которая, ощипывая листки розы, заня-

Digitized by Google

лась съ Тарнѣевымъ рѣшеніемъ какого-то вопроса, вѣроятно о любви.

— Добро, добро, ври пока! подумалъ Андрей Ивановичъ, глядя на Тарнѣева:—не тѣмъ, братъ, имъ понравишься.... Чай, тутъ-то свищи!

Благочинный поднесъ руку, не знаю, къ сердцу ли, или къ боковому карману, въ которомъ лежалъ туго-набитый бумажникъ.

— Любите.... всѣмъ сердцемъ.... всей душой.... такъ.... немного.... нисколько... говорила Марія Граціа:—видите, цвѣтокъ говоритъ правду.

— Можетъ быть онъ еще не успѣлъ узнать правды, потому-что.... вотъ видите, я не знаю, отчего это все, что́ случается въ моей жизни, не похоже одно на другое, не похоже на то, что случается съ другими.... Встрѣча съ вами: вчера я васъ не зналъ; завтра, можетъ быть, забуду, но сегодня я всего какихъ-нибудь три часа съ вами, и клянусь, люблю васъ со всѣмъ жаромъ первой любви.

— Будто бы и первой любви?!...

— По-крайней-мѣрѣ для васъ я готовъ на всѣ возможные подвиги, на всякія глупости.

— А вы такъ прямо и называете глупостями подвиги во имя любви?

— Такъ обыкновенно называютъ ихъ, особенно говоря о первой любви. Возьмите-ка юношу, который въ первый разъ любитъ, и разсмотрите, что́ онъ чувствуетъ, какъ онъ чувствуетъ: вы найдете, что онъ никогда можетъ быть не будетъ

Digitized by Google

такъ благороденъ, такъ великъ, какъ тогда.... Конечно, когда мы становимся старше, намъ смѣшно видѣть первую любовь въ другихъ, но оттого она и смѣшна и глупа намъ кажется, что сами мы чувствовали тоже, и знаемъ, что все, что́ кажется влюбленнымъ вѣчностью, пройдетъ, и ничего не выйдетъ изъ плановъ, на которые потрачено много благородства и сердца.... Но я не знаю, отчего я никогда не стыжусь своихъ прошедшихъ чувствъ и своей первой любви, когда мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ.

— Да, первая любовь! первая любовь! отъ нея много зависитъ въ жизни! повторила Марія Граціа, какъ бы припоминая свою первую любовь.— А можете ли вы разсказать вашу первую любовь?

— Тутъ нечего разсказывать; тутъ фактовъ нѣтъ—одно чувство; съ этимъ чувствомъ я могу только сравнивать то чувство, которое бываетъ послѣ, напримѣръ теперь.

— Однакожъ какой видъ, какой характеръ былъ этой первой любви?... Я думаю, въ вашей первой любви было много поэзіи.....

— Отчего это?

— Такъ я думаю.

— Напротивъ, голая проза. Я, пожалуй, вамъ разскажу, хоть тутъ нѣтъ ничего занимательнаго. Это было еще въ деревнѣ. Отецъ мой не выѣзжалъ изъ своего помѣстья, и до шестнадцати лѣтъ я жилъ при немъ. Въ это время я умѣлъ только читать, и то училъ приходскій дьячекъ. Но это меня и не занимало, потому-что у меня

Digitized by Google

на умѣ было только, какъ бы уйти въ лѣсъ ловить птицъ, или за грибами, зимой, какъ бы на лыжахъ по сугробамъ уйти разставлять капканы для лисицъ и зайцевъ, а лѣтомъ — какъ бы урваться на рѣку, ловить рыбу... У насъ рѣки удивительныя, а наше имѣнье чрезвычайно живописно: оно стоитъ на обрывистомъ берегу, а съ другой стороны мелководье; весной на полъ-версты зальетъ поля и цѣлыя деревни.... вотъ раздолье! У отца моего былъ дворовый человѣкъ, а у него дочь, годами двумя меня моложе. Она хоть и была какъ всѣ крестьянскія дѣвочки, но отличалась отъ нихъ тѣмъ, что была немного избалована у насъ въ домѣ и ужъ выросла въ нѣкоторой роскоши. Мы съ ней часто играли, ходили за грибами; я ей дѣлалъ игрушки, мы говорили по цѣлымъ вечерамъ.... Но, что̀ странно, въ лѣсу, или когда мы были въ комнатахъ одни, я никогда не смѣлъ ее поцаловать....

— Вотъ это-то вы теперь и называете глупостью первой любви?

— Конечно, и въ этомъ отношеніи дѣйствительно первая любовь глупа... Такъ давно ужъ продолжалась эта любовь, какъ разъ въ темномъ корридорѣ я ее встрѣтилъ одну.... Ужъ не помню, какъ это случилось, я ее обнялъ, какъ-будто впился въ нее поцалуемъ. Меня била лихорадка. Я ничего не могъ говорить. Вдругъ идетъ отецъ. Мы стояли, какъ окаменѣлые: она заплакала. Мой отецъ строго смотрѣлъ, чтобъ я не баловался съ дѣвчонками.... Я объявилъ, что я хочу женить-

Digitized by Google

ся на этой дѣвушкѣ. Это была моя первая выходка; отца я ужасно боялся. Онъ взбѣсился. Сейчасъ позвалъ старика служителя и отослалъ его въ дальній нашъ лѣсной боръ лѣсничимъ. Вотъ тутъ-то, собственно говоря, и началась любовь. Я еще, бывало, до-свѣта уйду изъ дому въ этотъ боръ, верстъ за десять отъ усадьбы, иногда пѣшкомъ, иногда верхомъ, въ дождь, въ грязь, спѣшу на условное мѣсто, чтобы къ обѣду домой вернуться. Я какъ теперь помню это мѣсто, при самой опушкѣ сосноваго бора. Ахъ, синьора, вы себѣ представить не можете, что̀ такое наши лѣса, и именно сосновый боръ! Въѣдешь въ него какъ въ особое царство; темно, и шумитъ боръ далеко, далеко; если нѣтъ и вѣтру, все-равно: въ немъ какъ-будто какая-то музыка.... Стоишь по цѣлымъ часамъ и слушаешь.... и вдругъ какъ-будто страшно станетъ, какой-то ужасъ найдетъ, и побѣжишь безъ оглядки, безъ памяти, пока не выбьешься изъ силъ и не остановишься: сердце бьется; точно убѣжалъ отъ опасности.... и только какъ опомнишься, станетъ смѣшно и легко, и опять вернешься.... удивительные лѣса! ничего подобнаго нѣтъ въ мірѣ!....

— Какъ вы живо чувствуете! какъ вы любите природу! сказала Марія Граціа, смотря съ возрастающимъ вниманіемъ на Тарнѣева. — И то сказать, что мы, итальянцы, только себѣ приписываемъ возможность поэтическаго чувства!

— Да, отвѣчалъ Тарнѣевъ въ раздумьѣ: — этихъ лѣсовъ никогда не забуду!

Digitized by Google

— Что́ же любовь ваша?

— Любовь?... да что́ же? больше ничего. У насъ были свиданія въ этомъ лѣсу. Я носилъ ей гостинцевъ; она собирала мнѣ землянику.... Мы ходили, ходили, сидѣли, говорили.... были и поцалуи.... но только поцалуи.... Она была дѣвочка миніатюрная, немножко блѣдная брюнеточка, съ черными глазами.... Какъ ужъ я сталъ часто отлучаться изъ дому, отецъ вспомнилъ, что пора меня учить, и отправилъ въ Петербургъ.... Тѣмъ любовь наша и кончилась.

— А долго ли вы ее потомъ помнили?

— Нѣтъ, скоро позабылъ; а потомъ ужъ никогда и не вспоминалъ.

— Къ сожалѣнію не всѣ любви кончаются такъ.... отвѣчала со вздохомъ Марія Граціа:— Другія любви, то есть не первая любовь, часто переходятъ въ ненависть. Я бы вамъ разсказала одинъ случай, который, я знаю, окончится ненавистью, и пожалуй, обоюдной. Мнѣ даже хочется это разсказать.... Я даже не могу объ этомъ не говорить, потому-что это меня давитъ, мучитъ.... Рѣдко тѣ, которые любили другъ друга, расходятся друзьями, а это бы должно быть такъ.... Вотъ видите, это одно изъ лицъ, которыя здѣсь....

— И кого вы любили?

— Да.

— Кого же это?

— Такъ, одинъ человѣкъ.... впрочемъ, отчего же и не сказать..,. вотъ смотрите тотъ, который

Digitized by Google

такъ слѣдитъ за мной, который бѣсится отъ ревности, что я говорю съ вами.

Тарнѣевъ обвелъ глазами все общество.

— Неужели Благочинный? спросилъ онъ, видя Андрея Ивановича, который въ послѣ-обѣденномъ расположеніи духа не могъ оторваться отъ созерцанія красотъ Маріи Граціи.

— Нѣтъ!... другой.... смотрите сюда.... онъ сидитъ подлѣ вашего товарища, Горунина, и не слушаетъ, что тотъ говоритъ ему....

— Аббатъ!!...

— Да, дайте мнѣ руку, сойдемте въ садъ; я разскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ его жизни.... и моей....

Они хотѣли-было сойти съ лѣстницы на нижнюю террасу, какъ вдругъ раздался громкій, веселый хохотъ донны Клары, которая звала къ себѣ Марію Грацію, Тарнѣева и всѣхъ.

— Ай, ай! кричала она:—мертвецы, мертвецы! привидѣнье! Сюда, сюда! аббатъ!

Съ появленіемъ Тарнѣева, аббатъ какъ-то потерялъ свою прежнюю веселость: онъ сѣлъ въ отдаленіи на дерновую скамью и слѣдилъ съ негодованіемъ, какъ Марія Грація оказываетъ столько вниманія этому чужестранцу. Горунинъ, симпатизируя задумчивости аббата, приблизился къ нему, завелъ свой любимый разговоръ и пустился въ анализъ душевныхъ ощущеній.

— Въ нашъ вѣкъ, говорилъ онъ: — анализъ довелъ насъ до совершеннаго уничтоженія возможности жить и наслаждаться: онъ въ насъ

Digitized by Google

убилъ *плоть*, то есть живость чувства, которую не могъ убить синтезъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, я слѣдилъ за своимъ вѣкомъ! я могу назвать себя сыномъ вѣка.... но что̀ я такое? скелетъ! Я хорошо понимаю, что я отжилъ, не живши; развитіе ума опередило развитіе чувства; я мертвецъ передъ юношей полнымъ жизни; я мертвецъ передъ старикомъ, который видитъ за собою пройденную жизнь... Я мертвецъ въ отношеніи ко всему, что̀ чувствуетъ, наслаждается....

Донна Клара безпрестанно подбѣгала то къ аббату, то къ Горунину, вызывая ихъ на разныя затѣи; наконецъ, видя безуспѣшность своихъ усилій, она остановилась сзади ихъ скамьи и слушала ихъ разговоръ. Изъ него она поняла только то, что Горунинъ называлъ себя мертвецомъ; это ей показалось ужасно смѣшно, и она подняла страшную тревогу.

Всѣ окружили ее и Горунина съ аббатомъ.

— Представьте себѣ, говорила Клара: — представьте себѣ, онъ говоритъ, что онъ уже когда-то жилъ, что онъ мертвецъ, что онъ.... изъ гроба вышелъ.... что въ двѣнадцать часовъ, какъ пропоютъ пѣтухи, изъ земли подымется пламя и сѣрный дымъ, и онъ разсыплется какъ песокъ! Каковъ? Да это просто ужасъ!

Горунинъ хотѣлъ-было протестовать, что онъ не совсѣмъ такъ говорилъ, но женщины осадили его со всѣхъ сторонъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвалась, говорила одна.

Digitized by Google

— Я тоже, говорила другая: — но я не думала, чтобы мертвецы были такіе страшные!

— Вы изъ аду, или изъ чистилища? Что̀ тамъ дѣлаютъ наши знакомые?...

— Что̀ мой мужъ?

— Что̀ мой дядя, который завѣщалъ мнѣ только фиговое дерево?

— Мой Дженнаро?

— А мой лордъ Гамберстонъ? ха! ха! ха!...

— Да поварачивайся, разсказывай, житель мрака! Или хочешь вина? О! мы расшевелимъ и покойныхъ!...

— Онѣ становятся настоящими Менадами, замѣтилъ Сипичкинъ: — пожалуй растерзаютъ Горунина, какъ Орфея....

— Э, синьоръ, отвѣчалъ адвокатъ, махнувъ рукой: — ужъ женщины у насъ такія: либо спятъ, какъ сурки, либо развозятся, какъ черти!

Перуцци, видя, что Горунинъ оглушенъ и озадаченъ, предложилъ тостъ въ честь крылатаго божка, но его не слушали.

Тарнѣевъ не могъ снести серьёзной мины Горунина и кричалъ ему съ сердцемъ:

— Да ты шути, смѣйся!

— Нѣтъ, Тарнѣевъ, отвѣчалъ Горунинъ, тронутый его участіемъ: — я не могу расходиться!

— Ну, напугай ихъ, по-крайней-мѣрѣ, какъ мертвецъ!

Горунинъ собирался завопить гробовымъ голосомъ, подражая мертвецамъ, которыхъ видалъ

Digitized by Google

въ операхъ, но у одной изъ женщинъ, Каролины, мелькнула новая идея.

— Знаете ли что́, воскликнула она: — въ старину, говорятъ, мертвецовъ убирали цвѣтами и ставили за столъ, когда хотѣли веселиться.... Клара! дай сюда гирлянды!... Перуцци, ты антикварій: какъ это дѣлается!

— Дайте мнѣ, я увѣнчаю нашего задумчиваго жителя могилъ, перебила Клара, которой стало жаль смущеннаго Горунина. Зачѣмъ вы такъ скучны, говорила она, вѣнчая его гирляндами: — постойте же, я возьмусь за васъ! смѣйтесь же, будьте умный мертвецъ....

— Какъ вы добры, произнесъ тронутый Горунинъ.

— То-то же! Слушайтесь меня, я васъ развеселю, тѣнь холодная! расшевелю васъ, милый прахъ! уберу какъ живаго! вы будете самая живая смерть!...

Горунинъ улыбнулся и чувствовалъ даже нѣкоторое удовольствіе, когда рѣзвая Клара поставила его на колѣни и своими бѣло-мраморными руками убирала его голову и касалась его лба; и слышалъ онъ ея горячее дыханіе, и прикасался ея платья, даже слышалъ біеніе ея сердца: такъ близко отъ его уха былъ корсетъ прекрасной Клары, обрисовывавшій роскошный станъ и тепло-воздымающуюся грудь. Онъ признался самъ себѣ, что былъ дѣйствительно глупъ съ своей меланхоліей, что не умѣлъ разомъ сообразить своего положенія, между тѣмъ какъ въ этомъ-то

Digitized by Google

умѣньѣ и состоитъ умѣнье жить: «надо наслаждаться активно—говорилъ онъ—а не пассивно»! но и это пассивное наслажденіе жизнью было для него уже много: онъ какъ-будто ожилъ, точно выходя изъ обморока и усыпленія, подъ прикосновеніемъ бѣлыхъ рукъ, слыша трепетъ сердца и чувствуя на лицѣ своемъ горячее дыханіе красавицы. Подавленный этимъ впечатлѣніемъ, онъ дѣйствительно походилъ на скелетъ древнихъ эпикурейцевъ, неподвижный посреди кружка неистово и бѣшено пляшущихъ вакханокъ: Каролина, Лоренцина увлекли и другихъ дамъ, и Перуцци, и даже Андрея Ивановича, и при звукахъ музыки, съ громкими восклицаніями, вся эта толпа кружилась около блѣднаго Горунина, непонимающаго, что́ съ нимъ дѣлается, но повторяющаго про себя:

— Вотъ это жизнь!....

Марія Граціа и Тарнѣевъ смотрѣли на эту сцену. Тарнѣеву показалось, что Горунинъ глубоко страдаетъ. Марія Граціа тоже смотрѣла на него не безъ участія.

— Кажется, вашъ пріятель совсѣмъ нерасположенъ къ этой шуткѣ, сказала она:—освободите его: онъ, право жалокъ.

Тарнѣевъ бросился къ толпѣ.

— Нѣтъ, господа! воскликнулъ онъ: — нѣтъ, наша смерть нехороша! Дай мнѣ гирлянды, Горунинъ: я буду смертью!

И онъ снялъ гирлянды съ Горунина и накрылся скатертью какъ саваномъ. Горунинъ еще

Digitized by Google

такъ сильно находился подъ обаяніемъ своей раздраженной чувственности, что уступилъ цвѣты Тарнѣеву почти съ сожалѣніемъ, думая про себя:

— Вотъ, только-что было пошло дѣло на ладъ.... онъ все испортилъ.

— Я ваша смерть, произнесъ Тарнѣевъ глухимъ голосомъ: — и вы всѣ въ моей власти!... Если кто хочетъ отъ меня избавиться, тотъ да поцалуетъ мои холодныя уста!

И онъ пошелъ цаловать женщинъ, которыя ему говорили, что онъ «сладкая смерть», другія, что онъ «гадкая смерть».

Видя, что «неумолимая» смерть приближается и къ Маріи Граціи, аббатъ вскочилъ съ своего мѣста, какъ бы ожидая громоваго удара. Глаза его сверкали, губы дрожали.

— Аббатъ хочетъ импровизировать! провозгласилъ адвокатъ, страстно любившій поэзію: — по его глазамъ, по его вздымающимся ноздрямъ, какъ у Аполлона Бельведерскаго, — я предчувствую, что на него находитъ вдохновеніе....

Это было сигналомъ новаго удовольствія: женщины бросились на новую жертву. Онѣ окружили аббата, требуя импровизаціи; всѣ предлагали свои темы; отказаться было невозможно; несмотря на всѣ усилія избавиться отъ импровизаціи, аббатъ долженъ былъ взять гитару. Адвокатъ спряталъ свой платокъ, изъ котораго силился завязать узелъ, показанный ему Тарнѣевымъ, и усаживалъ всѣхъ, говоря шопотомъ:

Digitized by Google

Слушайте, слушайте.... это просто сынъ аполлоновъ.

Аббатъ сдѣлалъ прелюдію и началъ:

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ,
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ,
За то, что грѣшную природу
Онъ умертвилъ въ себѣ какъ могъ,
Питался желудьми, пилъ воду
И весь какъ мумія изсохъ.
«Учитесь — онъ вѣщалъ народу —
Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной,
И явствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно.
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ,
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ, —
Но нѣтъ, ни крови, ни глазамъ,
Души своей въ соблазнъ я не далъ:
И женъ и винъ тщету я вѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ.
И, чистъ какъ духъ, иду я нынѣ,
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ.
И онъ пошелъ; и позабылъ
Весь градъ отшельника святаго;
Въ пустынѣ онъ два года жилъ
И не видалъ лица живаго.

На третій годъ разъ вспомнилъ онъ,
Какія зрѣлъ онъ вина, брашны,
Какъ былъ однажды приведенъ
Къ сатрапу онъ на искусъ страшный:

Digitized by Google

Жгли ѳиміамъ; чертогъ сіялъ;
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ:
Предъ нимъ лезбіянка плясала,
Кидая въ воздухъ покрывало,
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ поднесла съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Ее поилъ онъ, и въ уста
Ее лобзалъ, и какъ голубка
Къ нему ласкалась красота....
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье
И изнурительность поста.
Но что̀жъ? Въ его воображеньи
Какъ-будто выжженъ ясный ликъ, —
Вездѣ гречанка молодая....
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ,
Косматый, рыщетъ онъ въ пустынѣ
Какъ чумный звѣрь, вопитъ, реветъ,
Въ пескѣ катаясь, міръ клянетъ
И въ ярости грозитъ богинѣ....

Разъ у ручья онъ между скалъ
Въ росистый вечеръ возсѣдалъ
Синѣла степь.... изъ степи синей
Какъ-будто музыка неслась,
И съ тихой свѣжестью пустыни
Отрада въ грудь его лилась.
Въ семъ дальнемъ гулѣ ужъ два года,
Доселѣ слышалъ онъ слова
И видѣлъ образъ божества.
«Богиня жизни, мать-природа»!
Теперь онъ стонетъ.... «пощади!
За то, что я софизма силой

Digitized by Google

Съ тобой связующія жилы
Хотѣлъ порвать въ своей груди —
Пылаетъ мозгъ во мнѣ, кичливый
Своею логикою лживой....
Ужель нѣтъ легче казни мнѣ
Чѣмъ таять въ медленномъ огнѣ,
Блестящимъ призракомъ плѣняться,
Въ немъ видѣть чудо красоты,
Желаньемъ пламеннымъ терзаться,
Смотрѣть на милыя черты
И изучать ихъ совершенство,
Знать, гдѣ и что мое блаженство, —
И только думать про себя:
«Нѣтъ, нѣтъ, оно не для тебя!

Послѣдніе стихи сильно потрясли импровизатора; онъ бросилъ гитару и быстрыми, неровными шагами отошелъ къ террасѣ: тамъ, облокотивъ голову на обѣ руки, онъ пробылъ нѣсколько минутъ почти въ безчувствіи. Его болѣзненный видъ удержалъ аплодиссменты, которыми всѣ готовы были его осыпать... Только Горунинъ подошелъ къ нему и, молча, съ большимъ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Я васъ понимаю, сказалъ онъ: — въ вашей импровизаціи я умѣлъ различить ваши собственные стоны.

— Какъ онъ скоро кончилъ, сказала Клара: — что̀ же потомъ было съ этимъ жрецомъ?...

— Это я вамъ скажу, отвѣчалъ Тарнѣевъ: — жрецъ возвратился въ городъ.... нѣтъ, позвольте, попробую стихами....

Digitized by Google

Прошли года. Въ Изидинъ храмъ
Текли, какъ прежде, богомольцы
Внимать оракула словамъ
И покупать запястья, кольца,
Заклятья противъ злыхъ бѣсовъ.
Мудрѣйшимъ слылъ между жрецовъ
Тамъ жрецъ одинъ: носились слухи,
Что мертвъ лежалъ онъ на земли,
И замертво перенесли
Его во градъ благіе духи,
Тамъ ожилъ онъ и славенъ сталъ;
Никто порокъ не поражалъ
Съ отвагой столь необычайной,
Никто за трапезою тайной
Такъ сочныхъ яствъ не пожиралъ.
Никто средь града вѣковаго,
Не зналъ, какъ онъ, во тьмѣ ночной
Пути къ еврейкѣ чернобровой
Иль къ баядеркѣ молодой.
И такъ, смѣяся надъ сатрапомъ,
Онъ жилъ, тучнѣлъ, спалъ звонкимъ храпомъ
И поравнялся предъ концомъ
Дородствомъ съ жертвеннымъ тельцомъ.

— Браво! браво Тарнѣеву! онъ побѣдилъ соперника! провозгласили гости.

— Очень хорошо, сказалъ ему Андрей Ивановичъ, когда Синичкинъ перевелъ ему смыслъ импровизаціи. — И даже это иначе не могло быть въ языческомъ мірѣ, замѣтилъ онъ весьма основательно: — потому-что язычество — само по себѣ величайшій развратъ.... Я читалъ много объ этомъ ... и эту исторію я точно читалъ у од-

Digitized by Google

ного древняго писателя, не помню только у котораго.

— У Гуго Гроціуса, можетъ быть? спросилъ Тарнѣевъ, единственно потому назвавъ это имя, что сейчасъ же прочелъ его подъ бюстомъ Гуго, который между прочими стоялъ на террасѣ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ серьёзно Благочинный.

Вечерній воздухъ, казалось, успокоилъ нѣсколько аббата; онъ возвратился къ кружку собесѣдниковъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; лицо, горѣвшее дивнымъ огнемъ за минуту, осунулось; но безразличное выраженіе, которое онъ сохранялъ въ продолженіи цѣлаго дня, и которое уступило только передъ вспышкой вдохновенія, не могло возвратиться: всякой могъ бы прочесть въ этомъ лицѣ глубокое, давно подавляемое страданіе. Слабость, нервическая женственность его организаціи не давали ему достаточно силы притворства; онъ, казалось, постарѣлъ пятью годами. Его безпокойство странно дѣйствовало на Марію Грацію. По мѣрѣ того, какъ онъ хмурился, ея веселость увеличивалась, подобно тому, какъ, когда на синемъ южномъ небѣ изъ-за горъ выплываетъ бурая громоносная туча и тѣнью своею покрываетъ половину долины, кажется, ярче освѣщается солнцемъ другая половина ея, зеленые кусты золотятся, красныя руины по холмамъ кажутся облитыми киноварью, а бѣлыя ограды и бѣлые домики городка, стоящаго на горѣ, походятъ на клочья снѣгу, озаренные полу-

Digitized by Google

дпемъ. Видя, какъ аббатъ выходитъ изъ себя, Марія Граціа чувствовала особенное расположеніе шутить, смѣяться и быть любезною съ Тарнѣевымъ, и они говорили все, что̀ придетъ на умъ, говорили ужаснѣйшія глупости, но эти глупости не промѣняли бы ни онъ, ни она на лучшую рѣчь въ парламентѣ....

Улучивъ минуту, аббатъ подалъ руку Маріи Граціи и предложилъ сойти въ садъ. Марія нехотя пошла за нимъ.

— Послушайте, сказалъ онъ: — я все вижу.

Она молчала.

— Я все вижу, повторилъ аббатъ.

— Поздно же.... прошептала она, но какъ-будто не аббату, потому-что на него не глядѣла, а миртовымъ листьямъ и сучьямъ, которые она, увлекаемая аббатомъ, срывала и трогала на ходу, чтобъ занять ими свое вниманіе. И еслибъ эти листья, растертые въ ея рукѣ, могли истолковывать по прикосновенію къ нимъ человѣка, какія чувства его наполняютъ, они бы прочли въ Маріи Граціи два различныя чувства — и стыдъ и желаніе признаться въ чемъ-то, чтобы разомъ освободить и себя отъ муки притворства и отъ нѣкоторыхъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи къ аббату и его вывести изъ непріятной неизвѣстности.

— Такъ все кончено? спросилъ аббатъ, сжимая руку Маріи.

— Вы мнѣ ломаете руку, аббатъ.

Digitized by Google

— Отвѣчайте мнѣ, воскликнулъ онъ, останавливаясь: — между нами все кончено?

Она молчала.

— Презрѣннѣйшая изъ женщинъ! торжественно произнесъ аббатъ, отталкивая отъ себя ея руку.

— Не оскорбляйте меня, аббатъ, воскликнула Марія съ негодованіемъ:—между нами давно все кончено, какъ вы говорите. Но, продолжала она спокойнѣе:—я не хочу разставаться врагомъ съ людьми, которыхъ когда-то любила. А потому послушайте, что̀ я хочу сказать вамъ,-не оправданіе, не урокъ, а такъ, дружеское повтореніе всего того, что̀ я говорила вамъ и прежде. Помните ли, я не затруднялась сказать вамъ, что я васъ люблю, въ тотъ вечеръ, когда вы импровизировали, когда я васъ видѣла почти въ первый разъ, потому-что прежде я васъ не замѣчала. Ваша импровизація меня сильно тронула. Я угадала сразу, что̀ есть великаго въ вашей натурѣ, и полюбила это прекрасное. Я хочу и теперь быть такъ же чистосердечна съ вами, и точно такъ же признаться вамъ, что первая страсть во мнѣ прошла. Вы умны, аббатъ, вы понимаете, что во сто разъ легче дѣвушкѣ, которая въ первый разъ любитъ, сказать «*люблю*», чѣмъ сказать «не люблю» людямъ такого возраста, какъ мы съ вами... Въ началѣ любви моей я въ васъ любила-какъ бываетъ всегда,—новость; но эта новость скоро прошла. Вы не можете не повторяться, аббатъ. Понявъ васъ одинъ разъ, я уже мог-

Digitized by Google

ла предсказать всякое ваше движеніе, всякое ваше слово... Но въ вашей поэтической натурѣ-не сердитесь, аббатъ—нѣтъ ничего, что̀ бы составляло загадку, заставляло бы ожидать проявленія новой и новой силы... Кромѣ этихъ минутъ вдохновенія, вы такой же обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ мы смертные... Вы велики, какъ поэтъ, и тогда, когда вы поэтъ; но какъ человѣкъ-вы дитя, вы женщина... Я тоже женщина, Лоренцо, и могу покориться только мужеству... Вы поймите себя... въ вашей организаціи заключается тайна, почему вы не можете навсегда привязать къ себѣ женщину...

— Благодарю за урокъ, синьора.

— Прошу васъ, Лоренцо, не смотрите такъ на мои слова; и если вы точно имѣете ко мнѣ дружбу, какъ увѣряли не разъ, то изъ дружбы теперь поймите мое положеніе...

— О, понимаю, понимаю!... Когда мы уже становимся преступны, даже въ своихъ глазахъ, мы отыщемъ доводы, чтобы оправдать себя, и разумѣется, вину свалимъ на другихъ... Я васъ не удерживаю, идите своей дорогой, куда она васъ поведетъ. Но вы ошиблись, сударыня, если вы видѣли во мнѣ до сихъ поръ ребенка, какъ вы говорите; такъ знайте, что любовь моя къ вамъ дѣлала меня ребенкомъ. Когда вы сегодня явились, я сдѣлался веселъ, какъ младенецъ; вы опять истерзали меня, и я выстрадалъ всѣ муки ада. Но я говорю вамъ, вы ошиблись. Я докажу вамъ, что я мужъ. Если я умѣлъ любить васъ,

Digitized by Google

если я мечталъ о томъ, чтобы озолотить вамъ жизнь, я съумѣю ее отравить. Вамъ будетъ страшно мое имя. Вы будете несчастны—въ себѣ, во всѣхъ, кого будете любить, въ вашихъ дѣтяхъ, въ вашихъ любовникахъ. Со сцены вы будете видѣть меня: я отравлю вашъ успѣхъ. Я не скажу вамъ болѣе ни слова... но...

— Я вамъ говорила, аббатъ, что вы очаровательны, когда импровизируете...

— Нѣтъ, синьора, я не импровизирую теперь, а предсказываю.

— Если не импровизируете, то вы ужасно похожи на ребенка, который хочетъ казаться большимъ.

У аббата губы побѣлѣли отъ ярости. Увидя въ концѣ аллеи Благочиннаго, онъ направилъ шаги свои къ нему на-встрѣчу.

— Я долженъ передать вамъ мою даму, сказалъ онъ:—потому что мои обязанности призываютъ меня въ городъ.

Онъ посадилъ Марію Грацію на ступеньки темной бесѣдки, изъ мрака которой выглядывалъ, обставленный цвѣтами, мраморный сатиръ, поймавшій нимфу; аббатъ поклонился и исчезъ; Марія была взволнована. Сила негодованія, которая ее поддерживала въ присутствіи аббата, казалось, ее оставила, глаза налились слезами... но Благочинный не замѣчалъ ея смущенія.

— Видно, прелестная Марія, говорилъ онъ:— аббатъ боится... гуляя съ вами... я понимаю его... — Андрей Ивановичъ пожиралъ глазами

Digitized by Google

прелести «соблазнительной сирены». Послушайте, Марія Граціа, продолжалъ онъ, вдругъ оставивъ этотъ тонъ любезника и садясь подлѣ нея съ видомъ человѣка, говорящаго дѣло:—я, любя васъ, долженъ васъ предупредить... Вы можетъ быть думаете, что эти господа, молодежь-то эта, какіе-нибудь путешествующіе лорды и богачи... я знаю ихъ — это все голь. Я вамъ говорю какъ женщинѣ разсудительной.... Еслибъ человѣкъ съ вѣсомъ, съ состояніемъ повергъ бы передъ вами... все свое состояніе, свое сердце, конечно только такая, можно сказать, побѣда можетъ польстить вамъ, и это ужъ не то...что́ какой нибудь мальчишка..-

— Виновата, я не вслушалась, отвѣчала Марія, которая едва могла опомниться отъ сцены съ аббатомъ.

— Плутовка! произнесъ съ нѣжностью Благочинный, истолковывая молчаніе красавицы въ свою пользу... «Еще притворяется, что не понимаетъ»...

— Вы, кажется, не очень веселитесь, сказалъ Перуцци Горунину, который задумчиво сидѣлъ на баллюстрадѣ террасы и смотрѣлъ по сторонамъ.

— Напрасно вы такъ думаете, отвѣчалъ тотъ: — я только не шумлю, когда мнѣ весело.

Сумерки, или уже ночь, давно наступили. Около воротъ виллы собралось множество народу на звуки музыки. Тарнѣевъ велѣлъ отворить ворота, впустить зрителей въ садъ и открыть сель-

Digitized by Google

скій балъ. Терраса освѣтилась разноцвѣтными фонарями; начались танцы. Сельскія дѣвушки, въ своихъ коротенькихъ юбочкахъ, съ цвѣтами на головѣ, выплясывали граціозныя па своими маленькими ножками, красиво обутыми въ синіе, высокіе шерстяные чулки и красные башмаки. Старики, оставя приличную своимъ лѣтамъ важность, которую римляне называли этрусскою неповоротливостью, тоже пустились въ-плясъ наравнѣ съ юношами или сидѣли около маленькихъ столиковъ, попивали вино и курили изъ глиняныхъ трубочекъ. Тарнѣевъ — или былъ утомленъ своими шалостями въ продолженіи цѣлаго дня, или пришло ему на умъ какое дѣло — уже не принималъ такого дѣятельнаго участія въ балѣ. Онъ сдѣлался молчаливъ и удалялся отъ шуму; только вдругъ кидался опять въ толпу съ крикомъ и гиканьемъ, то кружилъ свѣженькую поселянку и, пользуясь быстротою танца, срывалъ съ устъ ея поцалуй, — то танцовалъ съ городскими дамами, импровизируя себѣ новый костюмъ, новыя роли — то соррентинскаго рыбака, то французскаго маркиза, то передразнивая кого-нибудь изъ присутствовавшихъ. Но послѣ такой продѣлки опять скрывался. Горунинъ, напротивъ того, развеселился и, ангажируя дамъ, говорилъ съ увлеченіемъ: «надобно же жить»! Синичкинъ одинъ негодовалъ, что впустили народъ, сидѣлъ на террасѣ и согласился только провальсировать съ синьорой Каролиной. Онъ поддернулъ перчатки, съ эффектомъ вышелъ на площадку и мах-

Digitized by Google

нулъ бѣлымъ платкомъ музыкантамъ, чтобъ они прекратили тарантеллу и заиграли Aurora Walzer. Зато Перуцци и адвокатъ не отставали отъ общаго движенія, — особенно адвокатъ, который однако, отдыхая между танцами, все возвращался къ таинственному узлу и говорилъ, что «въ сущности онъ его запамятовалъ... in sostanza dunque... lo perdei....»

Горунинъ въ порывѣ своей необычной веселости не разъ отыскивалъ Тарнѣева; стыдилъ его, что онъ не веселится. Но Тарнѣевъ оставался безотвѣтенъ на его воззванія. Онъ былъ радъ, что находился подлѣ Маріи Граціи, казался погруженнымъ въ непривычную думу, и прежняя, легкая болтовня не шла ему болѣе на-умъ. Онъ видѣлъ, какъ Марія Граціа сошла съ террасы съ аббатомъ, кáкъ возвратилась одна и казалась встревоженною. Руководимый нѣсколькими намеками Маріи Граціи, онъ не сомнѣвался, что аббатъ виною того, что она разстроена. Онъ составлялъ себѣ идею этого человѣка, и въ этомъ портретѣ участвовали, чего онъ не замѣчалъ, и ненависть и ревность. Его становилось тяжело, душно.

Но Марія Граціа иначе поняла его задумчивость, — иначе потому, что сама думала о Тарнѣевѣ и старалась, противъ воли, изучить этого человѣка, который ей казался новъ и занимателенъ.

— Неужели вамъ не надоѣло бѣситься? спросила она, когда Тарнѣевъ, увлеченный рѣзвой

Digitized by Google

Кларой въ вихрь вальса, возвратился опять къ Маріи Граціи.

— Еслибъ вы знали, какъ мнѣ все надоѣло, отвѣчалъ онъ. — Я не понимаю, что̀ со мной дѣлается.... отчего на меня напала такая тоска....

Онъ взялъ руку Маріи, поцаловалъ ее съ глубокимъ чувствомъ и склонилъ на нее свою голову. Грудь его тяжело дышала, сердце горячо билось.

— Что̀ съ вами? тихо спросила она.

— Ничего!... но, ради, Бога, говорите мнѣ, говорите!...

— Скажите, продолжала, глядя на него съ нѣжностію, Марія Граціа: — вы ничѣмъ особенно не занимаетесь? Вы не художникъ?

Тарпѣевъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Нѣтъ, не художникъ, отвѣчалъ онъ.

— И не музыкантъ?

— Ни музыкантъ, ни художникъ, ни ученый, ничего! совершенно ничего! Хоть я немного и рисую, и пишу, играю.... танцую, дурачусь....

— Отчего же вы не художникъ! Вотъ это странно!

— Отчего? этого я и самъ не понимаю... или должно быть я не рожденъ художникомъ....

— Нѣтъ, стало быть въ дѣтствѣ въ васъ не развивали эстетическаго чувства... стало быть вы не выросли подъ вліяніемъ изящныхъ искусствъ, не слушали хорошей музыки, не посѣщали галлерей живописи и скульптуры.... не слыхали споровъ объ искусствѣ, эстетическій

Digitized by Google

восторгъ другихъ не сообщался вамъ и не пробуждалъ въ васъ восторга.... Иначе вы были бы художникомъ....

Тарнѣевъ слушалъ Марію Грацію съ возрастающимъ удивленіемъ. Въ первый разъ онъ слышалъ о себѣ такое сужденіе и принималъ эти слова, какъ слова пиѳіи, которыя открывали для него совершенно новый міръ, давали новое значеніе ему самому въ собственныхъ его глазахъ. Никогда никакая другая женщина не пробуждала въ немъ такого свѣтлаго взгляда на будущее, на его дѣятельность; всѣ другія женщины, которыхъ онъ любилъ, заключали его дѣятельность, его мысль въ тѣсную сферу, въ которой онѣ вращались сами, и вырвавшись изъ которой онъ чувствовалъ себя легче и свободнѣе. Теперь не то: горизонтъ его расширился. Онъ какъ-будто яснѣе начиналъ видѣть вокругъ себя; мысль его какъ-будто бы прежде бродила около предметовъ, теперь стала останавливаться на нихъ и открывать въ нихъ новые стороны и виды, которыхъ онъ прежде не подозрѣвалъ. Онъ приходилъ въ состояніе, которое называется у художниковъ вдохновеніемъ, когда всѣ впечатлѣнія проясняются, усиливаются, и ихъ смѣло и въ подробностяхъ окидываешь взоромъ, и хочется изобразить ихъ и дать имъ матеріяльную форму: Тарнѣевъ сознавалъ въ себѣ присутствіе великой силы, и было въ немъ странное стремленіе проявить эту силу. Прошедшая жизнь его вся представилась ему въ иномъ свѣтѣ: ему казалось, что эта-то сила и бросила

Digitized by Google

его въ разныя крайности, подвигала на разныя глупости, выражалась въ безобразныхъ фактахъ. Онъ смотрѣлъ на Марію Грацію, на античное спокойствіе чертъ ея классически-правильнаго лица, чувствовалъ это благодушіе, сіявшее въ ея взорахъ, и ему казалось, что она только одна и можетъ сказать ему, какъ направить эту силу, и что̀ такое эта сила, эта странная жажда необыкновеннаго, это безпокойство, которое кидало его въ жизни изъ стороны въ сторону.

— Да, говорилъ онъ: — можетъ быть я и художникъ.... можетъ быть вы и не ошиблись.... завтра же заведу краски и пойду въ ученики ки какому-нибудь хорошему мастеру.

— И вы мнѣ напишете ваши дикіе лѣса.... и свиданія первой любви.

— О Марія Граціа! что вы за необыкновенная женщина!

И Тарнѣевъ былъ въ восторгѣ, чувствовалъ себя совершенно инымъ: ласковая рѣчь Маріи, ея дружеское участіе совершенно изгладили въ немъ и образъ аббата; и тѣ движенія ревности и негодованія, которыя омрачили-было его ясный, беззаботный взглядъ на міръ и вещи. Онъ высоко цѣнилъ вниманіе женщины, которая такъ возвысила его нравственное чувство, которая указала новое поприще дѣятельной силѣ его духа, которая заставила его возродиться къ совершенно новой жизни.... На долго ли? и не ошибалась ли она? этихъ вопросовъ ему и въ голову не приходило. Передъ нимъ воздвигались какъ бы въ ту-

Digitized by Google

манѣ великіе образы греческаго искусства, великіе лики Микель Анджело, Рафаэля, Веронеза, Рубенса, и этотъ туманъ манилъ его, освѣщаясь все болѣе и болѣе лучами восходящаго дня, по мѣрѣ того, какъ онъ его разглядывалъ; ему хотѣлось совсѣмъ его разсѣять, и онъ жаждалъ скорѣе призвать науку на-помощь его непосредственному чувству, которое указывало на прекрасное, но ожидало приговора разума и опыта. Самая природа какъ-будто иначе стала говорить съ нимъ, какъ-будто все, что его окружало въ этой природѣ, стремилось сказать ему свою тайну, тайну красоты своихъ линій, разнообразія и гармоніи красокъ и тоновъ, тайну жизни, которая одушевляла безчувственный міръ. Онъ увидѣлъ живую картину съ одной стороны — темный палаццо, на которомъ мерцаніе огней освѣщало розетки, каріатиды и аканѳовые листья капителей; передъ нимъ мелькающія группы, то освѣщенныя огнемъ, то какъ темные сплуэты на яркомъ фонѣ.... Онъ задумался надъ другой картиной, гдѣ былъ темный садъ съ его фонтанами, которыхъ вѣчный шумъ, настроенный на одну густую басовую ноту, какъ-то особенно былъ торжественъ, возвышаясь въ интервалы, когда переставала музыка; тамъ долина, синія горы, и въ небѣ — ночь, которой тѣнь казалась чѣмъ-то матеріяльнымъ, какъ-будто она двигалась въ воздухѣ и шла таинственнымъ полчищемъ и занимала постепенно мѣста на землѣ и на небѣ, и на землѣ и на небѣ зажигала сторожевые огни.

Digitized by Google

Балъ кончился, когда уже было далеко за полночь. Толпы стали давно рѣдѣть. Благочинный и Синичкинъ давно уѣхали. Адвокатъ Gianni накинулъ бурнусъ на Марію Грацію, укуталъ ее шалью, которую захватилъ безъ ея вѣдома, по своей предупредительности, и на прощаньи попросилъ Тарнѣева въ сотый разъ показать ему завязку таинственнаго узла.

Марія Граціа дружески пожала руку Тарнѣеву и звала его къ себѣ, приказавъ адвокату дать ему ея адресъ.

— А вы, caro diavoletto, меня совсѣмъ бросили, говорила ему Клара, которой веселость развилась въ полномъ блескѣ, потому-что между поселянами, бывшими на балѣ, замѣшались кой-какіе странствующіе нѣмецкіе пейзажисты, которые заставили забыть недостатокъ кавалеровъ на пикникѣ. — Постойте, я васъ еще завоюю у Маріи Граціи; я еще васъ найду, я отыщу васъ, я съ вами буду жестока, неумолима....

Садъ опустѣлъ; остались только Тарнѣевъ, Горунинъ да Перуцци, который наблюдалъ за слугами, убиравшими въ саду приборы, стаканы и пустыя фіаски и перетаскивавшими на мѣсто стулья, столы, ковры и скамейки.

— Ну, Тарнѣевъ, сказалъ Горунинъ: — вотъ сегодня мы словно повеселились.... отчего ты пропалъ подъ конецъ вечера; такъ это странно, что ты прежде всѣхъ опѣшился.

— Усталъ, — цѣлый день бѣсился.

— Да кончимъ ужъ и ночь хорошенько... Мнѣ

Digitized by Google

ужасно весело! это такъ рѣдко бываетъ.... выпьемъ еще бутылочку.... а потомъ поѣдемъ.

— Пожалуй... только мнѣ бы ужъ хотѣлось скорѣе домой. Я усталъ....

— Не то, Тарнѣевъ, ты не усталъ....

— Я думаю, можно устать, кто столько бѣсился.

— Нѣтъ, ты не усталъ... а сказать ли, что́ въ тебѣ... я знаю... Новая любовь.

— А вотъ и не угадалъ. У меня особенная идея. Я хочу заняться живописью, — и серьёзно заняться.

— Ты.... хочешь быть художникомъ?

— А отчего же нѣтъ?

— Ничего, учись, учись, это хорошо. Займись живописью.

Въ словахъ Горунина были недовѣрчивость и иронія, которыя сердили Тарнѣева.

Перуцци вполнѣ симпатизировалъ предложенію Горунина, досталъ вина, сдѣлался очень любезенъ, разсказалъ множество легонькихъ исторій города Флоренціи. Они выѣхали домой, когда солнце уже сіяло на горизонтѣ.

Послѣдняя попойка не произвела никакого дѣйствія на Тарнѣева. Горунинъ повеселѣлъ, сдѣлался сообщительнѣе. Перуцци, какъ сѣлъ въ коляску, такъ и заснулъ.

— Какъ славно, Тарнѣевъ, тихо и съ разстановкой говорилъ Горунинъ: — какъ славно мы провели день... Вотъ это жизнь... Какъ *ты* хорошъ былъ сегодня! какъ я люблю тебя, когда

Digitized by Google

ты встрѣчаешься лицомъ къ лицу съ жизнію.... Ахъ, Тарнѣевъ! Тарнѣевъ! да ты самъ себя не понимаешь! хочешь учиться живописи, быть художникомъ, а того не понимаешь, что и безъ того ты величайшій художникъ.... тебѣ попалось въ руки самое многообразное искусство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ другія, и ты мастеръ въ томъ искусствѣ, — и это искусство жизни!... Ты ее находилъ и у цыганъ, и въ лѣсахъ твоей деревни, и въ Италіи.... Ахъ, Тарнѣевъ, учись себѣ живописи: это благотворное вліяніе твоей новой любви....

— Да совсѣмъ не любви, а я точно чувствую, что я рожденъ художникомъ, отвѣчалъ съ досадой Тарнѣевъ.

— Э, Тарнѣевъ, да что тебя заставило это почувствовать? или, лучше, что же навело тебя на эту идею? это оттого, что ты то такой славный, и Италія-то на тебя дѣйствуетъ особенно, чудно, изящно дѣйствуетъ!... Вѣдь у Синичкина такой идеи не родится?... «Учись», продолжалъ Горунинъ, все болѣе и болѣе уступая дѣйствію вина и не заботясь, что Тарнѣевъ его не слушаетъ. «Теперь ты въ новомъ мірѣ! живи въ немъ! живи!.... Хорошо!... Боже мой! я-то какая дрянь передъ тобой! а вѣдь меня учили, образовывали! а ты вѣдь не ученъ... а понимаешь все... не гонишься за вѣкомъ.... а дальше насъ всѣхъ, мыслителей!.. Чувствуешь раны, да не растравляешь ихъ въ себѣ воображеніемъ какъ фонтенелью.... Эхъ, вы, философія! политическая эко-

Digitized by Google

номія! наша литература, которая разъясняетъ что во мнѣ дурно.....а не укажетъ, что хорошо... унижаетъ сознаніемъ недостатковъ, а не возвышаетъ сознаніемъ доблести.... Эхъ, всѣ бы эти великія идеи, всѣ бы эти громкія фразы, которыя растлѣваютъ юную натуру, — все бы это прочь!... Вотъ и прожили бы всю жизнь такъ, какъ прожили сегодня!

Долго Горунинъ говорилъ на эту тему; коляска подъѣзжала ближе къ городу; утро было блестящее; они проѣхали черезъ Ponte vecchio выѣхали на Piazza Ducale....

— Ну, вонъ — стоитъ корпѣть съ этихъ поръ Богъ знаетъ надъ чѣмъ! продолжалъ Горунинъ, указывая на Loggia die Lanzi, зданіе, выходящее на площадь портикомъ, подъ которымъ стояли статуи — Юдиѳь Донателло, бронзовый Персей Бенвенуто Челлини, Похищеніе Сабинки Іоанна Болонья.... Передъ этими статуями уже сидѣлъ одинъ сѣдовласый старикъ, въ бѣдномъ холстинномъ сюртукѣ, запачканномъ въ разныхъ мѣстахъ красками, и по частямъ срисовывалъ ножки, ручки, головы; далѣе молодой человѣкъ, небрежно одѣтый, тоже положа папку, подымалъ голову, смотрѣлъ на группу и чертилъ ее....

— Стоитъ убивать жизнь на пустяки, говорилъ Горунинъ:-еслибъ они пожили, какъ мы сегодня... вотъ это жизнь!...

— А! синьоръ Джіакопо уже за работой, сказалъ, зѣвая, проснувшійся Перуцци. Посмотритэ на этого человѣка: онъ былъ богатъ, истратилъ

Digitized by Google

все состояніе на путешествія, чтобы видѣть произведенія живописи всѣхъ школъ, и на покупку дорогихъ картинъ. Его обманывали, онъ раззорился, впалъ въ нищету. Всю жизнь онъ бьется произвести что-нибудь прекрасное, и хотя пользуется нѣкоторой репутаціей какъ живописецъ, но вѣчно недоволенъ.... Съ нѣкотораго времени онъ впалъ въ совершенное отчаянье и, я думаю, сойдетъ съ ума. Онъ никогда не исполнитъ того, къ чему стремится, и такъ какъ, по его понятіямъ, должно бы исполнить.

Тарнѣевъ переглянулся съ Горунинымъ.

— Я пьянъ сегодня, сказалъ Горунинъ.

Digitized by Google

БЕСѢДА ЖУРНАЛИСТА

СЪ ПОДПИСЧИКОМЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ***.

ЖУРНАЛИСТЪ (выходя утромъ въ свой кабинетъ и садясь къ рабочему столу).

Вотъ почта новая. Какая груда дѣлъ!
Куда дѣваться мнѣ отъ писемъ и посылокъ?
Въ провинціи народъ взыскателенъ и пылокъ:
Чуть въ первому числу съ журналомъ не поспѣлъ,
Завалятъ письмами—тоска и раззоренье!
Тотъ дѣлаетъ упрекъ, тому дай объясненье,
А тотъ съ угрозами... досадная статья!
Посылки также вздоръ; ихъ ненавижу я!
Плохія повѣсти, а чаще риѳмотворство!...
Я, кажется, стихамъ не дѣлаю потворства —
Въ нихъ толку не ищи.... Какая польза въ томъ,
Что̀ чувствовалъ поэтъ то дома, то на балѣ?...
Я положителенъ и въ жизни и въ журналѣ,
Девизъ мой: интересъ существенный во всемъ!
И какъ ихъ различать? Хорошихъ нѣтъ эстетикъ
А практикъ я плохой—я больше теоретикъ;

Digitized by Google

Имѣлъ я и талантъ, и страсть къ литературѣ,
Новъ жертву съ юныхъ лѣтъ принесъ все корректурѣ!
Бываетъ жаль теперь, когда завистникъ мой,
Бездарный кропотунъ, смѣется надо мной,
И нечѣмъ отвѣчать обидной укоризнѣ ...
Но пусть не головой полезенъ я отчизнѣ,
Я все же доказать фактически могу,
Что въ корректурѣ я себя не берегу!
Я даже былъ творцомъ такихъ нововведеній,
Которыя должны мои корректурный геній
Потомству передать,—хоть осмѣяли ихъ!
Но пусть враги мои твердятъ, что аккуратность
Мнѣ замѣняетъ честь, талантъ и деликатность—
Заслугъ не омрачатъ почетныхъ и прямыхъ!
Кто что̀ ни говори, безъ вѣрной корректуры
Нѣтъ настоящихъ книгъ и нѣтъ литературы!...

СЛУГА (входитъ и докладываетъ).

Помѣщикъ Свистуновъ, пріѣзжій изъ Уфы.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Проси его, проси: сегодня принимаю...

(Слуга уходитъ.)

Всю жизнь я раздѣлилъ на ровныя графы
Какъ счетную тетрадь, и только отмѣчаю,
Куда, который часъ и какъ употребленъ....
Въ ротъ капли не беру и ѣмъ одинъ бульонъ....

ПОДПИСЧИКЪ (входя).

Семь лѣтъ подписчикомъ и данникомъ покорнымъ
Я вашимъ былъ—и нынѣ состою,
Пылая къ вамъ почтеньемъ непритворнымъ
(Простите, батюшка, докучливость мою),
Священнымъ долгомъ счелъ, прибывъ въ столицу нашу,
Сначала облетѣть ее во всѣ концы,

Digitized by Google

Кунстъ-камеру взглянуть, потомъ особу вашу....
А тамъ опять домой.... чай ждутъ мои птенцы!...

ЖУРНАЛИСТЪ (отрывисто и шутливо).

Садитесь: очень радъ. Какъ розы среди терній,
Какъ свѣтлый ручеекъ во глубинѣ степей —
Цвѣтисто говоря—такъ жители губерній
Пріятны намъ всегда. Вы щедростью своей
Поддерживая насъ, конечно, заслужили,
Чтобъ полное мы къ вамъ почтеніе хранили, —
И если въ микроскопъ разсматривать меня
Охота вамъ придетъ—я долженъ согласиться!

ПОДПИСЧИКЪ.

Поздненько, батюшка, мнѣ оптикѣ учиться:
Мнѣ стукнетъ шестьдесятъ черезъ четыре дня!

ЖУРНАЛИСТЪ.

Да я вѣдь пошутилъ. А говоря прямѣе,
Какъ дѣло всякое со стороны виднѣе,
То и доволенъ я, что завернули вы ...
Трудами нашихъ рукъ и нашей головы
Мы жертвуемъ для васъ, журналы издавая.

ПОДПИСЧИКЪ (перебивая съ поклономъ).

И благодарность вамъ, почтеннѣйшій, большая ..

ЖУРНАЛИСТЪ.

Мы пишемъ день и ночь; торопимся, спѣшимъ
Романъ перевести; театръ, литературу
За мѣсяцъ обозрѣть, исправить корректуру—
Все къ первому числу... И еле мы дышимъ,
Оттиснувъ наконецъ и выдавъ книжку нашу...
Но какова она?... Которыя статьи
Охотно вы прочли въ кругу своей семьи?
Какія усыпить успѣли милость вашу?
— Не знаемъ ничего и знать намъ мудрено.
Конечно, судятъ насъ собратья аккуратно;

Digitized by Google

Но замѣчать они умѣютъ только пятна,
И въ безпристрастіи ихъ упрекнуть грѣшно!
Корректоръ я такой, что не подточишь пятки,
Но даже у меня отыщутъ опечатки!
Неловкую статью, тяжелый переводъ,—
Все выставятъ на видъ, а что̀ умно и ново,
О томъ молчаніе.... Завистливый народъ!...
«Ни мѣсто—говорятъ—ни время не даетъ
Распространяться намъ»—и мнѣніе готово!...
Купаясь въ мелочной и тягостной борьбѣ,
Которая порой близка бываетъ къ дракѣ,
Увы! не знаемъ мы цѣны самимъ себѣ,
И ощупью бредемъ въ какомъ-то полумракѣ!
Ктожъ можетъ этотъ путь тернистый освѣтить?
Кто на дурное намъ беззлобиво укажетъ?
Кто за хорошее намъ благодарность скажетъ,
Умѣя покарать, умѣя и простить?

ПОДПИСЧИКЪ.

Конечно, публика....

ЖУРНАЛИСТЪ.

Къ тому и рѣчь веду я.
Какъ умный человѣкъ и какъ подписчикъ мой
Вы представителемъ явились предо мной
Всей нашей публики; и васъ теперь спрошу я:
Довольны ли вы тѣмъ, что̀ производимъ мы?
Интересуютъ ли читателей умы
Словесность, Критика, Хозяйство, Смѣсь, Науки?...
Что̀ любитъ публика? къ чему негоряча?..

ПОДПИСЧИКЪ.

Благодаря всевластной силѣ скуки
И рьяности чтецовъ, читаются съ-плеча,
За исключеніемъ Наукъ и Домоводства,
Всѣ ваши рубрики....

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТЪ.

О, стыдъ! о, готтентотство!
Ужель еще читать не начали Наукъ?

ПОДПИСЧИКЪ.

Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
Такъ пишутся у васъ, что просто вонъ изъ рукъ!
Охотно ставлю вамъ семью свою въ поруки:
Изряднымъ надѣленъ достаткомъ,—сыновей
Я дома воспиталъ, а дочекъ въ пансіонѣ,
Страсть къ чтенью развита у всѣхъ моихъ дѣтей;
Засядемъ вечеркомъ съ журналомъ на балконѣ,
Читаемъ, и летятъ скорехонько часы....
Не спитъ моя жена; а какъ довольны дѣти!
Но чуть въ «Науки» я—повѣсятъ всѣ носы,
Какъ будто ихъ поймалъ волшебникъ лютый въ сѣти!
Стараюсь убѣждать, доказываю имъ,
Что съ пользою теперь мы время посвятимъ
Не басенкѣ пустой, а дѣльному трактату,
И дѣти вѣрятъ мнѣ.... поближе къ нимъ подсяду,
Читаю, горячусь.... Но такова статья,
Что черезъ часъ и самъ опять начинаю я!
Ну, что̀ вы скажете?...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Еще бы милымъ дѣтямъ
Читать вы начали ученыя статьи?...

ПОДПИСЧИКЪ.

Нѣтъ, дѣти, батюшка, не малы ужъ мои,
И въ нашей публикѣ ученѣй врядъ ли встрѣтимъ:
Держалъ учителей, три года жилъ въ Москвѣ....
Прислушивался я частехонько къ молвѣ
И слышалъ все одно: «быть можетъ, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имѣйте, батюшка, слова мои въ виду!...
Притомъ какіе вы трактуете предметы?

Digitized by Google

«Проказы домовыхъ, пословицы, примѣты,
«О роли пѣтуха въ языческомъ быту,
«Значенье кочерги, исторія ухвата»...
Нѣтъ, батюшка, такихъ статеекъ намъ не надо!

ЖУРНАЛИСТЪ.

Но ежели вопросъ насъ къ истинѣ ведетъ,
Ученый помышлять обязанъ ли о скукѣ?

ПОДПИСЧИКЪ.

Не спорю, батюшка, полезно все въ наукѣ,
И ваша кочерга съ достоинствомъ займетъ
Въ ученомъ сборникѣ достойныя страницы....
Но если диллетантъ-читатель предпочтетъ
Ученой кочергѣ пустыя небылицы,
Ужели онъ неправъ?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Да вы противъ наукъ?

ПОДПИСЧИКЪ.

Напротивъ, батюшка, я ихъ всегдашній другъ!
И въ вашемъ, и въ другихъ журналахъ, хоть нечасто,
Случалось мнѣ встрѣчать ученыя статьи —
Я самъ, жена моя, домашніе мои
Читали жадно ихъ, какъ повѣсти... Нѣтъ, за сто
Изрядныхъ повѣстей, повѣрьте, не отдамъ
Одной такой статьи: какое снисхожденье
Къ невинной публикѣ! какое изложенье!
Не путешествуя, по дальнимъ городамъ
Съ туристомъ я блуждалъ: талантливый ученый
Вопросъ мнѣ разъяснялъ въ исторіи мудреный....
Вотъ этакихъ статей побольше надо вамъ!

ЖУРНАЛИСТЪ (со вздохомъ).

Ахъ, рады бы и мы всегда такимъ статьямъ,
Да гдѣ ихъ доставать? Я самъ за корректурой
Занятья прекратилъ давно литературой,
Лишь въ критикѣ пишу....

Digitized by Google

ПОДПИСЧИКЪ.

Какія же статьи?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Тѣ, что̀ безъ подписи,—всѣ до одной мои.

(При этомъ извѣстіи, въ лицѣ подписчика выражается глубочайшее почтеніе).

Таланты наши такъ, къ несчастію, лѣнивы,
Что ежели статью въ журналѣ въ годъ прочли вы
Съ извѣстнымъ именемъ—благополучный годъ!
Но часто журналистъ и по три года ждетъ
Обѣщанной статьи; а въ публикѣ толкуютъ,
Что шарлатанитъ онъ....

ПОДПИСЧИКЪ.

Куда какъ негодуютъ,
Что обѣщаній вы не держите своихъ!

ЖАРНАЛИСТЪ. (махнувъ рукой).

Мы ныньче и давать ужъ перестали ихъ!

ПОДПИСЧИКЪ.

Но прихотливъ талантъ—въ немъ возбудить охоту
Полезно иногда—скупитесь видно вы?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Помилуйте! платить готовы мы безъ счету!
Кто только прогремитъ, по милости молвы,
Тому наперехватъ и деньги и вниманье....
Охъ, дорогонько мнѣ пришлось соревнованье!
Набили цѣну такъ въ послѣдніе года,
Что наши барыши негодны никуда!
Богъ знаетъ, изъ чего стараемся, хлопочемъ?
«Извѣстности» теперь такъ дорого берутъ,
Что сбавилъ цѣну я своимъ чернорабочимъ...
Романы, напримѣръ.... повѣрьте, приведутъ
Мою и безъ того щедушную особу
Къ сухоткѣ злой они, а можетъ и ко гробу!
Спасеніе въ одномъ—почаще переводъ
Печатай, и конецъ....

Digitized by Google

ПОДПИСЧИКЪ.

Пора бы выводить рѣшительно изъ моды,
А много перевесть романа два-три въ годъ....
Не спорю: хороши французскіе романы,
И въ англійскихъ меня плѣняетъ здравый умъ...
Но мы читаемъ ихъ, какъ дѣти, наобумъ:
Насъ авторы ведутъ въ невѣдомыя страны:
Народности чужой неясныя черты
Намъ трудно понимать, не зная той среды,
Въ которой романистъ рисуется какъ дома....
Толь дѣло русскій бытъ и русское житье?
Природа русская?, .. Жизнь русская знакома
Такъ каждому изъ насъ, такъ любимъ мы ее,
Что, какъ ни даровитъ романъ вашъ переводный,
Мы слабую ему статейку предпочтемъ,
Въ которой намъ дохнетъ картиною народной,
И русской грустію и русскимъ удальствомъ,
Гдѣ развернется намъ знакомая природа,
Знакомыя черты знакомаго народа....

ЖУРНАЛИСТЪ.

Вы судите умно. Все къ свѣдѣнью приму.
Теперь же вамъ вопросъ послѣдній предлагаю:
Сужденье ваше знать о Критикѣ желаю....

ПОДПИСЧИКЪ.

Позвольте умолчать.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Скажите, почему?

ПОДПИСЧИКЪ.

Сегодня поводъ вамъ своей свободной рѣчью
Я подалъ, сударь мой, и такъ къ противорѣчью,
И если мнѣніе о Критикѣ скажу,
Названіе глупца, пожалуй, заслужу.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напротивъ, никогда! Вѣдь нѣтъ о вкусахъ спора!

Digitized by Google

Прошу васъ, и клянусь, что яблокомъ раздора
Не будетъ никакой строжайшій приговоръ.

ПОДПИСЧИКЪ.

Ну, если такъ, я радъ! Полезно разговоръ,
О чемъ бы онъ ни шелъ, довесть до окончанья.
Я вашей Критики любитель небольшой:
Не то, чтобъ были въ ней невѣрны замѣчанья,
Но многословіемъ, надутой пустотой,
Самодовольствіемъ, задоромъ и педантствомъ
Смущаетъ насъ она... а пуще шарлатанствомъ!
Ну что̀ хорошаго? Какъ только лѣтній жаръ
Немного поспадетъ и осенью суровой
Повѣетъ надъ селомъ, надъ полемъ и дубровой,
Межъ вами, такъ и жди, поднимется базаръ!
Забывъ достоинство своей журнальной чести,
Изъ зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спѣшите вы послать врагамъ своимъ стрѣлу,
Враги стремительно бросаютъ вамъ перчатку —
И бурей роковой къ извѣстному числу
Все разрѣшается... Ошибку, опечатку
Съ восторгомъ подхвативъ, готовы цѣлый томъ
О ней вы сочинить... А публика? Мы ждемъ,
Когда окончится промышленная стычка,
Критическій отдѣлъ наполнившая весь
И даже наконецъ забравшаяся въ Смѣсь,
И думаемъ свое: «несчастная привычка,
Ошибка грустная испытанныхъ умовъ,
Къ чему ты приведешь?...» О, выразить нѣтъ словъ,
Какъ сами вы себя роняете жестоко,
Какъ оскорбляете вы публику глубоко —
И все вѣдь изъ чего?.. Шумливая толпа
Газетныхъ писуновъ, журнальныхъ ратоборцевъ,
Напрасно мыслишь ты, что публика слѣпа!...
Я вѣрю вамъ, когда бездарныхъ стихотворцевъ

Digitized by Google

Преслѣдуете вы, трактуя свысока
О риѳмѣ, о стихѣ, о формахъ языка,
Во имя Пушкина, Жуковскаго и Гёте,
Доказывая имъ, что хуже въ цѣломъ свѣтѣ
Не писывалъ никто, и что рубить дрова
Полезнѣй, чѣмъ низать — «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всѣмъ ученымъ міромъ
Сужденье подкрѣпить то Данте, то Шекспиромъ.)
Я вѣрю вамъ, когда озлобленнымъ перомъ
Вонзаетесь порой въ нелѣпые романы,
Пигмеямъ нанося рѣшительныя раны,
Въ надеждѣ щегольнуть и собственнымъ умомъ.
Когда неловкій стихъ или хромую фразу,
Въ добавокъ исказивъ и, на потѣху глазу,
Косыми буквами поставивъ мнѣ на видъ,
Кричите вы: «и вотъ что̀ авторъ говоритъ!
«Гдѣ мысль, гдѣ логика, гдѣ истинное чувство?
«Тутъ попранъ здравый смыслъ, поругано искусство;
«О, муза русская! осиротѣла ты!..»
Горячность ваша мнѣ хотя и непонятна
(Вы знаете, что есть и въ самомъ солнцѣ пятна),
Но вѣрить я готовъ, что чувство правоты
Внушило вамъ и желчь и ѣдкіе сарказмы
(Хотя противное видали и не разъ мы!).
Я также вѣрилъ вамъ, сочувствовалъ душой,
Когда въ своихъ статьяхъ, приличныхъ и достойныхъ,
Вы отзывалися съ разумной похвалой
О Пушкинѣ и о другихъ покойныхъ
Языкъ краснорѣчивъ, манера хороша:
Кто страстно такъ любилъ, такъ понималъ искусство,
Въ томъ былъ глубокій умъ, горѣло ярко чувство
Свѣтилася прекрасная душа!...
Когда авторитетъ, давно шумѣвшій ложно,

Digitized by Google

Вы разрушаете — вамъ также вѣрить можно;
Когда вы хвалите ученые труды,
Успѣхъ которыхъ вамъ не сдѣлаетъ бѣды,
Я тоже вѣрю вамъ (хоть страсть къ литературѣ
Васъ въ равновѣсіи не держитъ никогда:
То вдругъ расходитесь подобно грозной бурѣ,
То такъ расхвалитесь, что новая бѣда).
Но иначе смотрѣть, иную думать думу
Привыкъ я, господа. Прислушиваясь къ шуму,
Который иногда затѣявъ межъ собой,
Вы разрѣшаетесь осеннею грозой,
Тоска меня беретъ, по тѣлу дрожь проходитъ,
Когда одинъ журналъ, къ другому подходя,
О совѣсти своей журнальной рѣчь заводитъ...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Ужели, мой журналъ внимательно слѣдя,
И въ немъ открыли вы уловки самохвальства?

ПОДПИСЧИКЪ.

О, какже, батюшка, и даже до нахальства!...

ЖУРНАЛИСТЪ (вскакиваетъ).

Но гдѣжъ? Помилуйте! еще подобныхъ словъ
Я сроду не слыхалъ...

ПОДПИСЧИКЪ.

Ужъ будто?

СЛУГА (докладываетъ).

Хрипуновъ!

ЖУРНАЛИСТЪ.

А! нужный человѣкъ!

ПОДПИСЧИКЪ (вставая).

Такъ, значитъ, до свиданья?
Оно и хорошо, ато, разгорячась,
До грубости свои довелъ я замѣчанья
И засидѣлся самъ—прощайте! третій часъ?
Простите, что мои сужденья были жестки
А можетъ скажете, что даже просто плоски!,

Digitized by Google

Но льстить не мастеръ я и спину гнуть въ кольцо...
Не думайте, что мы трудовъ не цѣнимъ вашихъ
Нѣтъ, дѣльный журналистъ—полезное лицо!
Въ васъ благодѣтелей мы часто видимъ нашихъ,
Мы благодарны вамъ за честные труды,
Которыхъ видимы полезные плоды—
Вы развиваете охоту къ просвѣщенью,
Вы примиряете насъ съ собственною лѣнью,
И вамъ всегда открытъ охотно нашъ карманъ—
Насъ опытъ научилъ, что безъ статей журнальныхъ
Осеннихъ вечеровъ, дождливыхъ и печальныхъ,
Намъ некуда дѣвать! Невѣжества туманъ
Разсѣялся давно; смягчило время нравы,
Разгульные пиры и грубыя забавы
Временъ невѣжества смѣнило чередой
Стремленье къ знанію, къ искусствамъ благородным.
И рѣдкій дворянинъ, конечно, молодой,
Теперь не предпочтетъ собакамъ превосходнымъ
Журналъ вашъ, напримѣръ, достопочтенный другъ!
Читателей у насъ что годъ, то шире кругъ,
По милости правительства и Бога
Намъ къ просвѣщенію широкая дорога
Открыта ... для чегожъ грошевый интересъ
Надъ правдою беретъ въ васъ часто перевѣсъ?
Къ чему хвастливый тонъ, осенніе раздоры,
Зацѣпки, выходки, улики, желчь и споры?
Къ чему самихъ себя такъ глупо унижать?
Повѣрьте, публика пойметъ и безъ навѣта,
Что хорошо у васъ, что̀ дурно у сосѣда,
Да право и труда большаго нѣтъ понять!
Повѣрьте, все пойдетъ и тихо и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —

Digitized by Google

И процвѣтете всѣ на многіе года!...
Прощайте! надоѣлъ я вамъ своимъ болтаньемъ:
Но если рѣчь мою почтили вы вниманьемъ,
Готовъ я забрести пожалуй и опять.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Весьма обяжете.... Прощайте! буду ждать!
(Провожаетъ его до прихожей и, возвращаясь въ кабинетъ, говоритъ).
Онъ дѣло говоритъ, да что̀жъ я дѣлать стану,
Когда меня бранятъ, колотятъ по карману!
Я, правда, началъ самъ... да поздно ужъ теперь!
Какой, однакожъ, шутъ! провинціяльный звѣрь!
Безъ деликатности малѣйшей такъ и рѣжетъ;
А все вѣдь изъ чего! языкъ досужій чешетъ!
Послушайся его, пожалуй перестань
Браниться ... Никогда! Нѣтъ, докажу, что дрянь
Все, кромѣ моего журнала—вотъ и баста!
(Звонитъ. Входитъ слуга)
А гдѣ же Хрипуновъ?

СЛУГА.

Онъ ждетъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Проси его!

ХРИПУНОВЪ (входитъ съ тетрадкой).

Не помѣшалъ ли вамъ?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Садитесь, ничего!
А что̀ тамъ, батюшка, подъ мышкою у васъ-то?

ХРИПУНОВЪ.

Да такъ-съ. У недруговъ у вашихъ я нашелъ....

ЖУРНАЛИСТЪ.

Что̀? что̀?

ХРИПУНОВЪ.

Неправильно поставленный глаголъ,

Digitized by Google

Одну безсмыслицу, семнадцать опечатокъ....
Неловкій каламбуръ....

ЖУРНАЛИСТЪ.

Острить не мастера!

ХРИПУНОВЪ.

И цѣлый день писалъ статеечку вчера...
Зато отдѣлалъ же — отъ головы до пятокъ!

(Подаетъ статью).

Она невелика....

ЖУРНАЛИСТЪ.

Давайте, посмотрю!
Да вотъ нельзя ли вамъ состряпать къ сентябрю?

(Даетъ ему раскрытую книгу съ отмѣтками)

ХРИПУНОВЪ.

Еще?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Потѣшиться тутъ можно превосходно!

ХРИПУНОВЪ.

Писать готовъ я все, что будетъ вамъ угодно....

ЖУРНАЛИСТЪ.

Перепечатана, вотъ видите, статья,
И то съ ошибками.. . двѣ-три нашелъ ужъ я —
Нельзя ли пріискать побольше? Вотъ бы чудно!
Могли бы мы сказать: «вѣдь, кажется, нетрудно
«Перепечатывать? Взгляните между тѣмъ,
«Какіе пропуски, ошибки, опечатки!
«И вотъ, читатели, васъ угощаютъ чѣмъ!
«Недаромъ Лермонтовъ въ стихахъ своихъ перчатки
«Совѣтовалъ надѣть, начавъ читать журналъ.
«Сиговъ и Кузмичевъ возрадуйтеся?.... Чѣмъ же
«И кто безграмотнѣй когда нибудь писалъ...»

ХРИПУНОВЪ.

Смотрите, вѣдь они отвѣтить могутъ тѣмъ же....
Пойдетъ исторія....

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТЪ.

Э, гдѣ имъ! никогда!

ХРИПУНОВЪ.

Однакожъ, и у васъ встрѣчалъ я иногда...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Ну, вѣрно пустяки.... Не бойтесь—и пишите!
Да также и въ другихъ отдѣлахъ поищите;
Нельзя ли переводъ пощупать?...

ХРИПУНОВЪ.

Все прочту!
Прощайте! *(уходитъ)*

ЖУРНАЛИСТЪ.

Посмотрѣть, какія тутъ улики.
(Беретъ статью, оставленную Хрипуновымъ.)
Досадно, что статьи ихъ вѣчно такъ велики
То два, то три листа—и рѣдко по листку!
(Перевертываетъ страницы.)
Сказалъ невелика, а тоже будетъ вѣрно
Страницъ до тридцати; привыкли непомѣрно
Растягивать они.... и какъ не похитрить?
Условья хороши! Эхъ, жаль! за корректурой
Заняться не могу я самъ литературой,
А то бы какъ писалъ! ...
(Снова перевертываетъ статью и вздыхаетъ.)
Попробуй не платить—
Отступятся, уйдутъ, останусь беззащитнымъ.
А благородное молчаніе хранить
Не будетъ ли опаснымъ и постыднымъ?...

Digitized by Google

ДВА ЗАЙЦА.

ДНЕВНИКЪ АРМЕЙСКАГО ОФИЦЕРА.

Е. Я. КОЛБАСИНА.

---

12 апрѣля.

Не везетъ, чортъ возьми, совсѣмъ не везетъ! Проигралъ 300 рублей; имѣлъ непріятность; поссорился съ майоромъ II*. Къ довершенію досады, деньщикъ мой Колпаченко запилъ самымъ звѣрскимъ образомъ и сбѣжала со двора гончая собака. Я велѣлъ отливать водой Колпаченка и послалъ отыскивать собаку. Эхъ, скучно, право, хоть бы книженка какая попала въ руки и ту, кажется, прочелъ бы!... Клянусь честью, адская тоска!... нынче Жуковъ сталъ приготовлять изъ рукъ вонъ плохой. Что́ ни говорите, а вѣкъ-то мельчаетъ.... изъ сотни людей одинъ мужчина хорошаго росту попадется. А впрочемъ, къ чорту эти размышленія.... Надо подумать, гдѣ бы достать денегъ?

18 апрѣля.

Все хорошо! Получилъ деньги изъ дому. На пролетъ цѣлую ночь играли полковые трубачи и пѣли пѣсенники....

Digitized by Google

18 апрѣля.

Получилъ предписаніе изъ полковаго штаба. Требуютъ выслать туда всѣхъ кузнецовъ, портныхъ и сапожниковъ. А смотръ на носу и обмундировывай теперь эскадронъ, какъ знаешь! Такія штуки дѣлаютъ со мною постоянно и потомъ меня же распекаютъ. Вѣдь какъ не досадно: чуть пронюхаютъ въ штабѣ, что въ эскадронѣ завелся мастеровой — тотчасъ къ себѣ и перетянутъ. Даже писаря, который едва царапаетъ перомъ, отобрали въ полковую канцелярію; даже повара, котораго я, послѣ большихъ мученій, самъ выучилъ зажаривать цыплятъ, вытребовали приказомъ для полковничьей кухни. И вотъ, съ этими штабными щелкоперами нашъ братъ, эскадронный командиръ, долженъ ладить и жить въ мирѣ. Нѣтъ, чортъ побери! ѣду тотчасъ въ штабъ и обругаю этого адъютантишку, отъ котораго и происходятъ всѣ штуки....

Вечеромъ того же дня.

Обругалъ!... Ухъ, какъ онъ обидѣлся, жидконогій нѣмецъ! да мнѣ плевать на него, на подлую душу.

26 апрѣля.

Большое рыцарство завелось въ нашемъ полку: господа офицеры, въ особенности молодые корнеты, просто разбойники! Давича жестокимъ образомъ избили купца (къ счастью онъ изъ жидовъ) за то, что тотъ не снялъ шапки, да еще, говорятъ, задали потасовку одному мелкопомѣстному. Конечно, это дурно, но порывъ — вообще черта нашей молодежи, да къ тому же и нельзя

Digitized by Google

позволить всякой швали наносить оскорбленіе мундиру. Ей-Богу, лишній разъ дать по зубамъ не составляетъ еще безчестья для военнаго человѣка. Боже, какая мужественная душа хоть бы у ротмистра К.! Подковы ломаетъ, разбойникъ! Я очень люблю ротмистра К..

1 мая.

Преуморительную слышалъ сегодня пѣсенку!

Лакей, свинья *безчувственна,*
Анету соблазнилъ...

И кто сочиняетъ подобныя глупости? Вѣроятно какая нибудь купоросная душа — напился и задурилъ. А впрочемъ, чортъ ихъ разберетъ, этихъ сочинителей! Я вообще того мнѣнья, лишь бы въ государствѣ были твердые законы, а писателей, чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

3 мая.

Непріятная исторія. Повѣсился полковой писарь. Старый былъ человѣкъ, и ни за копѣйку погубилъ свою грѣшную душу. Чтобы немного подождать, — и такъ бы умеръ! Какая же мораль была у него, бездѣльника! Въ карманѣ у него нашли 25 рублей. Слѣдовательно, денежки водились. Такъ на кой же чортъ онъ повѣсился? Надѣлалъ, право, столько хлопотъ, что самъ того не стоитъ.

14 мая.

А щеночекъ мой ничего—весь пошелъ въ Заливая. Позволю себѣ, чортъ возьми, носъ отрѣзать, если только изъ него не выйдетъ лучшая собака въ цѣломъ полку! Глазъ пребойкій, ножки словно выточены, хвостикъ въ колечко.

Digitized by Google

16 мая.

Сегодня прибылъ въ мой эскадронъ юнкеръ. Онъ недавно опредѣлился. Пригласилъ его къ обѣду, поговорилъ, но вижу, толку изъ него будетъ мало. Мозглякъ какой-то, весьма рѣчистый и очень жадный до книжекъ. Ну, коли все книжёнки на умѣ, такъ значитъ службой станетъ манкировать,—это примѣта вѣрная. Былъ у меня ужъ такой юнкеръ: кряхтѣлъ, кряхтѣлъ, получилъ корнета и вышелъ въ отставку.

26 мая.

Смотръ, смотръ на носу. Энергія моя проснулась. Все встрепенулось: пощады не даю ни одному лѣнтяю: распекаю, пропекаю и поощряю: все горитъ, такъ что любо, и мечется словно угорѣлое. Но вахмистръ мой, Третьяковъ, вздумалъ умничать. Онъ замѣтилъ, что, дескать, ваше благородіе, надо дать отдохнуть лошадямъ и людямъ, а то, молъ, отъ частыхъ упражненій, они выбьются изъ силъ и къ смотру повѣсятъ носы. Я послалъ его къ чорту и разъ навсегда объявилъ ему: пусть онъ, дуракъ, не разсуждаетъ и лучше дѣлаетъ мое дурное, чѣмъ свое хорошее. Терпѣть не могу никого, кто любитъ умничать, въ особенности гнусно это видѣть въ нижнемъ чинѣ. Не хочу, чортъ возьми, никакихъ совѣтчиковъ, мнѣ нужны только исполнители.

3 часа ночи.

Не спится. Послалъ за вахмистромъ и взводными. Разспросилъ обо всемъ подробно и немного

Digitized by Google

успокоился. Взводный, Горностай по фамиліи, человѣкъ толковый: на лету, бестія, хватаетъ мои мысли, ну вотъ такъ и кажется, что онъ хочетъ вскочить прямо тебѣ въ душу. Молодецъ! молодчина! А вахмистръ и остальные взводные— фетюки, совсѣмъ осовѣли и такъ говорятъ вяло, лѣниво, что даже злость беретъ. Чортъ ихъ знаетъ, когда они выспятся наконецъ. У меня такъ совсѣмъ пропалъ сонъ. Я даже велѣлъ поставить самоваръ: выпью-ка стаканчикъ съ ромомъ.

Утромъ.

Все и всѣхъ осмотрѣлъ. Нашелъ большія отклоненія отъ моихъ приказаній и много испортилъ крови.—Петрушка поскакалъ въ штабъ съ запиской, Игнашка полетѣлъ въ Саратовъ для закупки закусокъ, Колпаченко велѣлъ выпороть. Во всемъ эскадронѣ движеніе адское. Солдаты выбриты, лошади зачищены, нигдѣ не увидишь ни одной порваной шинели, махальщики выставлены на разстояніи шести верстъ и только покажется полковникъ, тотчасъ будетъ мнѣ извѣстно. Добро пожаловать, г-нъ полковникъ, все найдете въ цвѣтущемъ состояніи; даже карты, мѣлки и вино самаго перваго разбора.

28 мая,

Былъ полковникъ. Остался доволенъ. У меня сердце даже забилось отъ радости, когда онъ сказалъ, что нашелъ эскадронъ въ отличнѣйшемъ состояніи. За обѣдомъ шутилъ и разсказывалъ анекдоты изъ своей петербургской жизни, когда онъ служилъ въ гвардіи. Передъ отъѣздомъ

Digitized by Google

взглянулъ на моихъ собакъ, погладилъ одну изъ нихъ и уѣхалъ. Въ память этого дня, я приказалъ собаку эту называть «полковницей.» Давно, давно ужъ не было на душѣ моей такъ легко. Но ощущеніе это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда я въ первый разъ надѣлъ эполеты, когда въ первый разъ звякнули на мнѣ шпоры.... о, какъ я былъ счастливъ тогда! Я думалъ.... дослужиться до генерала, нахватать орденовъ, сдѣлать хорошую партію и.... и вотъ ужъ восьмой годъ, какъ я сижу въ ротмистерскомъ чинѣ и впереди не вижу ни вакансіи, ни невѣсты. Грустно!...

15 іюня.

Съ нѣкотораго времени я сдѣлался какимъ-то меланхоликомъ. Сижу и по цѣлымъ вечерамъ все думаю. Въ головѣ моей необыкновенно свѣтло созрѣла мысль касательно женитьбы, какъ ни обдумываю, но вижу ясно, что изъ долговъ мнѣ можно выпутаться только съ помощью выгодной женитьбы. Разстроенныя дѣла моей матушки прямо приводятъ къ тому заключенію, что поддержки мнѣ ждать отъ нея нечего. Кончина дядюшки, сверхъ чаянія, ни шиша мнѣ послѣ своей смерти не оставившаго, еще болѣе укрѣпляетъ меня въ мысли жениться на какой нибудь доброй и богатой дѣвушкѣ. Съ другой стороны и мать моя также будетъ довольна, если я доставлю ей случай поняньчить внуковъ. А я обязанъ доставить это удовольствіе старухѣ, которая такъ много, много для меня сдѣлала. Теперь только въ моей головѣ начинаетъ проясняться мысль, какъ

Digitized by Google

гнусно существованіе холостяка, все прокутившаго и проигравшаго. (Чортъ же меня дернулъ спустить въ Саратовѣ послѣднія денежки!) Порой я даже впадаю въ мрачное отчаяніе, что быть можетъ, мнѣ не суждено и отыграться. Нѣтъ, надо жениться! Чувствую, что моя энергія, которой я всегда гордился передъ всѣми товарищами, какъ-то пошатнулась, слабѣетъ. А вѣдь какъ я былъ энергиченъ въ молодости! теперь уже не то....

20 іюня.

Прекурьёзная случилась со мною исторія. Не смотря на неудачи, я держусь прежняго своего правила: дѣйствуй нахрапомъ и потачки не давай. Такъ, третьяго дня, одинъ сосѣдній помѣщикъ вздумалъ было закупленное у него сѣно для моихъ лошадей, перепродать другому. Шалишь! подумалъ я, и, во-первыхъ, налетѣлъ въ степи на его прикащика, выпоролъ хорошенько и погрозилъ еще ему тюрьмой, зачѣмъ, дескать, не напомнилъ помѣщику, что сѣно ужъ запродано мнѣ; во-вторыхъ, тутъ же настоялъ, за нарушеніе даннаго слова, перевезти немедленно сѣно ко мнѣ на ихъ собственныхъ подводахъ; въ-третьихъ, обругалъ покупщика; и — маршъ-маршъ въ усадьбу къ самому помѣщику, такъ припугнулъ его, помѣщика-то, что думалъ, душа вылетитъ изъ его тѣла. Однако ничего, потомъ подружились: я пилъ у него чай и познакомился съ его семействомъ. Ахъ, какая у него жена! чудо! Досадно, что я былъ не бритъ и въ грязь-

Digitized by Google

ныхъ перчаткахъ. А глаза-то какіе шельмовскіе.... у! меня пробрало до самыхъ даже пятокъ.

23 іюня.

Былъ у помѣщика. Къ удивленію, принялъ сухо. Жена не показывалась. Такъ плевать же мнѣ на нихъ, когда такимъ гнуснымъ манеромъ принимаютъ! Какъ будто и свѣта только, что въ окнѣ.... Есть и другіе помѣщики, и побогаче....

26 іюня.

Опять былъ у помѣщика. Все тоже. Жена не выходила. И къ обѣду, не смотря на урочное время, не пригласили. Э, да коли на то пошло, знать ихъ не хочу. А вотъ, какъ затѣемъ зимой собраніе, такъ я ей удружу, удружу, голубушкѣ! Впрочемъ, стоитъ ли женщина гнѣва? Я вѣдь мужчина, а мужчина способенъ на великодушіе, такъ чортъ съ ней! И что она такое? Глупая юбка, овца деревенская и больше ничего. Вотъ другая есть особа, съ которой я недавно познакомился, такъ дѣйствительно необыкновенная. Какая душа, какая талія! Клянусь честью, болѣе прелестнаго существа я еще не видывалъ! И какая благовоспитанность, въ соединеніи съ красотою и дѣвическою скромностью.... Ну, за подобную особу такъ можно пренебречь всѣмъ міромъ: росту прекраснаго, воспитанія чрезвычайнаго, съ шестью-стами душъ и съ конскимъ заводомъ! Вотъ это, такъ женщина. Кромѣ того: я пылокъ, какъ огонь, а она разсудительна, я слишкомъ расточителенъ, а она разсчетлива, я говорливъ, а она молчалива, я смѣлъ, а она пуглива, я бѣденъ,

Digitized by Google

а она богата. Ну, чѣмъ же не пара? Чего не достаетъ мнѣ, то она дополнитъ, и на оборотъ, чего не достаетъ ей, то я пополню. А что....

— Эй, вѣстовой! Колпаченко! Да что, у тебя уши пенькой забиты, что ли?

— Никакъ-съ нѣтъ.

— А коли нѣтъ, такъ вели лошадей Игнашкѣ закладывать. Живо, поворачивайся! Тюлень ты этакой....

Поѣду, право поѣду. Смерть хочу въ любви объясниться.

9 іюля.

Вмѣсто предполагаемой поѣздки къ дивной сосѣдкѣ, попалъ въ Саратовъ, то есть, сорокъ верстъ проскакалъ дальше. Чортъ его знаетъ, такой ужъ стихъ на меня нашелъ.... Сильно захотѣлось побывать въ городѣ.

А городъ хорошій, постройка изрядная, улицы правильны, и женскаго общества довольно, но трактиры скверные.

Вечеромъ былъ на пожарѣ. Какая скверная здѣсь пожарная команда!

Я таки не остерегся. Возвращаясь поздно изъ гостей квартальнаго обругалъ. Болванъ дерзнулъ ко мнѣ подойти съ замѣчаніемъ. Я его за это такъ пугнулъ, что онъ отъ меня на три сажени отскочилъ.

30 іюля.

Не везетъ! полтораста рублей уплыло, и карта шла такая дрянная, что просто изумительно. Передъ выѣздомъ снялъ съ себя дагеротипное изо-

Digitized by Google

браженіе. Но вышло подло: вмѣсто благороднаго лица, какая то взъерошенная собака сидитъ въ мундирѣ.

31 іюля.

На возвратномъ пути заѣзжалъ къ сосѣдкѣ, Бухаровой. Былъ не въ духѣ, и спалъ послѣ обѣда. Гулялъ въ саду, но садъ не произвелъ никакого пріятнаго впечатлѣнія. Боже, какъ мрачно у меня на душѣ, и сколько денегъ пустилъ я на вѣтеръ въ Саратовѣ! У меня самый несчастный характеръ: стоитъ только начать, а тамъ катай-валяй.... Но ничего, авось отыграюсь у себя, дома. Рискну еще разъ. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ.

8 августа.

Нѣсколько дней и ночей шелъ бой не на животъ, а на смерть. Что-то страшное и героическое вмѣстѣ представляла моя квартира. Я видѣлъ, какъ зеленѣли и блѣднѣли люди. Майоръ П*, ротмистръ К*, поручикъ В* поглощены были игрою. Они даже отказывались отъ пищи, о снѣ никто и не думалъ. Я самъ былъ между смертью и жизнью. Мнѣ везло, я выигрывалъ, но.... все погибло, кромѣ чести!! Я, дуракъ, потерялъ голову, и — продулся, въ пухъ и прахъ продулся. Все годовое мое жалованье, всѣ бывшія у меня наличныя деньги, всю мебель, пистолеты и серебро — все проигралъ! Даже — это ужасно, и рѣшено держать пока въ секретѣ, между нами — я проигралъ свою верховую лошадь съ вальтрапомъ и сѣдломъ, и теперь,—я кавалеристъ безъ

Digitized by Google

коня. Терзанія мои невыносимы. Боже, зачѣмъ я такъ несчастливъ?

10 сентября.

Въ душѣ пусто. На сердцѣ тоска. Посѣщаю домъ отставной подполковницы Ненастьевой, которая живетъ въ одной со мною деревнѣ. У нея двѣ дочки довольно милыя — вдова и барышня. Но не смотря на ихъ внимательность, и со вдовой мнѣ скучно, и съ барышней тоже. Сама подполковница такъ добра, что кормитъ меня на убой; со слезами на глазахъ, все разсказываетъ про своего покойнаго подполковника. Да чортъ возьми меня, если я ужъ не слышалъ отъ нея этой исторіи въ сотый разъ! Однако, нечего дѣлать, слушаю.

11 сентября.

Цѣлый день провелъ у Ненастьевыхъ.

12 сентября.

Только что отъ Ненастьевыхъ.

13 сентября.

Обѣдалъ у Ненастьевыхъ.

14 сентября.

Какой необыкновенный соусъ приготовляютъ у Ненастьевыхъ! Послѣ обѣда гулялъ, любезничалъ и обѣщалъ придти завтра.

15 сентября.

Грустно! Сегодня предложили играть въ фанты. Игралъ. Вечеромъ, подполковница гадала мнѣ на картахъ. Благодарилъ. Взяли съ меня обѣщаніе участвовать въ какой-то прогулкѣ. Обѣщалъ. Теперь я въ такомъ положеніи, что не могу ни въ чемъ отказать.

Digitized by Google

16 сентября.

Прогулка кончилась. Я водилъ подъ руку подполковницу. А вечеромъ поднесъ и вдовѣ, и барышнѣ по букету цвѣтовъ, изъ ихъ же палисадника. Восхищенію ихъ не было границъ. Эхъ, заѣздятъ онѣ меня совсѣмъ!

21 сентября.

Получилъ деньги изъ дому. Слава Богу! Прощайте, Непастьевы, спасибо за обѣды. Пусть Богъ проститъ этой старой грѣшницѣ подполковницѣ, которая начинала ужъ безъ всякой церемоніи приказывать мнѣ выносить ей кресла на балконъ, подавать скамейку подъ ноги и т. д. Да и дочки ея тоже надоѣли до смерти. Теперь, я думаю, вотъ что сдѣлать: взять домовый отпускъ и серьёзно поискать для себя невѣсту. Когда бъ Богъ далъ только жениться, все можно поправить.

27 сентября.

Ѣздилъ по дѣламъ въ Саратовъ, гдѣ, совершенно неожиданно, познакомился съ первостатейнымъ купцомъ, у котораго дочка — заглядѣнье! Я, кажется, произвелъ на нее порядочное впечатлѣніе, и думаю повести аттаку на ея сердце и на ея приданое. Дѣло серьёзное — денегъ за нею куча. Съ этой цѣлью, подъ предлогомъ болѣзни, я остался въ Саратовѣ.

28 сентября.

Провожу время въ купеческомъ обществѣ. Такіе задаютъ обѣды и вечера, что просто уму непостижимо, и очень охотно играютъ въ горку.

Digitized by Google

Дѣлишки мои идутъ изрядно. Я кой-что выигралъ и все посматриваю на дочку, на Лизавету Петровну, завелъ дружбу съ ея тетушкой, которая сильно мнѣ покровительствуетъ. Сосватай она мнѣ только свою племянницу, я ужъ не пожалѣю купить ей самую драгоцѣнную шаль.

29 сентября.

Тетушка подаетъ мнѣ надежду. Дай Богъ, дай Богъ! смерть, какъ хочу жениться. Да лишь бы она не врала, проклятая!

Вечеромъ того же дня.

Продолжительный разговоръ имѣлъ съ Лизаветой Петровной. Ума особеннаго не замѣтилъ, да мнѣ и не нужно его. Какой-то купчикъ сильно около нея увивается. Онъ франтъ и держитъ голову на бокъ, въ знакъ своего превосходства передъ другими. Чуть разговоръ на минутку прекратится и всѣ замолчатъ, онъ непремѣнно замѣтитъ: «тихій ангелъ пролетѣлъ-съ.» Но болѣе всего онъ разбѣсилъ меня слѣдующей выходкой. Когда мы разговаривали съ Лизаветой Петровной, онъ подошелъ, взялся въ бока и, взглянувъ на одного плѣшиваго купчишку, бойко меня спросилъ: «А что, батюшка, правда ли, что во Франціи есть такая конфитуція, что ихней императоръ дѣтей не можетъ имѣть?» При этомъ всѣ на меня устремили взгляды. «Не знаю», отвѣчалъ я. «Какъ же вы не знаете! Англія, говорятъ, запрещаетъ. Такъ мнѣ московскій студентъ сказывалъ.» — «Да полно тебѣ, братъ, чепуху говорить», отозвался хозяинъ: — «какъ же можно обой-

Digitized by Google

тись безъ дѣтей, посуди самъ», и, благодаря этому замѣчанію, я выпутался изъ своего затруднительнаго положенія. Экой подлый купчишка, съ какими турусами подъѣзжаетъ!

30 сентября.

Тетушка дѣйствуетъ на славу. Отличная женщина: доставляетъ намъ случай видѣться съ Лизаветой Петровной и передаетъ поклоны. Смѣлѣе! При первомъ же удобномъ случаѣ поцалую въ губки Лизавету Петровну.

Вечеромъ.

Ура! поцаловалъ, и въ любви моей объяснился. Потомъ былъ разсѣянъ, въ горку не игралъ. Но купчикъ-франтъ, какъ надоѣдливая муха, такъ насъ и преслѣдуетъ. Подошелъ ко мнѣ, почесалъ себѣ лобъ, почесалъ и вдругъ судорожно разсмѣялся во все горло. «Экъ, вы дерете горло!» замѣтила ему Лизавета Петровна. «Что дѣлать, сударыня», возразилъ онъ:—«вашъ батюшка, Петръ Кузьмичъ, меня понимаетъ. Я не заморскій человѣкъ.» Я поймалъ его на лѣстницѣ, затащилъ къ себѣ, и какъ ни въ чемъ не бывало, напоилъ его шампанскимъ. Уходя отъ меня, онъ, развеселившись, началъ такъ кричать на улицѣ, что его взяли въ часть. Вышелъ скандалъ и тетушка поспѣшитъ разблаговѣстить всему купечеству. Значитъ, кредитъ его на время подорванъ. А потомъ.... Я знаю, что съ нимъ сдѣлать потомъ....

6 октября.

Пробывъ нѣсколько дней въ эскадронѣ, я опять

Digitized by Google

пріѣхалъ въ Саратовъ. Франтъ-купчикъ, успокоившись моимъ отсутствіемъ, куда-то уѣхалъ. Ну, тѣмъ лучше, а то я придумалъ для него славную штуку и, собственно для этого, привезъ съ собою корнета Битюка. А дѣлишки мои, между тѣмъ, принимаютъ все болѣе и болѣе серьёзный характеръ. Тетушка Лизаветы Петровны просто за меня распинается. Теперь все будетъ зависѣть отъ бородастаго Петра Кузьмича, будущаго моего тестя. Между прочимъ, вышелъ престранный переплетъ: пока Петръ Кузьмичъ забираетъ на мой счетъ справки, я, живя въ эскадронѣ, возобновилъ знакомство съ Бухаровыми. Нина Бухарова, имѣющая шестьсотъ душъ и англійскій конскій заводъ, прелюбезно приняла меня съ своею матерью. Я тоже началъ и за ней ухаживать. Оборвется въ одномъ мѣстѣ, такъ удастся въ другомъ. Проклятые купцы, они нынче сдѣлались очень недовѣрчивы. Теперь — либо Нину, либо Лизавету Петровну подхвачу. Клянусь честью, положеніе мое пока изрядное, тѣмъ болѣе, что купцы совсѣмъ не умѣютъ играть въ горку, и я щелкаю ихъ знатно. Не знаю, съ кѣмъ-то приведетъ Богъ породниться, или съ богатѣйшими купцами, или съ богатыми помѣщиками. Признаюсь, желалъ бы скорѣе съ помѣщиками: нынче бракъ съ купеческой дочкой, почему-то, коммерціей считаютъ. Ну, и въ обществѣ нѣтъ того почета, промышленниками называютъ.

Digitized by Google

7 октября.

Сегодня, на отличнѣйшемъ сѣромъ рысакѣ майора П* (спасибо ему, одолжилъ для этого случая!), я подкатилъ къ крыльцу двухъ-этажнаго дома Петра Кузьмича. Облобызавъ почтеннаго старика, со всѣми расшаркался, кинулъ значительный взглядъ на Лизу. Я былъ веселъ, много говорилъ, и даже нѣсколько прихвастнулъ на счетъ своихъ имѣній. Поднесли водку, я отъ водки отказался; поднесли закуску, я закусилъ. На старика это подѣйствовало.

— Да вы развѣ не пьете? спросилъ онъ.

— Въ ротъ не беру, отвѣчалъ я. Это зелье крѣпости придаетъ человѣку мало, а разсудка отнимаетъ много.

— Такъ, батюшка. У меня вотъ прикащикъ есть—богатѣйшей головы человѣкъ, а какъ напьется, такъ въ однихъ, съ позволенія сказать, порткахъ на улицу выскакиваетъ.

— Да, Петръ Кузьмичъ, я на своемъ вѣку тоже порыскалъ много, и, могу сказать, не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ водка даже семейное счастье разстроивала.

— И-и! залепетала тутъ же сидѣвшая тетушка: — кабы не она, проклятая, такъ нашему полу не приходилось бы время во слезахъ проводить. Вотъ хоть бы Иванъ Памфилычъ, человѣкъ молодой, а въ часть попалъ.

— Тс! замѣтилъ старикъ.

— Да что́, тятенька, вмѣшалась Лизавета Пе-

Digitized by Google

тровна: — конечно, въ части сидѣлъ. Ну, какъ послѣ этого съ нимъ танцовать можно!

— Да это, мать моя, ничего, залепетала тетка: — а главное, какой семейственности отъ него ждать можно! Что жъ вы, Петръ Кузьмичъ, такъ съ нимъ носитесь, съ Иваномъ Памфилычемъ-то?

— Молчи, Арина Тимоѳеевна; конь на четырехъ ногахъ, и то спотыкается.

— Нѣтъ, возразилъ я: — позвольте мнѣ, какъ кавалеристу, замѣтить, что добрый конь не спотыкается. Такихъ коней мы въ бракъ сдаемъ. Конечно, Иванъ Памфилычъ человѣкъ прекрасный....

— Какой онъ прекрасный! перебила меня съ запальчивостью Арина Тимоѳеевна. — Вы, по ангельской добротѣ своей, всякій соръ, прости Господи, учтивствомъ одолжаете.

Старикъ посмотрѣлъ на меня весьма ласково и пригласилъ къ обѣду.

За обѣдомъ споръ продолжался такъ искусно, что я, глядя на Арину Тимоѳеевну, просто недоумѣвалъ, откуда у ней берутся такіе славные извороты. Лихая баба! Но что, однако, за кремень старикъ, все молчитъ, да только покашливаетъ. Чортъ его разберетъ, какъ мнѣ понимать этотъ кашель.

Вечеромъ, находясь въ большой тревогѣ, я поскакалъ къ Бухаровымъ (благо они всего въ двадцати верстахъ отъ Саратова). Тутъ ужъ пошла другая статья. Старуха очень благовоспитанная особа, все о Петербургѣ рѣчь заводитъ, а Нина порхаетъ, какъ бабочка: то колпакъ на

Digitized by Google

лампѣ поправитъ, то мазурку сыграетъ, то матери руку поцалуетъ. Просто, дѣвушка-милашка! И какая талія у ней! двумя пальчиками обхватить можно.

— Что вы такъ серьёзны? спросила она меня.

— Хочу въ отставку выйти и перемѣнить образъ жизни.

— Маманъ, слышите, Константинъ Григорьичъ хочетъ въ отставку выходить!

— И прекрасно сдѣлаетъ, возразила старуха. — Какая нынче служба — арендъ не даютъ, производство, говорятъ, тугое, да и выгодъ, я полагаю, мало.

— Очень мало! замѣтилъ я. Можете вообразить, я все состояніе свое на службѣ прожилъ, осталось только двѣ деревушки.

— А гдѣ ваши деревушки? спросила старуха.

— Въ Черниговской губерніи, отвѣчалъ я, не краснѣя.

— А сколько даютъ вамъ эти деревушки?

— Что за допросъ, маманъ! перебила, смѣясь, Нина.

Спасибо ей, а то, быть можетъ, я бы заврался. И это непремѣнно бы случилось, потому что положеніе мое такое, что нельзя не врать, но даю себѣ честное слово, какъ только женюсь, ложь къ чорту, все на чистоту.

— А что вы думаете дѣлать, выйдя въ отставку? опять спросила старуха.

— Хозяйствомъ заняться.

— Да, займитесь хозяйствомъ, проговорила

Digitized by Google

она протяжно. — Вы много можете успѣть и въ обществѣ женщинъ, только и насъ не забывайте, Константинъ Григорьичъ. Смотрите.

Ну, чортъ его знаетъ, какъ и это понять! *только и насъ не забывайте, смотрите....* гм! что она хочетъ этимъ сказать? Бѣда, да и только: одинъ глупо кашляетъ, а другая говоритъ шарадами, точно Сфинксъ въ юбкѣ.

Отъ Бухаровыхъ я поскакалъ, на другой день утромъ, къ Петру Кузьмичу. Кажется, что именно въ этомъ домѣ суждено устроить мнѣ свое счастіе. Лизавета Петровна обрадовалась, тетка шепнула, что все идетъ ладно, и самъ старикъ кашлялъ меньше обыкновеннаго. Но Боже, какая пытка — неопредѣленное состояніе! Я весь, какъ на угольяхъ, и начинаю терять терпѣніе. Что будетъ со мною, чѣмъ кончится вся эта продѣлка?

Послѣ обѣда ходилъ съ Лизаветой Петровной и Ариной Тимоѳеевной смотрѣть собачью комедію. Я купилъ имъ билеты и онѣ остались довольны. Дѣйствительно, собачки танцуютъ недурно. Да дѣло въ томъ, скоро ли я перестану таскаться съ ними по балаганамъ и кормить мороженымъ? Терзанія мои невыносимы. Да что жъ дѣлать? Веду атаку и здѣсь, и тамъ, то есть, бью, что называется, и въ голову, и въ хвостъ.

13 октября.

Былъ въ эскадронѣ, былъ у Бухаровыхъ и былъ у Петра Кузьмича. Въ эскадронѣ все благополучно, у Бухаровыхъ приняли ласково, у Петра Кузьмича еще ласковѣе. Теперь надо со-

Digitized by Google

образить: Нина, какъ будто шутя, ударила меня по рукѣ, Лизавета — чуть не повиснула на шеѣ. Мать Нины была, на этотъ разъ, любезна, но накормила меня прескверным обѣдомъ. Петръ Кузьмичъ жаловался на трудность нынѣшнихъ оборотовъ, но задалъ обѣдъ въ такую цѣну, на которую можно бы смѣло сыграть цѣлую свадьбу. Кромѣ того, у Нины немного длинный носъ, зато у Лизочки — носикъ прехорошенькій, жаль только, что у ней отецъ скотина. То есть, не скотина, а какой то медленный, все потихоньку, да потихоньку. Но, впрочемъ, и мать Нины тоже барыня прехитрая, да и гордая къ тому жъ. Въ сущности — обѣ невѣсты хороши, но родители, къ несчастію, страннаго нрава. Я теперь, какъ муха, летаю то къ однимъ, то къ другимъ. Утромъ у Бухаровыхъ, вечеромъ у Петра Кузьмича. Тамъ испытываю мать, здѣсь отца. Ахъ, еслибъ мнѣ гдѣ нибудь успѣть! Съ подругой сердца и горести легче переносить.

18 октября.

Браво! И Нину поцаловалъ! Вспыхнула и тотчасъ отдернула руку, но какъ взглянула!.... Боже, Лиза такъ смотрѣть не умѣетъ, и что за рука! Въ довершеніе торжества, старуха такъ ласкаетъ меня замѣтно, что думаю скоро сдѣлать предложеніе.

Вечеромъ, по обыкновенію, былъ и у Петра Кузьмича, (я не довѣряю своему счастію!) и какъ на счетъ Лизы я совершенно покоенъ, то преимущественно насѣдалъ на старика. Поддается ста-

Digitized by Google

рый хрѣнъ, тоже! Уходя, нашелъ удобный случай поцаловать и Лизу. Ничего, сказала только: «зачѣмъ такъ часто».

20 октября.

Живу въ эскадронѣ, держу двѣ тройки, товарищи еще даютъ подставу, чтобъ удобнѣе шмыгать изъ эскадрона къ Бухаровымъ, отъ Бухаровыхъ въ Саратовъ, изъ Саратова въ эскадронъ. Такимъ образомъ я дѣлаю въ сутки 68 верстъ. Товарищи у меня славные и отъ души желаютъ, чтобъ я поскорѣе женился. Ихъ очень занимаетъ моя исторія.

23 октября.

Нина необыкновенно какъ мила. Такъ задумчиво на меня посматриваетъ, такъ прислушивается къ каждому моему слову, что я даже начинаю охладѣвать къ Лизѣ. Что-то томное и прелестное въ ея взглядѣ. Нынче я повелъ съ нею слѣдующій разговоръ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ:

— Нина Александровна!

— Что такое?

— Скажите, кто по вашему достоинъ болѣе сожалѣнія: влюбленный ли, готовый надѣлать тысячу глупостей, или же невлюбленный, сердце котораго камню подобно?

— Конечно, послѣдняго положеніе болѣе жалко.

— Нѣтъ, Нина Александровна, первый достоинъ болѣе сожалѣнія, повѣрьте мнѣ, — болѣе, потому что и сонъ его мало освѣжаетъ, и мрачныя мысли терзаютъ.

Digitized by Google

— Напротивъ, я слышала, что влюбленнымъ людямъ во снѣ приходятъ самыя счастливыя грезы. Они, я такъ слышала, плаваютъ въ блаженствѣ.

— О, не вѣрьте, не плаваютъ! Любовь тогда хороша, когда два сердца бьются одною жизнью, когда чувствуешь присутствіе милаго, дорогаго человѣка, когда минута безъ него кажется потерянной, гадкой, невыносимой, когда малѣйшая благосклонность, взглядъ — и человѣкъ дѣлается героемъ.

Она опустила глаза. Я, не теряя этой счастливой минуты, бацъ передъ нею на колѣни (какъ это мать ея не подошла, мы были отъ нея только черезъ двѣ комнаты). Но я былъ въ такомъ волненіи, что схватилъ Нину и объявилъ, что теперь самъ чортъ не вырветъ ее изъ моихъ объятій. Какъ встрепенулась, какъ задрожала она!

— Любишь ли ты меня? произнесъ я задыхающимся голосомъ, самъ чувствуя, что дѣйствую, очертя голову.

— Люблю, отвѣчала она едва слышно.

Ура! И Нина на моей сторонѣ. Это не то, что съ Лизой, взялъ, да и пошелъ на собачью комедію. Теперь слѣдуетъ насѣсть на ея матушку. Чѣмъ-то рѣшитъ мою судьбу эта добрая старуха? Страшно. Я совершенно неожиданно приближаюсь къ цѣли, и совсѣмъ неожиданно нашелъ успѣхъ тамъ, гдѣ не ожидалъ.

25 октября.

Не смотря на проливной дождь, я поѣхалъ къ

Digitized by Google

Бухаровымъ. Вхожу въ гостиную — Нина одна, читаетъ. Я молча поцаловалъ у ней руку. «Мамапъ, шепнула она мнѣ: — что-то нездорова и очень хандритъ!» Проклятіе! Семь чертей и одинъ дьяволъ ей въ придачу! Когда же она, наконецъ, перестанетъ хандрить? Боюсь, насолитъ мнѣ эта старуха! Я былъ мраченъ и разсѣянъ. Горничная пронесла по комнатѣ какія-то стклянки и позвала Нину къ матери. Повременамъ она выбѣгала ко мнѣ, и такая озабоченная опять уходила, и я снова оставался одинъ. Старуха не подозрѣвала о моемъ посѣщеніи, и мы перешептывались украдкой. Но все выходило какъ-то странно и печально.

Подъ вліяніемъ самыхъ грустныхъ предчувствій, я тихонько уѣхалъ и, по дорогѣ, заѣхалъ въ Саратовъ, прямо къ Петру Кузьмичу.

Петръ Кузьмичъ, къ удивленію, попенялъ, что такъ давно меня не видно. Я оправдывался службой. Вошла Лиза.... удивительно, какой чрезвычайный пріобрѣла она навыкъ одѣваться скоро и довольно къ лицу, въ случаѣ нечаяннаго появленія мужчины. Она начала съ того, чѣмъ заключилъ отецъ, то есть съ попрека. Эко теперь и тутъ раздолье!...

— Что, батюшка, подѣлываете? спросилъ, ухмыляясь, старикъ.

— Хочу въ отставку выйти и перемѣнить образъ жизни.

— А потомъ-съ, что намѣрены дѣлать, если полюбопытствовать позволительно?

Digitized by Google

— Хочу жениться, отвѣчалъ я.

Эффектъ вышелъ необыкновенный. Старикъ какъ-то покачнулся впередъ. Лиза отъ волненія уронила платокъ.

— Хе-хе! возразилъ старикъ.—Такъ у васъ.... то есть, примѣрно...

— Двѣ деревушки въ Черниговской губерніи, подсказалъ ему я, угадавъ его мысль.

Старикъ помолчалъ.

— Уйди, Лиза, сказалъ онъ тихо: — а мы поговоримъ съ господиномъ ротмистромъ.

Лиза бросилась къ рукѣ отца и заплакала. Старикъ нахмурился и указалъ ей на дверь.

— Вотъ, какъ видите, произнесъ онъ, когда мы остались одни: — какъ видите, совсѣмъ съума спятила дѣвка. А вамъ-то она нравится?

— Нравится, отвѣчалъ я, ожидая, что изъ этого выйдетъ.

— А подъ вѣнецъ-то вы идти согласны?

— Согласенъ, отвѣчалъ я, посматривая на него съ изумленіемъ.

— Хе-хе! губа-то у васъ не дура. Извините, господинъ ротмистръ, она у меня наличнаго капиталу имѣетъ, почитай, что триста тысячъ, не говоря ужъ о лавкахъ и заведеніяхъ.

Я едва переводилъ дыханіе, такъ все это неожиданно на меня обрушилось. Старику, кажется, нравилось, что я былъ сконфуженъ, хотя онъ не могъ знать настоящей причины.

— А вотъ что-съ, произнесъ онъ, помолчавъ: — объ этомъ нужно-съ еще подумать, какого,

Digitized by Google

примѣрно, вы нрава и состоянія человѣкъ, мы того-съ.... справки заберемъ-съ.

— Экой ты чортъ! подумалъ я: — ужъ ты два мѣсяца забираешь справки.

— Какъ вамъ угодно, Петръ Кузьмичъ, отвѣчалъ я громко: — я самъ всепокорнѣйше прошу васъ, чтобъ это оставалось пока въ секретѣ.

— Вотъ это-съ съ толкомъ сказано, возразилъ старикъ. — Зачѣмъ огласку, примѣрно, дѣлать, когда все это въ рукахъ Божьихъ. Благодаримъ, значитъ, за предложеніе ваше, но дайте, значитъ, и намъ время на обсужденіе. Она у меня одна.... Повремените маленько, а тамъ, произнесъ онъ съ разстановкой: — коли на то воля Божья будетъ, мы васъ и благословимъ....

Я, какъ угорѣлый, отправился въ гостинницу, Теперь лавировать такъ должно, чтобъ, пока я не добьюсь ничего рѣшительнаго отъ матери Нины, ни та, ни другая сторона ничего не подозрѣвали. Въ случаѣ, если мать Ниночки согласится насъ благословить, такъ плевать мнѣ въ бороду Петру Кузьмичу. А если.... что же, хоть Лиза и купчиха, но и съ нею можно найти счастье.

Ѣду немедленно въ эскадронъ и поручаю себя молитвамъ моей матери. Будь, что будетъ!

26 октября.

Сижу въ эскадронѣ и думаю: какъ дивно все устроено въ мірѣ! Либо Нину, либо Лизавету подхвачу!...

Digitized by Google

Вечеромъ.

Ходилъ по комнатѣ и курилъ трубку. Внутри меня происходитъ такая возня, словно туда, безъ моего приказанія, эскадронную кузню перевели. Вотъ такъ и слышу — куютъ, просто куютъ.... Пройдусь-ка и покурю трубочку.

. . . . . .

«Триста тысячъ» Петръ Кузьмичъ сказалъ. Неужели онъ мнѣ дастъ при жизни, хоть половину? Ахъ, чортъ возьми, да я его разцалую въ бороду! Да отъ этого голова кругомъ идетъ!... Пройдусь-ка и покурю трубочку.

. . . . . .

«Люблю» сказала Нина! Что-то она дѣлаетъ, голубушка? Гм! она еще лучше: шестьсотъ душъ, конскій заводъ, аристократическое имя, связи... А какіе фуроры съ нею можно производить, какія знакомства завести! Всю лѣстницу можно, чортъ возьми, тропическими растеніями уставить! Неурожай случится въ деревняхъ, такъ стоитъ одного только жеребца продать и тысячу цѣлковенькихъ въ карманъ положить. Гм! и лакей въ штиблетахъ, жокейчикъ, словно кукла, такъ и мечется подъ ногами. Съ другой стороны, перспективая чудная: почетъ, дверцы хлопаютъ; экипажи пріѣзжаютъ, мужчины, дамы, дѣти, гувернантки, блонды, духи, люстры... Фу! дай-ка покурю еще трубочки. А чортъ съ нею, съ этой трубкой, дѣло въ томъ, что-то Ниночка думаетъ? Бѣдная моя, сидитъ, ангельчикъ, около капризной матери, сидитъ, душка

Digitized by Google

моя, голубка, крошка.... тю-тя, тю-тя моя, тю.... фу, чортъ! Однако, я начинаю глупѣть. Дай-ка, въ самомъ дѣлѣ, лягу въ постель, авось она мнѣ приснится. А завтра — поѣду къ нимъ.

28 октября.

Ѣздилъ. Старуха все еще нездорова. Но Нина, Нина очень меня встревожила! Говоритъ, что мать ея, на наше несчастье, помѣшана на знати слѣдовательно, предложеніе мое.... да, оно можетъ остаться безъ послѣдствій. Испугавшись этой мысли, я началъ довольно ясно намекать Нинѣ о необходимости преодолѣть препятствія, о возможности увѣнчать нашу любовь бѣгствомъ.... Она и слышать не хочетъ. А я убѣжденъ, что этотъ скандалъ могъ бы упрочить наше счастье. Руку даю на отсѣченіе, что бѣгство сокрушило бы упорство этой гнусной тиранки! Да чортъ ее возьми, я тоже не изъ однодворцевъ, и мой дѣдъ, еще при Екатеринѣ II-й, крѣпость защитилъ! По одной только безпечности, я, глупецъ, въ шестую книгу не записался. Унывать, однако, нечего, благо купеческая дочка сидитъ почти что въ моемъ карманѣ, слѣдовательно за Нину надо приняться хорошенько. О, милая моя, какъ вы еще слабы характеромъ, какъ вы опутаны предразсудками!

— Послушайте, сказалъ я ей: — священникъ у меня знакомый.... Экипажъ есть, свидѣтели тоже....

— Не могу, не могу!

Digitized by Google

— И это любовь! Нина Александровна, и это любовь?

— Да, я васъ люблю....

— Хороша же ваша любовь! и что значатъ пустыя препятствія, когда можно съѣздить за какихъ нибудь двадцать верстъ и повѣнчаться!...

— Ради Бога, вы мнѣ этого не говорите.

— Нина Александровна! неужели и вы не можете отрѣшиться отъ предразсудковъ? будьте героиней, заставьте обожать васъ до безумія! Вспомните, наконецъ, что пробный оселокъ любви — самоотверженіе! Я васъ люблю, я безъ васъ жить не могу, я весь вашъ!

Она въ отчаяніи ломала руки.

— Такъ вы согласны? такъ мы восторжествуемъ надъ препятствіями? такъ мы....

— Нѣтъ, отвѣчала она: — это убьетъ мою маманъ.... И она заплакала.

— Плачьте, Нина, плачьте, произнесъ я съ досадой: — вы оплакиваете наше разбитое счастье. Прощайте.

— Куда же вы? спросила она съ испугомъ.

— Да такъ, самъ не знаю куда. А вы.... вы оскорбили наше священное чувство, теперь мое сердце — мрачная гробница.

Она ушла, сильно встревоженная, сильно поколебленная. Я тихонько уѣхалъ. Взглянулъ на небо — сѣро, взглянулъ на лошадей — замучены. Вотъ, воображаю-то, какъ надо мной смѣется кучеръ-то мой, Игнашка. «Зачѣмъ, дескать, его нелегкая носитъ?» И дѣйствительно, зачѣмъ я

Digitized by Google

ѣзжу? Однако я сильно взволнованъ. Въ груди кипитъ. Сердце бьется. Въ Саратовъ не ѣздилъ. О, небо! еслибъ только мнѣ жениться на Нинѣ!... Я изъ кожи лѣзу, но не знаю, буду ли обладателемъ этого лакомаго кусочка.

2 ноября.

Нина говоритъ, что каждую ночь во снѣ меня видитъ. Но матушка ея косится и, кажется, не совсѣмъ довольна моими частыми посѣщеніями. Экая старая корга! Да вѣдь говорю же тебѣ толкомъ, что дѣдъ мой, еще при Екатеринѣ II-й, крѣпость защитилъ! Глупѣйшіе предразсудки. Поѣду-ка я лучше въ Саратовъ, къ своимъ купчишкамъ. Хоть въ горку обыграю ихъ.

3 ноября.

Необыкновенно было весело. Петръ Кузьмичъ все жметъ мнѣ руку и ласково потряхиваетъ бородой. Утромъ, въ гостинницѣ, я немного подвыпилъ, а вечеромъ вальсировалъ съ Лизой. Танцуетъ изрядно, только руки потѣютъ.

4 ноября.

Сегодня опять танцовалъ съ Лизой. Надоѣло ужъ мнѣ съ ней танцовать, когда деньги нужны до зарѣзу.

Дѣла мои, однако, изрядны. Съ Петромъ Кузьмичемъ мы живемъ душа въ душу. Всѣ его домашніе смотрятъ на меня, какъ на жениха, и очень услужливо оставляютъ меня одного съ Лизой. Но скоро ли старикъ дастъ намъ благословенье? Вѣдь что за народъ—дѣло вовсе немудреное, а тянутъ, какъ, Богъ вѣсть, что.

Digitized by Google

Я нарочно завелъ съ своей печальной кралей слѣдующій разговоръ:

— Такъ вы меня любите, Лиза?

— Какъ будто вы не знаете, Константинъ Григорьичъ.

— Да Богъ васъ знаетъ. Дѣвушки — народъ хитрый.

— Нѣтъ, это мужчины—такъ обманщики.

— Какое, мужчины — народъ откровенный. Я вамъ, напримѣръ, вотъ какой дамъ совѣтъ.

— Какой-съ?

— Плачьте, чтобъ тятенька вашъ скорѣе насъ благословилъ.

— Охъ, я ужъ и безъ того плачу.

— Плачьте больше, прикиньтесь больной, напоминайте ему, умоляйте....

И при этомъ мнѣ сдѣлалось самому такъ смѣшно, что я продекламировалъ:

«Ты сама тому виною,
Что плѣнился я тобою».

Въ заключеніе, далъ ей нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ и ушелъ. Увидимъ, какъ-то устоитъ противъ нихъ старикъ....

6 ноября.

Пріѣхавъ въ эскадронъ, я нашелъ на своемъ столѣ книги, которыя, недѣли двѣ тому назадъ, далъ на прочтеніе Нинѣ. Я бросился къ нимъ и не ошибся.... Въ одной изъ нихъ нашелъ маленькую приписку, на поляхъ. «Пріѣзжайте» — пишетъ Нина—«маманъ совсѣмъ поправилась. Я хандрю и она меня утѣшаетъ. Я рѣшительно ей

Digitized by Google

объявила, что вы меня любите. Пріѣзжайте». Ага! наконецъ-то расшевелилъ и эту пугливую, но прелестную куропаточку. Поѣду, непремѣнно поѣду, и сегодня же вечеромъ!

Вечеромъ.

Только что вернулся отъ Бухаровыхъ. Нина приняла меня такъ радостно, какъ будто мы не видались цѣлую вѣчность. Между тѣмъ, прошло всего только три дня. Понимая свое измѣнившееся положеніе, я былъ мраченъ. Съ старухой говорилъ тихо, скромно и прилично, хоть въ душѣ посылалъ ее ко всѣмъ чертямъ. Скверная старушенція такъ была натянуто-величественна, точь въ точь нашъ генералъ, на котораго написали небольшіе, но презабавные стишки, о которыхъ онъ знаетъ, но показываетъ видъ, какъ будто ихъ не знаетъ. Я весь вечеръ разсѣянно ласкалъ ея кошечку и, словно мимоходомъ, коснулся моего дѣдушки.... Такъ живописно описалъ ей уединенную крѣпость, томительный страхъ жителей, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, каплю оставшейся воды на тысячу жителей.... потомъ, появленіе грознаго побѣдителя.... И посреди всего этого, паритъ мой дѣдушка. Больной, но заслуженный старикъ, извѣстный при Дворѣ, разъѣзжаетъ, какъ ангелъ утѣшитель... Онъ думаетъ пасть, но со славою, и пишетъ трогательное письмо къ моей бабушкѣ, и. т. д.

Г-жа Бухарова слушала меня съ любопытствомъ, потомъ покачала головой и отвернулась... Экой проклятый камень! даже гибель крѣпости

Digitized by Google

и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ мало на нее подѣйствовали! Зато Нина такъ и впилась въ меня глазами и чуть не заплакала отъ трагической кончины моего несчастнаго дѣдушки.

Впрочемъ, г-жа Бухарова взяла съ меня слово пріѣхать завтрашній день къ нимъ обѣдать и, глядя мнѣ какъ-то въ затылокъ, завела рѣчь по французски. Я отвѣчалъ ей и по французски. Чего же ей больше?

7 ноября.

Шутки въ сторону, а дѣло идетъ на ладъ. Нина такъ блѣдна и такъ мало кушаетъ, что г-жа Бухарова какъ-то особенно нервически дергаетъ носомъ. Она, то взглянетъ на меня, то поглядитъ на Нину, то снова, не глядя ни на кого, тревожно задергаетъ носомъ. Я мрачень и тоже ѣмъ мало. Вообще отношенія наши пространныя. Но вижу хорошо, что теперь между матерью и дочерью происходитъ что-то важное.... Я крѣпко сталъ между ними, и обо мнѣ теперь, чортъ побери, думаютъ серьёзно. Держу ухо востро и, какъ солдатъ на сторожѣ, готовъ грудью защищать свое право. Я теперь такъ много думаю и такъ ворочаю своими мозгами, что даже голова трещитъ. Ну, задалъ же я себѣ адскую работу! Три смотра готовъ отбыть и одинъ инспекторскій, но лишь бы не имѣть дѣла съ бабами; одной невѣсты достаточно, чтобъ съума спятить, а тутъ еще двѣ замѣшались. За то дѣло вѣрное, одна ускользнетъ, другую подцѣпишь.

Digitized by Google

17 ноября.

Грустно! совсѣмъ выбиваюсь изъ силъ. А тутъ еще солдатъ моего эскадрона, Сидоренко, свелъ у бабы теленка. Баба плачетъ, Сидоренко оправдывается, вахмистръ принимаетъ сторону бабы. Да чортъ бы васъ побралъ съ вашими жалобами, мнѣ и безъ того горько. Однако, я поручилъ разобрать дѣло юнкеру, который до того обрадовался, что, отъ скуки, написалъ цѣлый протоколъ и съ торжествомъ поднесъ мнѣ свои умозаключенія. Хорошъ тоже и юнкеръ! какой онъ къ чорту кавалеристъ, онъ просто дѣепричастіе!

20 ноября.

Утромъ былъ у Бухаровыхъ: пашептывалъ на ушко Нинѣ. Вечеромъ былъ у Петра Кузьмича: декламировалъ стихи Лизѣ. И душой, и тѣломъ двигаю впередъ свое дѣло, и, хотя оно движется, но не такъ скоро, какъ бы того желалъ. А тутъ канальство, дѣлишки мои запутываются и безденежье страшное. Вслѣдствіе этого, я сдѣлалъ слѣдующій маневръ: занялъ подъ большіе проценты полтораста рублей и продалъ одну лишнюю тройку. Теперь остался съ одной и не могу такъ часто ѣздить.

28 ноября.

Съ Ниной происходятъ страшныя вещи. Сегодня она взяла меня за руку и съ твердостью произнесла:

— Послушайте, сказала она: — на дняхъ вы должны сдѣлать формальное предложеніе моей матери.

Digitized by Google

Я чуть не прыгнулъ отъ радости.

— Какъ, развѣ она согласна?

— Нѣтъ, но вы свое сдѣлайте.... Если она не согласится....

И Нина остановилась.

— Такъ что же? спросилъ я, не спуская съ нея глазъ.

— Я убѣгу съ вами! отвѣчала она рѣшительно.

Признаюсь, хотя это мое собственное внушеніе покончить подобнымъ образомъ, но я начинаю трусить. Что, если надменная старуха ничего намъ не дастъ? Вѣдь это пустяки:

«И хижина убога съ тобой мнѣ будетъ рай!»

Какой чортъ, я кругомъ въ долгахъ и не вижу ни откуда пособія. Слѣдовательно, и Лизу потеряю, и тутъ ничего не выиграю. Постой же, я вотъ какъ сдѣлаю: возьмусь хорошенько за Петра Кузьмича и добьюсь отъ него благословенія, а потомъ насяду на мать Нины и отъ нея тоже добьюсь послѣдняго слова, въ заключеніе рѣшу, что выбрать одно изъ двухъ. Благоразуміе не мѣшаетъ. Вѣдь я пропаду, совсѣмъ пропаду, если не устроится моя женитьба. Однако, кто бы могъ думать, что Нина такая рѣшительная особа? А съ виду такая нѣжная, слабенькая... О, чортъ возьми, я ее за это очень обожаю. Все для нея сдѣлаю! Вздохнуть не дамъ этому бородастому купчишкѣ, пока онъ не сниметъ образа и не скажетъ мнѣ *да* или *нѣтъ*. Хоть неблагоразумно это, но я долженъ поступить такъ. О, душка моя,

Digitized by Google

Нина! у тебя геройское сердце. Смѣло ѣду къ Петру Кузьмичу, хотя бы чрезъ подобную поспѣшность и пришлось пожертвовать Лизой. Ахъ, Господи, знай я, что мать Нины не предастъ насъ проклятію и не откажетъ въ деньгахъ, я бы плевать сталъ на Лизу!..., О, скаредная старуха! до какого положенія она меня доводитъ! Въ три кнута бы ее, старую дуру.... А впрочемъ, я отъ Лизы всегда могу отказаться, хотя бы, сверхъ чаянія, и удалось получить благословеніе.

29 ноября.

Какъ билось у меня сердце, когда я входилъ въ покой Петра Кузьмича! Онъ не могъ понять, что во мнѣ происходило, но однако тотчасъ замѣтилъ тревожное состояніе моего лица.

— Ахъ, батюшка, Константинъ Григорьичъ, да вы на себя не похожи! произнесъ онъ съ такимъ участьемъ, какого я отъ него не ожидалъ.

Я сейчасъ же воспользовался этимъ, быть можетъ, первымъ говоромъ его коммерческаго сердца, и сказалъ, что не могу жить безъ его Лизы, что чувствую помраченіе ума и не выйду изъ его комнаты, пока онъ не рѣшитъ моей участи. Откуда не возьмись Лиза и бацъ прямо старику въ ноги. Я кувыркнулся тоже. Старикъ опѣшилъ. Что было дальше—не помню. Но знаю, что тутъ же подвалила и Арина Тимофеевна и рыдала такъ страшно, что съ Лизой сдѣлались конвульсіи, и у меня у самаго захватило дыханіе, и я заговорилъ.... ужъ самъ не знаю, что̀ заговорилъ, но только старикъ съ ужасомъ отъ меня попятился.

Digitized by Google

Хоть убей меня, ничего толкомъ теперь разсказать не могу, знаю только, что приставили стулъ, сняли со стѣны образъ....

— Крестись, крестись! кричала Арина Тимофевна.

Лиза перекрестилась. Я сдѣлалъ тоже.

И такъ я сговоренъ. Теперь бѣжать съ Ниной— будетъ съ моей стороны глупо. Еслибъ мнѣ не посчастливилось у Петра Кузьмича, тогда другое дѣло. Теперь сдѣлаю вотъ какъ: завтра же ѣду къ Нинѣ и, не показывая вида о случившемся, переговорю рѣшительно съ ея матерью. Хочетъ— хорошо, а не хочетъ—какъ знаетъ. Значитъ, тамъ я окончательно рѣшу, быть ли мнѣ женатымъ на Лизѣ. Теперь смѣло могу сказать (конечно про себя)—либо Нину, а не то женюсь на Лизаветѣ, потому что она уже моя.

30 ноября.

Соколомъ, орломъ полетѣлъ я къ Бухаровымъ. Не ожидая тутъ ничего для себя хорошаго, я однако бодро вошелъ въ комнаты. Вхожу въ залъ— никого, въ гостиную—тоже. Я пріостановился, и потомъ еще смѣлѣе, вошелъ въ диванную. Навстрѣчу мнѣ Нина и дѣлаетъ жестъ молчанія. Смотрю—блѣдна, но глаза блестятъ какъ-то ярко и увѣренно.

— Тише, сказала она мнѣ торопливо:—маманъ опять расхворалась, но....

И она посмотрѣла на меня съ какимъ-то особеннымъ торжествомъ. Грудь ея высоко подымалась.

Digitized by Google

— То есть, вы хотите сказать, что намъ приходится бѣжать? спросилъ я съ невольной улыбкой.

— Нѣтъ, она согласна на нашъ бракъ.

— Быть не можетъ?! проговорилъ я. И вы....

— Садитесь, садитесь, произнесла она поспѣшно и съ горячностью схватила меня за руки.

— Слушайте. Когда я вамъ сказала, что вы должны на дняхъ сдѣлать формальное предложеніе, я рѣшительно не имѣла никакой надежды на успѣхъ. Какъ вы только уѣхали отъ насъ, я отправилась къ себѣ въ комнату и съ отчаяніемъ стала укладывать свои вещи. Маманъ, которой успѣли шепнуть, что вы у насъ были и тотчасъ уѣхали,—не смотря на свою болѣзнь, встала съ постели и прямо ко мнѣ въ комнату. Можете представить, что́ съ ней сдѣлалось....

И Нина вздрогнула и торопливо перевела духъ.

— Я, произнесла она чуть слышно: — прямо объявила ей, что собираюсь въ дорогу, что хочу съ вами бѣжать. Такъ какъ она меня застала,— скрываться ужъ было поздно..... И.... не хочу вамъ всего разсказывать, мнѣ самой кажется, какъ будто это во снѣ, какъ будто.... О, моя милая, благородная маманъ! какой я готовила ей ударъ! Она поняла мое душевное состояніе, она.... она согласилась на нашъ бракъ. Но Боже! какого это стоило потрясенія и мнѣ, и ей!...

Нина закрыла руками свое пылающее лицо и заплакала.

Digitized by Google

— Да что такое случилось? спросилъ я съ волненіемъ.

— Ахъ, она опять расхворалась, произнесла Нина съ плачемъ:—сидитъ у себя въ комнатѣ.... проситъ васъ извинить ее, что она не можетъ васъ сегодня видѣть.

— Значитъ опасности нѣтъ никакой?

— Конечно нѣтъ, но мнѣ грустно, что я первый свой счастливый день встрѣчаю такъ печально. О, моя маманъ, какъ я передъ ней много виновата!...

И опять слезы, смѣшанныя съ улыбкой, и какая улыбка, Боже!... нѣтъ, цѣлый мильонъ Лизъ не стоитъ одного ея мизинчика! Я удивляюсь, дуракъ, какъ я могъ хоть на минуту поколебаться бѣжать съ нею. Да это такое сокровище, такая милашка, съ которой всѣ невзгоды ничто.... Чортъ возьми, стрѣлялъ по двумъ зайцамъ и обоихъ подстрѣлилъ! Еще одинъ прыжокъ, еще одно усиліе — и я выпрыгну на чистую поляну. Скорѣе надо отрубить, пока еще не поздно, лишній узелъ, и мы станемъ блаженствовать съ Ниной.

Когда я уѣзжалъ, мать Нины, не смотря на свое болѣзненное, то-есть, говоря проще, на свое горделивое положеніе, велѣла позвать меня къ себѣ, въ спальню. Тутъ я, своими ушами, услышалъ, какъ она, кряхтя и охая, объявила, что не намѣрена противиться сердечному влеченію своей дочери. И такъ, сама судьба даетъ мнѣ въ руки ту, которая плѣнила мое сердце. Скорѣе, ско-

Digitized by Google

рѣе въ Саратовъ! за-бортъ купчишекъ, за-бортъ Лизу, за-бортъ Петра Кузьмича съ его лавками!...

1 декабря.

Былъ въ Саратовѣ, былъ, и — отказался. Что произошло съ ними, никакое перо описать не можетъ. Но вѣдь я, послѣ такихъ тревогъ и волненій, разомъ достигнулъ двухъ цѣлей, слѣдовательно, я въ правѣ выбирать лучшую изъ нихъ. Настоящей причины имъ не сказалъ и повернулъ такъ дѣло, что до Бухаровыхъ до-поры-до-времени никакихъ слуховъ дойти не можетъ. Я показалъ и Петру Кузьмичу, и Лизѣ, и даже Аринѣ Тимоѳеевнѣ свою подорожную (не пожалѣлъ на покупку ея восьми рублей) и окончательно убѣдилъ ихъ, что немедленно уѣзжаю изъ Саратовской губерніи. Вотъ могу сказать, что видѣлъ скрежетъ зубовъ и стенаніе....

Эхъ, чортъ возьми, какая настала масляница для души моей! Да и то сказать, какихъ трудовъ, безпокойствъ и огорченій все это стоило мнѣ. Торжествуй, мой духъ, торжествуй! О, Нина, какъ я теперь люблю тебя.... въ шелки одѣну, въ батистъ окутаю, мухѣ не позволю пролетѣть надъ твоей головой.., Имѣю честь поздравить себя съ счастливымъ исходомъ дѣла. Вѣроломства я не сдѣлалъ никакого, дѣвической чести не запятналъ, слѣдовательно, купчишкамъ обижаться нечего. До свадьбы, однако, надо держать ухо востро. Я на этотъ счетъ принялъ всѣ мѣры. Сплетень не

Digitized by Google

можетъ быть никакихъ. Даже товарищи мои не знаютъ, что я былъ обрученъ съ Лизой.

6 декабря.

Лежу у себя въ квартирѣ и едва дышу отъ радости. Вчера у меня цѣлую ночь играла музыка и пѣли пѣсенники. Съ какимъ пренебреженіемъ и съ улыбкой я слушалъ, когда майоръ II* своимъ баритономъ затянулъ залихватскую:

«Сяду я за столъ, да подумаю,
Какъ мнѣ въ свѣтѣ жить одинокому....»

— Нѣтъ, братъ, подумалъ я:-садись себѣ за столъ, да и думай, а мнѣ-то думать не о чемъ. Послѣ завтра будетъ торжественный сговоръ.

Въ настоящее же время, я, вотъ ровно шесть дней,—божественныхъ дней!—ежедневно бываю у Бухаровыхъ и блаженствую. Даже сама почтенная Бухарова — я теперь только понялъ ея добрѣйшую душу—сама Бухарова перестала на меня коситься. О нашемъ счастьи съ Ниной и говорить нечего. Желалъ бы я знать, кто мнѣ теперь не позавидуетъ?

9 декабря.

Святители, Святители, спасите! Вѣдь я.... вѣдь все.... Стой! не поворачивайся дальше, глупый языкъ... Бросьте меня, друзья, бросьте меня съ четвертаго этажа, въ самую пропасть бросьте! И еслибъ не малодушіе гнусное, я бы подъ первое колесо полѣзъ, чтобъ оно меня раздавило.... Вѣдь что случилось! Святители, что случилось!...

Нина, сама Нина, добрая, ясная, какъ небо,

Digitized by Google

съ ужасомъ отъ меня отскочила.... А у Бухаровой, старухи, такъ пѣна, какъ у бѣшеной собаки, показалась.

— Ага! закричала старая: — я вѣдь тебѣ говорила, дочь моя, что онъ башмака твоего не стоитъ.... Ты бредила о немъ и слезами исходила, а онъ сердце свое въ одно время, и тебѣ, и купчихѣ предлагалъ... у ногъ торгаша валялся, обручальное кольцо получилъ....

Я былъ пораженъ, какъ громомъ. Хотѣлъ извернуться, но мнѣ на дверь указали. О, рогатая скотина! о, безмозглый дуралей! И какъ не сообразить, что на разстояніи двадцати верстъ, — отъ клеветы уберечься невозможно!...

Digitized by Google

ФАНФАРОНЪ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ СНОБСОВЪ (*).

РАЗСКАЗЪ ИСПРАВНИКА.

А. Ф. ПИСЕМСКАГО.

I.

Губерніей управлялъ князь***. Четвергъ былъ моимъ докладнымъ днемъ. Въ одинъ изъ нихъ, на половинѣ моего доклада, дежурный чиновникъ возвѣстилъ:

— Помѣщикъ Шамаевъ!

— Просите, сказалъ князь.

Я, по обыкновенію, отошелъ за ширмы; назван-

(*) Мѣткость сатиры и поучительная сила очерковъ Теккерея: «Снобсы» дали автору мысль написать настоящую статью. Подъ общимъ названіемъ: «Наши Снобсы», онъ предполагаетъ привести нѣсколько біографическихъ очерковъ. Предчувствую обвиненія въ смѣлости и самъ сознаюсь въ своей немощи идти вслѣдъ великому юмористу, но все-таки рѣшаюсь.

Digitized by Google

ная фамилія напомнила мнѣ моего безцѣннаго кокинскаго исправника, который тоже прозывался Шамаевъ. «Ужъ не сынъ ли его»? подумалъ я.

Вошелъ высокій мужчина, довольно полный, но еще статный, среднихъ лѣтъ; въ осанкѣ его и походкѣ видна была какая-то спокойная увѣренность въ собственномъ достоинствѣ; одѣтъ онъ былъ, какъ одѣвается нынѣ большая часть богатыхъ помѣщиковъ — щеголевато и съ шикомъ, поклонился развязно и проговорилъ первую представительную фразу на французскомъ языкѣ. Князь просилъ его садиться и началъ съ того, съ чего бы началъ и я.

— Не родственникъ ли вы кокинскаго исправника Шамаева?

— Я его родной племянникъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ князь, всегда очень любезный и находчивый въ пріемѣ незнакомыхъ посѣтителей: — позвольте мнѣ начать съ того, что вашего почтеннаго родственника мы любимъ, уважаемъ, дорожимъ его службой и боимся только одного, чтобъ онъ насъ не оставилъ.

Шамаевъ поклонился.

— Мнѣ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ: — остается только благодарить за лестное мнѣніе, которое вы имѣете о моемъ дядѣ, и который, впрочемъ, дѣйствительно заслуживаетъ этого, потому что опытенъ, честенъ и дѣятеленъ.

Digitized by Google

— Именно, подтвердилъ князь.

На этомъ мѣстѣ разговоръ, кажется, могъ бы и пріостановиться; но Шамаевъ съумѣлъ перевести его тотчасъ на другой предметъ.

— Какъ хорошъ видъ изъ квартиры вашего сіятельства; здѣсь этимъ немногіе дома могутъ похвастаться, сказалъ онъ, взглянувъ въ окно.

— Да, отвѣчалъ князь: — особенно теперь ярмарка; площадь такъ оживлена.

— Мнѣ кажется, ваше сіятельство, эта ярмарка скорѣе можетъ навести грусть, чѣмъ доставить удовольствіе, замѣтилъ Шамаевъ.

— Почему жъ вы такъ думаете?

— Она такъ малолюдна, бѣдна.

— Чтожъ дѣлать?... Все-таки она удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ.

— Для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей достаточно нѣсколькихъ лавокъ и двухъ базарныхъ дней въ недѣлю; назначеніе ярмарокъ должно быть болѣе важно: онѣ должны оживлять край, потому что даютъ сподручную возможность мѣстнымъ обывателямъ сбывать свои произведенія и пускать въ движеніе свои капиталы, наконецъ обмѣнъ торговыхъ проэктовъ, соглашеніе на новыя предпріятія.... но ничего подобнаго здѣсь нѣтъ.

— Здѣшняя губернія, возразилъ князь: — ни по своему положенію, ни по своей производительности, не можетъ имѣть такого важнаго торговаго значенія, чтобы вызвать ярмарку въ подобныхъ размѣрахъ.

Digitized by Google

— Напротивъ, ваше сіятельство, возразилъ въ свою очередь Шамаевъ: — здѣшняя губернія могла бы имѣть огромное торговое значеніе. Край здѣшній я знаю очень хорошо, и онъ въ этомъ отношеніи представляетъ чрезвычайно любопытный фактъ для наблюденія. Одна его половина, которую я называю береговою, по преимуществу должна бы быть хлѣбопашною: поля открытыя, земля удобная, средство сбыта — Волга; а выходитъ не такъ: въ нихъ развито, конечно въ слабой степени, фабричное производство, тогда какъ въ дальнихъ уѣздахъ, гдѣ лѣсныя дачи идутъ на неизмѣримое пространство, строятъ только гусянки, нагружаютъ ихъ дровами, гонятъ, Богъ-знаетъ, въ какую даль, сбываютъ все это за ничтожную цѣну, а часто и въ убытокъ приходится вся эта операція; дома же, на мѣстѣ, сажени дровъ не сожгутъ, потому что нѣтъ почти ни одной фабрики, ни одного завода.

По этимъ словамъ Шамаева я заключилъ, что онъ долженъ быть капиталистъ-помѣщикъ, который затѣваетъ какое нибудь значительное торговое предпріятіе и поэтому пріѣхалъ объясниться съ управляющимъ губерніей. Князь былъ тоже, кажется, моего мнѣнія; онъ предложилъ Шамаеву одну изъ своихъ любимыхъ и очень цѣнныхъ сигаръ, которую тотъ закурилъ и тотчасъ угадалъ цѣнность ея происхожденія.

— Какую же вы причину полагаете этого неправильнаго распредѣленія занятій? началъ князь.

Digitized by Google

— Причина этому, ваше сіятельство, — мы, владѣльцы, потому что мы все-таки еще любимъ жить по старинѣ: въ насъ совершенно нѣтъ ни коммерческаго духа, ни предпріимчивости. Всѣ мы очень похожи на одного жида, котораго я зналъ въ Варшавѣ, который нажилъ огромное состояніе и подъ старость лѣтъ съума сошелъ: не зналъ ни счету деньгамъ, ни употребленія, а только сидѣлъ въ своей кладовой и дрожалъ, чтобы его не обокрали... такъ и мы сидимъ у своихъ дачъ, очень богатыхъ, надобно сказать, и у своихъ шкатулокъ, у кого онѣ есть, и боимся рискнуть двадцатью-пятью рублями серебромъ, или срубить при порубкѣ лишнее бревно; ну какъ, думаешь, лѣсъ-то и не выростетъ больше?

— Въ этомъ случаѣ кому нибудь одному надобно показать примѣръ, сказалъ князь.

— И я такъ полагалъ, ваше сіятельство, и даже взялся быть этимъ примѣромъ, и былъ жертвой. Сначала я думалъ дѣлать на акціяхъ, какъ дѣлается это въ другихъ мѣстахъ; однако, у меня ихъ на сто цѣлковыхъ не раскупили. Я и на это не посмотрѣлъ; имѣя какихъ нибудь двѣсти душъ, устроивалъ два самыхъ удобныхъ, по мѣстнымъ средствамъ, завода: сначала шло очень хорошо, а потомъ, при первыхъ же двухъ-трехъ неудачахъ, не имѣя запасныхъ капиталовъ, не выдержалъ — и со страшнымъ убыткомъ долженъ былъ бросить, тѣмъ болѣе, что постигло

Digitized by Google

меня ничѣмъ не замѣняемое несчастіе: лишился жены, заниматься самъ ничѣмъ не могъ.

Говоря послѣднія слова, Шамаевъ поднялъ глаза къ небу, вздохнулъ, потупился и нѣсколько времени молчалъ.

— Я, ваше сіятельство, началъ онъ потомъ, вставая, и не совсѣмъ твердымъ голосомъ: — хоть до сегодняшняго моего представленія и не имѣлъ чести быть вамъ знакомъ, но, наслышавшись о вашемъ добромъ и благородномъ сердцѣ, рѣшаюсь прямо и смѣло обратиться къ вашему милостивому покровительству.

— Что такое? спросилъ князь.

— Такъ какъ теперь, ваше сіятельство, я не имѣю никакого особеннаго занятія; а малютки-сироты (при этомъ Шамаевъ опять вздохнулъ)... сироты мои, малютки, продолжалъ онъ: — требуютъ уже воспитанія и невольно вынуждаютъ меня жить въ городѣ съ ними, и такъ какъ слышалъ я, что ваканція старшаго чиновника особыхъ порученій при особѣ вашего сіятельства свободна, потому желалъ бы занять эту должность, и съ своей стороны смѣю увѣрить, что оправдаю своей службой довѣріе вашего сіятельства.

Князь, очень добрый человѣкъ и вообще неспособный отказывать въ просьбахъ, особенно такъ прямо и смѣло высказанныхъ, какъ высказалъ Шамаевъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ довольно опытенъ и остороженъ въ службѣ, чтобы дать мѣсто

Digitized by Google

человѣку, совершенно не зная, кто онъ и что онъ такое.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, подумавъ:—но... но это мѣсто я уже предполагалъ замѣстить другимъ; если, впрочемъ, онъ не будетъ желать, то...

Шамаевъ поклонился.

— Стало быть, ваше сіятельство, я могу имѣть нѣкоторую надежду?

— Очень, очень, отвѣчалъ князь, раскланиваясь.

Шамаевъ еще разъ, и довольно низко, поклонился и вышелъ.

Князь позвалъ меня.

— Что это за господинъ, не знаете ли вы? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что не знаю.

— Но, вѣроятно, его кто нибудь знаетъ здѣсь въ городѣ, кого бы я могъ спросить?

Я отвѣчалъ, что всего лучше спросить его дядю, исправника, который, конечно, его хорошо знаетъ и скажетъ правду.

— Прекрасно, сказалъ князь: — вы ѣдете въ Кокинъ; попросите Ивана Семеныча моимъ именемъ сообщить вамъ объ его племянникѣ всѣ подробности, какія вы найдете нужными, и все это передайте мнѣ, а тамъ увидимъ.

II.

Черезъ недѣлю я поѣхалъ въ Кокинъ.

Ивана Семеновича не было въ городѣ. Я написалъ ему записочку; онъ пріѣхалъ.

Digitized by Google

— Я къ вамъ, Иванъ Семенычъ, съ порученіемъ, началъ я.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ онъ.

— Во-первыхъ, передъ моимъ отъѣздомъ сюда, къ князю являлся вашъ родственникъ—штабъ-ротмистръ Шамаевъ.

— Слушаю-съ, повторилъ Иванъ Семеновичъ.

— Во-вторыхъ, продолжалъ я:—онъ просится на мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій.

Иванъ Семеновичъ почесалъ затылокъ.

— Въ-третьихъ, князь поручилъ мнѣ распросить васъ о немъ, какъ можно подробнѣе; вы, конечно, хорошо его знаете.

Иванъ Семеновичъ потеръ лобъ.

— Какъ не знать! очень ужъ хорошо знаю: только, какъ вамъ разсказывать; правду ли говорить, или нѣтъ?

— Разумѣется, правду; а то хуже, князь узнаетъ стороной; этимъ вы и себя скомпрометируете, да и меня подведете.

— Конечно, отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—Ахъ ты, Боже ты мой! Боже ты мой милостивый! говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собой:—немало я съ этимъ молодцемъ повозился: и сердилъ то онъ меня, и жаль-то мнѣ его, потому что, какъ ни говорите, сынъ роднаго брата: этого ужъ изъ сердца не вырвешь—кровь говоритъ.

Нѣсколько времени мы молчали.

Digitized by Google

— Ну-съ, почтеннѣйшій Иванъ Семенычъ, я жду, сказалъ я наконецъ.

— Да что, сударь! не знаю, съ чего вамъ начать, отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ.—Прежде всего, продолжалъ онъ:—я хочу вамъ сказать объ его отцѣ, моемъ старшемъ братѣ, который былъ прекраснѣйшій человѣкъ: учился, знаете, отлично въ Морскомъ корпусѣ; въ отставку вышелъ капитаномъ втораго ранга; это, выходитъ, не бездѣлица! и словомъ, мужчина былъ умница. Каждое слово его имѣло вѣсъ; хозяинъ такой, что этакаго другаго въ жизнь мою ужъ больше и не встрѣчалъ; всѣ эти нынѣшніе модные господа агрономы гроша его не стоятъ. Отъ какихъ нибудь ста душъ усадьба у него отдѣлана была, какъ игрушечка: что за домикъ, что за флигеля для прислуги, какіе дворы скотные, небольшія теплички, оранжерея, красивый дворъ мощеный, обсаженный подстриженными аллейками—рѣшительно картинка, садись, да рисуй! Скотоводство держалъ большое-съ, и поэтому земля была удобрена, пропахана, какъ пухъ; все это, знаете, при собственномъ глазѣ; рожь иные годы самъ-пятнадцать приходила, а это по нашимъ мѣстамъ не у всѣхъ бываетъ; выѣздъ у него, знаете, былъ, хоть и деревенскій, но щегольской; люди одѣты всегда чисто, опрятно; разъ пять въ годъ онъ непремѣнно ночью обѣжитъ по всѣмъ избамъ и осмотритъ, чтобы никто изъ людей не валялся на полушубкахъ, или на голомъ полу, и чтобы у всѣхъ были войлочные тюфяки—вотъ до какихъ

Digitized by Google

тонкостей доходилъ въ хозяйствѣ! Рѣдкостный, можно сказать, былъ помѣщикъ; это я говорю не потому, что онъ мнѣ родной братъ, а это скажетъ вамъ всякій, кто только зналъ его. Женился онъ по сердцу: взялъ дочку бывшаго губернскаго предводителя; состоянія за ней большаго не было; впрочемъ, братъ за состояніемъ и не гнался: какое дали, и за то спасибо. Года въ два онъ такъ поправилъ мужиковъ, что любо дорого, и часто мнѣ покойникъ, ходя этакъ со мной по усадьбѣ, говаривалъ:

«— Вотъ, братъ Иванъ, говоритъ, видишь, какъ я себя устроилъ. Кажется, все недурно, и какъ разсчитываю, по теперешнимъ моимъ средствамъ, такъ хоть семь человѣкъ дѣтей будетъ, всѣхъ смогу поднять и воспитать нехуже себя.

«Однако, видно, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; супруга его вышла... не знаю, какъ вамъ и сказать объ этой женщинѣ: осудить ее,—чтобы не взять грѣха на душу, да и похвалить, пожалуй, не за что. Была бы она дама и неглупая, а ужъ добрая, такъ очень добрая; но здраваго смысла у ней какъ-то мало было; о хозяйствѣ и не спрашивай: не понимала ли она, или не хотѣла ничѣмъ заняться, только даже обѣдать приказать не въ состояніи была; деревенскую жизнь терпѣть не могла; а рядиться, по гостямъ ѣздить, по городамъ бы жить, или этакъ года бы, напримѣръ, черезъ два, съѣздить въ Москву, въ Петербургъ, и прожить тамъ тысячъ десять—къ этому въ начальные годы замужества

Digitized by Google

была неимовѣрная страсть; только этимъ и бредила; ну, а братъ, какъ человѣкъ разсчетливый, понималъ такъ, что въ одномъ отношеніи онъ привыкъ уже къ сельской жизни; а другое и то, что какъ тамъ ни толкуютъ нѣкоторые господа хозяева, а въ городѣ все втрое или вчетверо выйдетъ противъ деревни; кромѣ того—усадьбу оставить, такъ и доходъ съ имѣнья будетъ не тотъ.

«— Въ городъ, душа моя, говорилъ онъ ей:— переѣхать не хитро; но ты вспомни, что состояніе наше не шереметьевское: какъ этакъ начнешь помахивать туда да сюда, такъ и концы съ концами не сведешь; придется занимать, а я въ жизнь мою, говоритъ, ни у кого копѣйкой не одолжался.

«Словомъ, не ѣхалъ-съ изъ деревни. Такъ слезы, обмороки, болѣзни—притворныя, или нѣтъ, ужъ не знаю.

«— Вы, говоритъ, заѣдаете мой вѣкъ, я не такъ воспитана, я, говоритъ, человѣческаго лица здѣсь не вижу...

«И такъ далѣе. Большія, слышу, стали выходить между ними изъ-за этого семейныя непріятности; такъ-что я, чтобы какъ-нибудь да посладить, началъ брату, издалека конечно, совѣтовать, чтобы онъ хоть должность, что ли, какую-нибудь себѣ испріискалъ и, какъ полагаю, даже успѣлъ бы его убѣдить въ этомъ, однако, на пятый ужъ почти годъ ихъ супружества, она родила сына, этого самого, котораго вы видѣли и котораго въ честь дѣда съ материнской стороны наименовали Дмитріемъ. Ну, думаю, слава Богу,

Digitized by Google

не поразсѣются ли хоть этимъ? И дѣйствительно: точно переродилась женщина; въ восторгѣ, что сдѣлалась матерью, сама захотѣла кормить младенца; всѣ ночи не спитъ съ нимъ; что чуть-чуть ребенокъ побольше разревется, въ городъ скачи за докторомъ. Я тогда еще не служилъ, жилъ въ деревнѣ, и мы часто видались. Ну, сначала, я вижу, брату пріятно было смотрѣть на эту ея материнскую нѣжность; а тутъ, какъ ребенокъ началъ подростать, такъ, пожалуй, намъ съ нимъ стало и не нравиться. Едва успѣла отъ груди отнять, какъ стала его пичкать конфектами; къ чему мальчишка ни потянется, всего давай; таращится на огонь, на свѣчку — никто не смѣй останавливать; онъ обожжетъ лапёнку, зареветъ, а она сама пуще его въ слезы; сцарапаетъ, напримѣръ, папенькину чашку — худа ли, хороша ли, все-таки рублей пять стоитъ, но онъ ее о полъ, ничего — очень мило. Съ няньками тоже возня, безпрестанно мѣняетъ; та не умѣла занять ребёнка, другая сердито на него смотритъ, третья собой нехороша. Мальчишка едва папу съ мамой выговариваетъ, давай гувернантку; ну, а это еще нынче легко: есть и няньки, и гувернантки недорогія; а въ то время трудно было и найти; а ужъ если нашелъ, такъ давай большую цѣну. Братъ однако ее и въ этомъ потѣшилъ, нанялъ ни много, ни мало за восемьсотъ рублей француженку—рябая этакая дѣвка, изъ себя нехорошая, но умная и, главное, хитрая; съ разу смекнула, въ чемъ дѣло, и давай вмѣстѣ съ маменькой ба-

Digitized by Google

ловать Митеньку; ну и безподобно, значитъ; «не гувернантка, а другъ дома» разсказывается всѣмъ; другу дома, стало быть, надобно платить вмѣсто восьмисотъ тысячу. Между тѣмъ мальчишка подростаетъ, собой дѣлается прехорошенькій и довольно острый на словахъ, но шалунъ и рѣзвый, какъ вы только можете себѣ представить. Восьмой годъ пошелъ, а за книгу лучше и не сажай, по французски болтаетъ бойко, а русскую грамоту читаетъ, какъ черезъ пень колоду валитъ, пишетъ каракулями, объ ариѳметикѣ и помину не было: врядъ ли и считать-то умѣлъ, но за то лакомиться, франтить—мастеръ! Цѣлое утро будетъ сидѣть и не пошевелится, только завей ему волосы. Братъ было пробовалъ сначала говорить, да гдѣ тутъ? Она прямо ему сказала: «если ты будешь—говоритъ—кричать на Митеньку, такъ я не перенесу этого и безвременно лягу въ могилу». И не лгала въ этомъ случаѣ: я самъ былъ свидѣтелемъ подобной сцены. Подавали водку, только этотъ мальчуганъ, всего еще ему было не болѣе четырехъ лѣтъ, подбѣжалъ, въ минуту налилъ съ краями ровно рюмку, да залпомъ всю и выпилъ. Братъ, это увидѣвши, взялъ его, такъ больше, для шутки, за ухо: «вотъ тебѣ—говоритъ—вотъ тебѣ, рано еще начинаешь», и такъ, знаете, легонько потянулъ его. Боже ты мой, какъ онъ рявкнетъ и побѣжалъ къ матери.

«— Что такое? что такое?

«Онъ реветъ, да кричитъ:

«— Ой, папаша, ой, папаша меня прибилъ.

Digitized by Google

«Унимаютъ, конфектъ обѣщаютъ, ничего не беретъ и, должно быть, отъ слезъ да отъ водки-то, поблѣднѣлъ этакъ, и дыханье у него захватило; и прошло, конечно, сейчасъ же, но надобно было видѣть, какая съ маменькою сдѣлалась истерика: глаза остолбенѣли, рыдаетъ, плачетъ, насъ обоихъ бранитъ; видимъ, что она сама невольна надъ своими чувствами. Изъ этой кроткой, можно сказать, женщины точно тигрицей какой сдѣлалась; и это, сударь, каждый разъ повторялось, какъ только что коснется до Митеньки».

Тутъ Иванъ Семеновичъ пріостановился немного.

— Изъ вашего разсказа, Иванъ Семенычъ, сказалъ я: — видно, что братъ вашъ или очень любилъ жену свою, или былъ нѣсколько слабохарактеренъ, что иногда вредно въ семейной жизни.

— Любилъ онъ, конечно, ее любилъ, отвѣчалъ онъ: — но не слѣпо; въ другихъ случаяхъ, какъ я вамъ и докладывалъ, не все дѣлалъ по ней, и что до характера его касается, такъ совершенно напротивъ — въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящій семьянинъ: твердый, настойчивый, любилъ порядокъ, съ молоду привыкъ, чтобы все дѣлалось по немъ, а тутъ ничего не могъ сдѣлать... Эхъ, милостивый государь, продолжалъ Иванъ Семеновичъ, покачавъ головою: — я могу вамъ при этомъ повторить слова того же покойнаго моего брата: «супружество — говаривалъ онъ —

Digitized by Google

есть корабль, который чтобъ провести благополучно между всѣми подводными камнями, кормчему нужна не только опытность, но и счастіе». Не знаю, конечно, успѣлъ ли бы онъ впослѣдствіи повести по своему, потому что Богъ вѣку долгаго не далъ.

— Померъ онъ?

— Да-съ, дѣйствовали ли на него эти душевныя непріятности, которыя онъ скрывалъ больше на сердцѣ, такъ-что изъ постороннихъ никто и не зналъ ничего, или ужъ время пришло — ударъ хватилъ; сидѣлъ за столомъ, упалъ, ни слова не сказалъ и умеръ. Этотъ проклятый параличъ какая-то у насъ общая помѣщичья болѣзнь; отъ лѣнивой жизни, что-ли, она происходитъ? ѣдятъ-то много, а другой еще и выпиваетъ; а моціону нѣтъ, кровь-то и накопляется. Докторъ у насъ, какъ къ нему прискачетъ посланный отъ кого нибудь изъ усадьбы: «батюшка, пожалуйте, баринъ или барыня тамъ очень заболѣли» — «знаю» — говоритъ— «кандрашка вѣрно хватила». Онъ удары, знаете, называетъ кандрашкой. Какъ кого ужъ этакъ стукнетъ, такъ нескоро опомнится.

— Что же, какъ вдова осталась? перебилъ я, желая перейти къ главному сюжету разсказа.

— Очень была огорчена, продолжалъ Иванъ Семеновичъ:

«— Одинъ, говоритъ, Митенька только привязываетъ меня къ землѣ; а если бы его не было, такъ и жить бы безъ моего друга не хотѣла.

Digitized by Google

«Меня покойникъ назначилъ попечителемъ до совершеннолѣтія малолѣтка. Выждалъ я первое время; но потомъ слышу, что француженка отъ Мити отходитъ, поссорилась съ маменькой. Въ чемъ это, думаю, у нихъ вышло? впрочемъ, та, отошедши, заѣзжаетъ ко мнѣ. Спрашиваю ее:

«— Что такое у васъ?

«— Помилуйте, говоритъ, Иванъ Семенычъ, я въ столькихъ домахъ жила, мнѣ вездѣ дѣтей поручали въ полное распоряженіе, и нигдѣ еще я не употребляла во зло этой довѣренности; но, вы сами знаете, какой же я была гувернанткой въ домѣ Настасьи Дмитріевны? Я скорѣе была рабой ея Митеньки, и видитъ Богъ, что силъ моихъ больше недоставало. Этотъ мальчикъ до того ужъ простеръ свою дерзость ко мнѣ, что надняхъ нарочно облилъ все мое новенькое платье деревяннымъ масломъ, и я просила Настасью Дмитріевну позволить мнѣ только поставить его въ уголъ; она и этого не хотѣла сдѣлать и мнѣ же насказала самыхъ обидныхъ колкостей.

«Я — только покачалъ головой. Что прикажете дѣлать съ подобной маменькой? Ѣду къ ней, и первое ея слово:

«— Замѣчаете ли вы, братецъ, какъ Митенька у меня ростетъ? Не правда ли, какой красавчикъ?

«И говоритъ это, знаете, при самомъ мальчикѣ, который тутъ стоитъ и которому, какъ замѣтно по лицу, очень пріятны эти слова, носёнокъ такъ вверхъ и деретъ.

Digitized by Google

«— Вижу, говорю, сестрица, и радуюсь, но вѣдь это что же? Ростъ Богъ даетъ всѣмъ, а теперь, по моему, главное надобно подумать о воспитаніи его. Гувернантка отъ васъ отошла, учителя тоже никакого нѣтъ, не пора ли его пристроить въ казенное заведеніе?

«— Ахъ, нѣтъ, говоритъ, братецъ, я теперь и думать объ этомъ не смѣю: вы не повѣрите, какъ онъ слабъ здоровьемъ; прежде я должна его здоровье еще поправить.

«Я усмѣхнулся: малый, какъ кровь съ молокомъ, здоровѣе меня.

«— Я, говорю, сестрица, не вижу, чтобы онъ былъ особенно слабъ, или нездоровъ; это пустяки, тебѣ такъ мерещится; и не знаю, извѣстно ли тебѣ, что покойный братъ его записалъ въ морской корпусъ, куда онъ, вѣроятно, скоро и будетъ принятъ, а потому я совѣтовалъ бы отправить его въ Петербургъ, хоть покуда приготовить немного..

«Вся поблѣднѣла отъ этихъ словъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, братецъ, я рѣшительно не хочу отдать его въ корпусъ, при его комплекціи; тамъ такая строгость!

«— Да что же такое, говорю, моя милая, комплекція и строгость! Тамъ воспитываются дѣти понѣжнѣй и получше нашихъ съ тобою.

«— Ни за что на свѣтѣ: долженъ будетъ поступить въ военную службу, куда нибудь зашлютъ, пошлютъ въ сраженіе, убьютъ; у меня

Digitized by Google

при одномъ воображеніи объ этомъ дѣлается лихорадка.

«— Эти еще сраженія, говорю, сударыня, далеко впереди, а теперь надобно хлопотать, чтобъ онъ не остался безграмотнымъ недорослемъ.

«— Братецъ, перебила она, позволь мнѣ тебя просить предоставить мнѣ самой думать о воспитаніи моего сына. Худо ли, хорошо ли, но я мать, и ты, какъ мужчина, не можешь понять материнскаго чувства. Я рѣшилась во всю мою жизнь не разставаться съ нимъ; въ этомъ мое единственное блаженство. Теперь я наняла для него гувернера.

«Меня это ужъ взорвало, знаете.

«— Желаю, говорю, тебѣ, сударыня, наслаждаться этимъ блаженствомъ. Съ твоими гувернерами, смотри только, не выняньчай себѣ нашею болвана.

«— Равнымъ образомъ, братецъ, болванами могутъ быть и ваши дѣти, говоритъ она на оборотъ, чтобы уколоть тоже меня.

«Уѣзжаю я. Гувернеръ, говорятъ, пріѣхалъ, французъ какой-то. У насъ въ городѣ пробылъ двое сутокъ и все это время въ нашемъ дрянномъ трактиришкѣ съ двумя выгнанными приказными пилъ и игралъ на бильярдѣ; и тѣ его на прощаньѣ отдули кіями, потому что онъ проигрался, напилъ, наѣлъ, а расплатиться нечѣмъ. Славный, вижу, малый, но такъ какъ невѣстушка на меня изволитъ сердиться: ни сама не ѣздитъ, ни пишетъ, ни людямъ не велитъ заходить, стало

Digitized by Google

быть, я ничего не могъ сдѣлать. Однако, черезъ годъ, или меньше, послѣ этого времени, вдругъ она пріѣзжаетъ ко мнѣ и съ Митенькой, которому, замѣтьте, уже лѣтъ четырнадцать стукнуло. Очень радъ, конечно.

«— Я, говоритъ, братецъ, Митеньку въ гимназію везу.

«— Доброе, говорю, дѣло; нынче въ гимназіяхъ очень хорошо учатъ. А что же, прибавляю, гувернеръ твой?

«— Ахъ, говоритъ, братецъ, не говорите мнѣ про этого человѣка. Это чудовище какое-то! Какъ я за нимъ въ началѣ ни ухаживала — лелѣяла его, можно сказать; онъ ничего этого не оцѣнилъ. Вообрази, мой дружокъ, онъ Митю, который именно какъ младенецъ еще невиненъ, началъ по ночамъ возить съ собой на мужицкія посѣдки. Я какъ узнала, такъ и обмерла; и какъ, надобно сказать, ребенокъ кротокъ и благороденъ: — онъ никакъ мнѣ про своего учителя не хотѣлъ открыть этого.

«Я разсмѣялся.

«— Славный, говорю, наставникъ.

«— Ужасный, говоритъ, братецъ, человѣкъ! но это еще не все; ты посмѣйся, онъ даже мнѣ вздумалъ дѣлать куры.

«— Вотъ видишь ли, говорю, сестрица: ты тогда на меня сердилась, а, значитъ, я говорилъ правду. Хорошіе гувернеры дороги, да къ тебѣ въ деревню и не поѣдутъ; а шарлатаны эти добру не научатъ.

Digitized by Google

«— Вижу, говоритъ, голубчикъ мой, все теперь вижу и потому рѣшилась отдать Митю въ гимназію, пускай тутъ учится; наймемъ квартиру, и сама съ нимъ буду жить.

«— Зачѣмъ же сама-то жить! Это ужъ, говорю, по моему и лишнее бы.

«— Отчего же, говоритъ, дружокъ мой, лишнее? Чей же, говоритъ, надзоръ можетъ быть лучше, какъ не самой матери?

«— Это такъ, говорю, только не твой, моя милая сестрица; я знаю напередъ: Митенька, напримѣръ, залѣнится въ классъ идти; а ты, вмѣсто того, чтобы принудить его, еще сама его оставишь, будешь ко всѣмъ учителямъ ѣздить, да кланяться; а онъ на это станетъ надѣяться, а потому учиться-то не будетъ и станётъ шалить.

«— Что это, братецъ, ты всегда былъ для меня какимъ-то злымъ пророкомъ; Богъ съ тобой! Я этого перемѣнить не могу, такъ ужъ рѣшилась!

«— Ваше дѣло, говорю, какъ знаете, такъ и дѣлайте.

«Отправились. Живутъ тамъ. Мой старшій сынъ Петруша, ровесникъ Дмитрію-то, тоже тогда въ гимназіи учился. Спрашиваю его, когда этакъ на каникулы пріѣзжаетъ:

«— Каково племянничекъ подвизается?

«— Да что, говоритъ, папенька, все въ третьемъ еще только классѣ: два года не перешелъ.

«— Что же, говорю, способностей, что ли, у него нѣтъ, или лѣнится?

Digitized by Google

«— Нѣтъ, какое, говоритъ, способностей нѣтъ, ничего не занимается, потому что некогда: все по маскарадамъ, да по баламъ маменька возитъ, танцуетъ какъ большой; одна шуба, говоритъ, у него, папенька, лучшая по всей гимназіи—хорьковая, съ бобровымъ воротникомъ, у директора этакой нѣтъ, на вицъ-мундирѣ сукно меньше какъ въ двадцать рублей не носитъ, а штатскаго-то платья сколько! Все въ сюртукахъ да во фракахъ щеголяетъ. Лошадь у него отличная, чухонскія сани съ полостью, и, когда въ гимназію ѣдетъ, всегда самъ правитъ.

«Вотъ тебѣ и собственный надзоръ маменькинъ, думаю; хорошъ! Ну, однако, съ теченіемъ времени, Петруша мой кончаетъ своимъ порядкомъ курсъ и поступаетъ въ Демидовское и пишетъ мнѣ между прочимъ, что Дмитрій Никитичъ тоже не хочетъ учиться въ гимназіи и поступаетъ въ Демидовское изъ четвертаго класса; самолюбіе, знаете, разыгралось! Не хочется отъ сверстниковъ отстать; только дурно, что прямо не принимаютъ, надо напередъ приготовиться. Нанимаетъ ему маменька самаго лучшаго профессора за тысячу. Ради этихъ расходовъ большая часть имѣнія закладывается. Годъ проходитъ, тысяча заплачена; но наступаетъ экзаменъ, и малый нашъ хоть бы въ одномъ предметѣ выдержалъ. Демидовское, значитъ, негодится; переѣзжаютъ въ Москву въ университетъ поступать; ждемъ, не будетъ ли тамъ толку, но и тамъ не понравилось. Получаю я отъ нея преотчаянное

Digitized by Google

письмо: пишетъ, что Митенька учиться больше не желаетъ, потому что ходилъ въ университетъ вольнымъ слушателемъ и что все ужъ узналъ, чему тамъ учатъ, а что теперь намѣренъ поступить въ военную службу, въ гусары. «Представьте, братецъ, мое ужасное положеніе»—прибавляетъ она—«чего всегда прежде опасалась, то должно исполниться; только и надежды на Бога да на васъ. Не напишете ли вы Митенькѣ письмо, не отсовѣтуете ли вы ему идти въ военную службу, а поступить въ депутатское собраніе?»

«Подумалъ я, поразсудилъ, потолковалъ съ женою. «Что же, думаемъ, отсовѣтывать, для чего и для какой цѣли»! и отвѣтилъ ей такимъ образомъ, что, по желанію твоему, милая сестрица, я не пишу Дмитрію, ибо это совершенно безполезно. Онъ отъ самаго своего рожденія никого и ни въ чемъ еще не послушался; а за намѣреніе его идти въ военную службу надобно благодарить Бога, потому что тамъ его, по крайней мѣрѣ, повымуштруютъ и порастрясутъ ему матушкины ватрушки; но полагалъ бы только съ своей стороны лучшимъ — поступить ему въ пѣхоту, такъ-какъ въ кавалеріи служба дорога; записывать же его въ депутатское собраніе — значитъ продолжать баловство и давать ему возможность бить баклуши. Думалъ, что за это письмо она, по обыкновенію, разсердится; однако нѣтъ. Нежданно, негаданно прикатила сама изъ Москвы, заѣзжаетъ ко мнѣ и говоритъ, что, возложивши упованіе на Господа Бога, она рѣшилась

Digitized by Google

отпустить Митю въ службу и потому ѣдетъ съ нимъ въ Малороссію, гдѣ и думаетъ пожить, а «такъ какъ», говоритъ, «имѣніе остается безъ всякаго надзора, то умоляю тебя, другъ мой, принять его въ свое распоряженіе». Я только развелъ руками.

«— Безразсудная, говорю, ты женщина, сестрица! Зачѣмъ же ты сама-то ѣдешь за этакую даль, въ твои лѣта? И какъ ты будешь жить съ сыномъ-юнкеромъ, и гдѣ, по деревнямъ, что ли, съ нимъ, или въ казармахъ? Знаешь ли ты, какого рода эта жизнь?

«Заткнула уши и слушать не хочетъ. Просидѣла, какъ на иголкахъ, одинъ вечеръ и куда-то скрылась. Больше ужъ и не видалъ; а сказывали, что цѣлымъ обозомъ уѣхала куда-то за Москву. Имѣнье однакожъ принялъ, и потомъ, видѣвши большія во всемъ запущенія, только, знаете, хотѣлъ было немного поустроить, не тутъ-то было: черезъ мѣсяцъ какой нибудь получаю отъ нихъ письмо, умоляютъ, чтобы прислалъ тысячу рублей серебромъ. Что угодно, пишутъ, могу изъ имѣнья продать, только, Бога ради, не остановить, потому что безъ этого Митеньку въ полкъ не принимаютъ. Дѣлать нечего; взялъ и продалъ лучшую отходную ихъ пустошь, выслалъ имъ тысячу рублей. Думаю, по крайней мѣрѣ теперь поугомонятся. Ничего не бывало; какъ начали, сударь мой, почти чрезъ каждую почту жарить меня: «Безцѣнный братецъ, многоуважаемый дядюшка, вышлите денегъ, соберите оброки, или

Digitized by Google

займите гдѣ нибудь». Только въ томъ и письма состоятъ. Выслалъ еще раза два; терпѣніе наконецъ лопнуло, написалъ имъ предерзкое письмо. «Вѣроятно вы»—пишу имъ—«не умѣете считать, что ожидаете оброковъ, когда они получены мною уже за цѣлый годъ впередъ; а если вы, мои милые, думаете, что въ вашей усадьбѣ, или въ какой нибудь изъ деревень вашихъ открыты золотые рудники, такъ вы ошибаетесь. Нѣтъ у меня про васъ больше денегъ.» Осердились. Получаю на это отвѣтъ отъ одного ужъ племянника, очень вѣжливый, но холодный. Извиняется, что обезпокоили меня управленіемъ имѣнія, и потому его нынѣ поручаютъ своему старостѣ. Это значитъ, я не гожусь—въ отставку; но для меня, пожалуй, это и лучше: кума съ возу, куму легче. Прошло такимъ дѣломъ года четыре—ни слуху, ни духу отъ моей родненьки; только одинъ разъ прогуливаюсь я по нашему базару, вдругъ, вижу, идетъ мнѣ на встрѣчу ихъ ключница, Марья Алексѣевна, въ своей, по обыкновенію, заячьей китайской шубкѣ, маленькой косынкой повязанная, любимая, знаете, изъ всѣхъ людей покойнымъ братомъ, женщина, и въ самомъ дѣлѣ, этакая преданная всему ихъ семейству, скопидомка большая въ хозяйствѣ, неглупая и очень непрочь поговорить и посудить о господахъ, съ кѣмъ знаетъ, что можно.

«— Марья Алексѣевна, говорю, мое вамъ почтенье.

Digitized by Google

«— Она подошла ко мнѣ и, какъ водится, поцаловала меня въ плечо.

«— Зачѣмъ и про что изволили пожаловать къ намъ въ городъ?

«— Запасовъ, сударь, говоритъ, кой какихъ пріѣхала закупить: чаю, кофею, сахару для дому.

«— Да что, сама, что ли, вздумала чайничать да кофейничать?

«— Никакъ нѣтъ, сударь, для госпожи, говоритъ.

«— Какъ для госпожи? Барыня развѣ здѣсь?

«— Какъ же, сударь, говоритъ, мѣсяца полтора, какъ прибыли.

«— Хорошо, говорю, а мнѣ и вѣсточки не дадите.

«— Не можемъ, сударь, этого ничего знать, говоритъ, воля господская.

«— На долго ли же, говорю, пріѣхала сестра?

«— Да надо полагать, что на житье изволили прибыть.

«— Что же за причина этому, и какъ она съ своимъ Митенькой рѣшилась разстаться?

«Марья Алексѣевна только покачала головой.

«— На это, говоритъ, было больше желаніе Дмитрія Никитича, такъ какъ они поступили уже въ офицерскій чинъ, стали маменьку просить, чтобъ чѣмъ жить тамъ при нихъ и проживаться, лучше ѣхать въ деревню и скопить что-нибудь для нихъ, но барыня и послѣ этихъ словъ еще, по своей привязанности, долго не рѣшались; а потомъ ужъ, видѣвши, что отъ нихъ ста-

Digitized by Google

ло большое настояніе, сдѣлать не поихнему не хотѣли, поѣхали-съ. Не съ теперешнихъ, батюшка Иванъ Семенычъ, поръ, прибавляетъ она:—всякое слово Дмитрія Никитича законъ для Настасьи Дмитревны было, сами изволите знать.

«— Какъ не знать, говорю, только въ этотъ разъ, пожалуй, она и хорошо сдѣлала, что послушалась. Тамъ, я думаю, въ этой кочевой жизни не мало намаялись.

«— Не безъ того, сударь; много было слуховъ, и до васъ, можетъ, доходили. Когда густо, а когда и пусто. Полковые — господа молодые! При деньгахъ, такъ запотроевъ много, а нѣтъ, такъ денекъ другой въ кухнѣ и огня не разводятъ: готовить нечего; сами куда нибудь въ гости уѣдутъ, а старушка дома сидитъ и терпитъ; но, какъ я, по моему глупому разуму, думаю, такъ онѣ и этимъ бы не потяготились, тѣмъ, что теперь, какъ все это на нашихъ глазахъ, такъ онѣ въ разлукѣ съ нимъ больше убиваются. Если которая почта отъ Дмитрія Никитича писемъ нѣтъ такъ мы, ей Богу, не знаемъ, что и дѣлать: такъ плачутъ, такъ плачутъ, что, что, Господи, откуда у нихъ только эти слезы берутся. Разстраиваютъ свое здоровье ни на что не похоже.

«Жалко мнѣ стало мою невѣстушку, слушая эти разсказы.

«— Не хорошо, говорю, очень не хорошо.... Да что она на меня все сердится, что-ли?

«— Ахъ, нѣтъ, сударь, говоритъ, какъ изво-

Digitized by Google

лите вы знать ея ангельскую доброту, на кого онѣ могутъ сердиться? Скорѣе, осмѣлюсь вамъ доложить, онѣ полагаютъ, что вы на нихъ гнѣваетесь.

«— Ну, такъ вотъ что, говорю, Марья Алексѣевна, когда ты пріѣдешь домой, кланяйся ей отъ меня и скажи, что я завтра пріѣду.

«— Ахъ, батюшка, Иванъ Семенычъ, сдѣлайте такую Божескую милость; ужъ я и не знаю, какъ онѣ вамъ рады будутъ. Утѣшьте вы ихъ, поразсѣйте хоть немного; ну что съ нами однѣми какія разговоры? Все одна да одна, голубушка моя, не глядѣла бы на нее.

«Поѣхалъ я на другой день. Еще когда подъѣзжалъ къ усадьбѣ, у меня замерло сердце: представьте себѣ, послѣ этакого устройства, какое было при братѣ, вижу я, что флигеля развалились, садъ заглохъ, аллейка эта срублена, сломана, а съ дома тесъ даже ободранъ, которымъ былъ обшитъ; внутри не лучше: въ залѣ щекатурка обвалилась, полъ качается; сама хозяйка помѣстилась въ одной маленькой комнатѣ, потому что во всѣхъ прочихъ холодъ страшный. Мнѣ обрадовалась, бросилась на шею, прослезилась.

«— Такъ-то, говорю, сестрица, вотъ и вы возвратились; я пріѣхалъ провѣдать васъ.

«— Благодарю, дружокъ мой; благодарю, благодѣтель мой, что вы меня вспомнили, или, нѣтъ, погодите... не хочу съ вами ни говорить, ни слушать васъ, а напередъ покажу вамъ письмо Митеньки, которое вчера только получила.

Digitized by Google

«И такъ, знаете, проворно соскочила съ дивана къ комоду, отпираетъ, у самой руки дрожатъ, подала наконецъ.

«— Каково, братецъ, краснорѣчіе, слогъ-то какой! умница онъ у меня.

«— Очень, говорю, хорошо.

«А чего очень хорошо, ничего особеннаго нѣтъ, обыкновенное письмо молодаго человѣка: описываетъ разные пустяки; почеркъ больше этакой ученическій; слогу гладкаго тоже нѣтъ.

«— По письму еще вы, братецъ, не можете судить, продолжала она:—а если бы вы его самого видѣли! Этакой восхитительной наружности мужчину вообразить трудно; что за ловкость, что за обращеніе! Принятъ въ самыхъ лучшихъ домахъ; любимъ всѣми, уважаемъ. Дмитрія нѣтъ, танцы не составляются, потому что барышни съ другими кавалерами танцовать не хотятъ. Онъ пріѣхалъ, ожило: старичковъ въ карты усадитъ; молодежь у него сейчасъ затанцуетъ. И я вотъ нѣсколько потомъ разъ замѣчала: все, что есть въ обществѣ солиднаго, умнаго, все это за Дмитріемъ ходитъ по слѣдамъ и ловитъ его каждое слово.

«Слушаю ее и внутренно усмѣхаюсь.

«— Это, говорю, сестрица, хорошо; только какъ служба-то у него—исправно-ли идетъ!

«— Ахъ, братецъ, говоритъ, про службу вы ужъ мнѣ лучше и не говорите. Я боюсь одного, что онъ на этой службѣ все здоровье растеряетъ. Что жъ, говоритъ, конечно цѣнятъ, очень цѣ-

Digitized by Google

нятъ. Генералъ пріѣзжаетъ ко мнѣ предъ самымъ отъѣздомъ сюда. «Настасья Дмитріевна, говоритъ, чѣмъ мы васъ можемъ благодарить, что сынъ вашъ служитъ у насъ въ дивизіи! Это примѣрный офицеръ; какъ только у меня выбудетъ старшій адъютантъ, я сейчасъ его беру къ себѣ, и это будетъ во всей арміи первый адъютантъ.»

«—Слава Богу, если такъ все хорошо идетъ, говорю.

«А самъ почти навѣрное знаю, что на дѣлѣ совершенно не то, и, признаюсь, невольно задумался, до чего можетъ доводить слѣпая материнская любовь. Вовсемъ другомъ, напримѣръ, женщина всегда была довольно правдивая, а тутъ явно лжетъ, выдумываетъ, чтобъ какъ нибудь своего Митеньку пораскрасить. Обѣдать сѣли мы втроемъ: попадья у нея была еще тутъ въ гостяхъ. Гляжу: мнѣ положена ложка серебряная, а у нихъ у обѣихъ деревянныя. «Что такое, думаю, неужели трехъ серебряныхъ ложекъ недостало?» Спросить было совѣстно, промолчалъ. Однако, послѣ обѣда, вышедши прогуляться, вижу, что Марья идетъ изъ погреба.

«— Что это, мать моя, говорю ей:—у васъ деревянныя ложки ужъ стали къ столу подавать?

«— Что, сударь, Иванъ Семенычъ, говоритъ, намъ дѣлать, былъ-было у насъ при Никитѣ Семенычѣ домикъ, какъ полная чаша, а теперь вотъ барынина ложечка, что вы изволили ку-

Digitized by Google

шать, да двѣ чайныхъ, больше и не спрашивайте, только и есть серебра.

«— Куда жъ оно дѣвалось? У брата было пропасть серебра.

«— Пуда три было, если не больше; все туда въ полкъ увезено. И кто говоритъ, что въ употребленіи, а другіе сказываютъ, что продано, или тамъ заложено.

«— Славно! говорю, и усальбу-то довели хорошо, нечего сказать. Каналья этотъ староста, кабы воля моя была, я бы съ нимъ раздѣлался.

«— Нѣтъ, говоритъ, Иванъ Семеновичъ, тамъ какъ вамъ угодно, вся воля ваша есть, а только на старосту изволите приходить напрасно, на все были приказы отъ самого Дмитрія Никитича, только и пишутъ: ничего не жалѣй, да денегъ мнѣ вышли. Ранжереи проданы, по ихъ письму, мельница тоже-съ, съ дому тесъ — и тотъ, по ихъ приказанію, сколоченъ и проданъ.

«Взорвало меня, знаете.

«— Такъ что, говорю, твоя старая-то дура, барыня, сидитъ, да думаетъ и позволяетъ этому оболтусу все зорить и губить? Доживетъ, что на старости лѣтъ ѣсть будетъ нечего: съ голоду помретъ.

«— Сами, сударь, видимъ, говоритъ, что не умно дѣлаютъ, даромъ что госпожи. Вотъ хоть бы и по нашей братьѣ посудить, что ужъ мы, темные люди; у меня у самой дѣтки есть; жалостливо, кто говоритъ, да все ужъ не на эту стать: иной разъ потѣшишь, а другой разъ и

Digitized by Google

остановишь, какъ видишь, что неладно. А у нашей Настасьи Дмитріевны этого не жди: дѣлайся все по командѣ Дмитрія Никитича, а будто спасибо да почтенье большое?

«— А что-же, говорю.

« — Небольшое, сударь; больше бы имъ надобно маменьку свою жалѣть. Старушка пріѣхала сюда въ этакой морозъ въ одномъ старомъ салопишкѣ, на ножкахъ ботиночекъ не было, а валеныя сапоги, какъ у мужичка; платье, что видите на ней, только и есть, къ себѣ ужъ и не зовите лучше въ гости: не въ чемъ пріѣхать. Не дорогаго бы стоило искупить всѣ эти вещи, да видно и на-то не хватило: на дѣло такъ нѣтъ у насъ, а на пустяки тысячи кидаютъ.

«—Грустно, говорю, Марья, грустно мнѣ слушать это.

«— Ахъ, сударь, Иванъ Семенычъ, развѣ легко намъ это разсказывать. Посмотрѣли бы вы, какъ вся дворня, отъ мала до большаго, всѣ мужички горькими обливаются слезами, вспоминая стараго барина, хотя, конечно, грѣхъ сказать и про Дмитрія Никитича, чтобы они этакіе были строгіе, или ужъ чрезъ мѣру взыскательные.

«— Что же, говорю, простъ, что ли, онъ, или, между нами сказать, глупъ?

«— Какое, сударь, глупы; полите-ка, какой говорунъ, на словахъ города берутъ, а на дѣлѣ, пожалуй, и ваше слово—слабъ разсудкомъ. Покойникъ вашъ братецъ, изволите, я думаю помнить, не любилъ много говорить, да много дѣ-

Digitized by Google

лалъ; а они совсѣмъ другое дѣло; а до денегъ, осмѣлюсь вамъ доложить, такой охотникъ, что, кажется, у нихъ только и помысловъ, что какъ бы ни быть, да денегъ добыть. Теперь собираются жениться, и сказываютъ, что часто такъ хвастаютъ: «женюсь, говоритъ, непремѣнно на красавицѣ и на богачкѣ».

« — Какже, говорю, много про него припасено!

«И не сталъ больше распрашивать: хорошаго, видно, не услышишь. Ночевавши ночь, сбираюсь домой, только вижу, что моя Настасья Дмитріевна какъ-то переминается и наконецъ говоритъ:

«— Братецъ, говоритъ, не можете ли вы мнѣ одолжить въ займы полтораста рублей? Мнѣ теперь крайняя нужда; а я, говоритъ, какъ только соберу оброки, сейчасъ вамъ выплачу.

«— Слушай, говорю, сестра, ты знаешь, у меня денегъ у самого немного, но такъ какъ я вижу, что ты дѣйствительно въ крайности, то я тебѣ дамъ полтораста рублей съ однимъ условіемъ, чтобы ты изъ нихъ гроша не посылала Дмитрію а издержала все на себя. Посмотри, до чего ты себя довела, и на что похоже ты живешь: у тебя, какъ говорится, ни ложки, ни плошки нѣтъ; въ домѣ того и гляди, что убьетъ тебя щекатурка; сама ты въ рубищѣ ходишь.

«Зарыдала.

«—Изволь, говорю, взять у меня денегъ и непремѣнно устрой себя и около себя.

Digitized by Google

«— Непремѣнно, говоритъ, дружокъ мой, устрою. Мнѣ самой тяжело становится такъ жить.

«Далъ ей полтораста цѣлковыхъ и, поѣхавши домой, раздумался. «Не утерпитъ, думаю, она, — подѣлится съ Митенькой». Съ этими мыслями и завернулъ къ почтмейстеру. «Сдѣлайте, говорю, милость, если будетъ моя невѣстка посылать къ сыну денегъ, увѣдомьте меня»; и я не ошибся въ своемъ предположеніи. Въ первую же почту тотъ даетъ мнѣ знать, что отправлено сто-сорокъ серебромъ. Для себя только десять цѣлковыхъ оставила. Такъ это меня взорвало. Сейчасъ же поѣхалъ къ ней. Она—знаетъ ужъ кошка, чье мясо съѣла: какъ увидѣла меня, такъ и поблѣднѣла.

«— Братецъ, голубчикъ мой, говоритъ, я передъ тобой виновата, но что же дѣлать? Онъ въ такой теперь нуждѣ, что невозможно его не поддержать. Я здѣсь перебьюсь какъ нибудь, много ли мнѣ надо?

«— Слушай, говорю, Настасья Дмитріевна; я оборвалъ себя и отдалъ тебѣ свои послѣднія деньги на твою нужду. Ты меня обмануда и съ этихъ поръ ты о гривенникѣ [illegible]имы не заикайся мнѣ; живи, какъ хочешь и на что хочешь; у меня про твоего вѣтрого[illegible]а Дмитрія Никитича банкъ не открытъ: бездонную к[illegible]ку не нальешь!»

На этомъ мѣстѣ Иванъ Семеновичъ опять пріостановился.

— Фу, усталъ даже, проговорилъ онъ: — не слишкомъ ли я подробно разсказываю? Не скучно ли вамъ слушать?

Digitized by Google

— Напротивъ, сказалъ я:—я только жду, когда явится опять вашъ племянникъ на сцену.

— Очень скоро, сейчасъ же, отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ и, помолчавъ немного, продолжалъ:

«Года чрезъ полтора, знаете, этакъ пріѣхалъ я изъ округа, усталъ; порастрясло, конечно; вдругъ докладываютъ, что какой-то офицеръ ко мнѣ пріѣхалъ. Я было сначала велѣлъ извиниться и сказать, что не такъ здоровъ и потому принять не могу, однако онъ съ моимъ посланнымъ обратно мнѣ приказываетъ, что онъ мнѣ родственникъ и весьма желаетъ меня видѣть. Дѣлать нечего, принимаю. Входитъ молодой офицерикъ, стройный, высокій, собой хорошенькій, мундиръ съ иголочки, сапоги лакированные, въ лайковыхъ перчаткахъ, надушенъ, напомаженъ.

«— Вы, говоритъ, дядюшка, вѣроятно, не узнали меня?

»— Да говорю, извините меня; припоминаю немного, но боюсь ошибиться.

«— Я, говоритъ, такой-то Дмитрій Шамаевъ.

«— Ахъ, Боже мой, Митенька! невольно, знаете, вскрикнулъ и потомъ, поодумавшись, говорю: — извините, говорю, милый племянничекъ, что такъ васъ по прежнему назвалъ.

«— Помилуйте, дядюшка, говоритъ, напротивъ, мнѣ это очень пріятно; это показываетъ, что вы не утратили еще ко мнѣ вашего родственнаго расположенія, которымъ я всегда такъ дорожилъ и цѣнилъ.

«— Очень говорю, вамъ благодаренъ, что вы

Digitized by Google

такъ меня разумѣете. На долго ли, говорю, пріѣхали побывать въ наши мѣста?

«— На двадцать восемь дней, говоритъ, дядюшка.

«— Что же такъ мало? Матушка, я думаю, глаза проглядѣла, васъ ожидая, а теперь въ этакое короткое время и наглядѣться на васъ не успѣетъ.

«— Чтожъ дѣлать! говоритъ, дядюшка, долго ли, коротко ли, все разстаться придется. Повидаюсь съ ними, поустрою хоть нѣсколько имѣніе.

«— Да-съ, говорю, милый Дмитрій Никитичъ, и это не мѣшаетъ: имѣнье ваше будетъ скоро никуда негодно, такъ вы его раззорили.

«Онъ вздохнулъ, знаете, пожалъ плечами и говоритъ:

«— Чтожъ, дядюшка, говоритъ, дѣлать! Теперь я самъ сознаю мои ошибки, но кто же въ молодости не имѣлъ ихъ? Отъ маменьки въ этомъ отношеніи я не имѣлъ никакихъ наставленій, напротивъ, еще онѣ ободряли всѣ мои глупости; но, поживши и испытавши на опытѣ, иначе начинаю смотрѣть на вещи.

«— Тутъ входитъ моя жена.

«— Ну-те-ка, говорю, молодой человѣкъ, узнаете ли, кто это такая дама?

«— Какже, говоритъ, не узнать добрую, милую тетушку, которая всегда мнѣ такія красивыя конфекты дарила!

«Жена его тоже сейчасъ узнала, привѣтство-

Digitized by Google

вала и стали они перекидываться между собою словами: супруга моя, напримѣръ, удивляется, какъ онъ ее узналъ, потому что она, вотъ видите, очень постарѣла, а онъ, наоборотъ: даетъ такой тонъ, что, если ему и трудно было узнать ее, такъ это потому, собственно, что она похорошѣла... Говорятъ они такимъ манеромъ, а я между тѣмъ присматриваюсь къ моему племянничку и думаю самъ съ собою: «что же, ужъ очень я нападалъ на него и представлялъ его себѣ совсѣмъ пустымъ человѣкомъ. Малый хоть куда: говоритъ умненько, складненько». Далѣе, потомъ-съ, послѣ обѣда сошлись, по обыкновенію, въ моемъ кабинетѣ. Я сѣлъ въ кресло вздремнуть немного, вдругъ сквозь сонъ этакъ слышу, что гость мой ходитъ по комнатѣ и что-то съ жаромъ говоритъ; открываю я глаза, прислушиваюсь: разсказываетъ онъ, что будто бы тамъ, гдѣ они стоятъ, живутъ все богатые помѣщики и живутъ отлично, и что будто бы тамъ жениться на богатой невѣстѣ такъ же легко, какъ выпить стаканъ воды. Эти слова его, знаете, и напомнили мнѣ, что говорила о немъ Марья.

«— Не знаю, говорю, милый мой Дмитрій Никитичъ, какъ нынче, а прежде я тамъ тоже бывалъ, живутъ такъ же, какъ и мы грѣшные: есть богатые, есть и бѣдные; и богатыя невѣсты, слышно, выходятъ больше или за богатыхъ, или за чиновныхъ, а на вашу братью — небогатыхъ субалтерь-офицеровъ не очень что-то смотрятъ.

«— Ну, нѣтъ-съ; нынче тамъ не такъ-съ, воз-

Digitized by Google

ражаетъ онъ мнѣ. — Нынче, если вы понравились дѣвушкѣ, то она, будь у ней хоть милліонъ, полюбя васъ, выйдетъ за васъ замужъ.

«— Можетъ быть-съ, говорю, только вотъ прежде надобно понравиться чѣмъ-нибудь.

«Онъ прошелся этакъ по комнатѣ, усмѣхнулся.

«— Уважаю васъ, дядюшка, говоритъ, какъ почтеннаго дядю, спорить съ вами я не смѣю, тѣмъ болѣе, что про себя лично въ этомъ случаѣ мнѣ разсказывать довольно щекотливо, и замѣчу одно, что тамошнія женщины всѣ прекрасно образованы, очень богаты и потому избалованы. Встрѣчая молодаго человѣка, если онъ имъ нравится, онѣ знать не хотятъ, богаты ли вы, бѣдны, чиновны, или нѣтъ?

«— Ну, вотъ видите, говорю я, вы разсказываете намъ точно про какую нибудь новооткрытую Америку; все тамъ не по нашему дѣлается.

«— Вамъ, я вижу, дядюшка, это кажется смѣшно и неправдоподобно, но я могу доказать примѣрами: въ прошломъ году у насъ женился майоръ и взялъ сто тысячъ чистагану — это ужъ фактъ!

«— Такъ майоръ же, говорю, а не прапорщикъ.

«— Позвольте-съ, перебиваетъ онъ меня: — если вамъ угодно успѣхъ этотъ отнести къ чину майора, такъ вотъ вамъ другіе два примѣра: предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, одинъ нашъ прапорщикъ и одинъ даже юнкеръ, оба бѣдняки, женились и получили въ приданое: первый не-

Digitized by Google

большое состояньице съ десятью тысячами серебромъ годоваго дохода, а второй хватилъ полмилліона. Конечно, они оба хорошаго очень рода, молодцы, щегольски говорятъ по французски, но и только; кромѣ этого, въ нихъ ничего особеннаго нѣтъ: прапорщикъ даже очень не далекъ; а умѣли понравиться дѣвушкамъ.

«— Дай Богъ, конечно, говорю, этакого счастья всякому, но только вотъ видите ли, Дмитрій Никитичъ, что я въ жизнь мою наблюдалъ: васъ охотниковъ жениться на богатыхъ невѣстахъ смѣло можно считать тысячами, а богатыхъ невѣстъ десятками, такъ на всѣхъ, пожалуй, и не достанетъ.

«— Зачѣмъ же на всѣхъ? на счастливцевъ выпадаетъ! Но... если удается нѣкоторымъ, то почему не искать и каждому? Возьмите вы молодаго человѣка въ моемъ положеніи, и скажите мнѣ откровенно, чѣмъ другимъ я могу поправить мою карьеру; а поправить ее мнѣ очень нужно: я очень небогатъ, но, и по моему воспитанію, и по тому кругу, въ которомъ я жилъ, по всему этому я привыкъ жить порядочно.

«— Какая вамъ, говорю, еще надобна карьера? Служите усерднѣе, вы красивы изъ себя, молоды, здоровы, человѣкъ, какъ понимаете себя, образованный, выслужитесь: карьера сама собою придетъ со временемъ.

«— А денежныя средства? возражаетъ онъ мнѣ.

— Что же, возражаю я ему въ свою очередь,

Digitized by Google

денежныя средства? По моему, ваши денежныя средства вовсе не дурны: жалованья вы получаете около трехъ сотъ рублей серебромъ, имѣнье... хоть вы и разстроили его, но поустройте немного и одной оброчной суммы будете получать около шести сотъ серебромъ; изъ этихъ денегъ я бы на вашемъ мѣстѣ триста рублей оставилъ матери: вамъ грѣхъ и стыдно допускать жить ее въ такой нуждѣ, какъ жила она эти два года. Извините, я говорю прямо.

«— Все это, дяденька, я очень хорошо самъ знаю, но въ такомъ случаѣ, говоритъ, я не могу служить.

«— Отчего же не можете? У васъ будетъ шесть сотъ рублей годоваго дохода: на эти деньги очень, кажется, можно жить молодому офицеру.

«Онъ вдругъ засмѣялся.

«— Шесть сотъ рублей, говоритъ для кавалерійскаго офицера! Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, видно, вы совершенно не знаете службы.

«— А когда, говорю, мало вамъ въ кавалеріи, переходите въ пѣхоту, служба вездѣ все равна.

«— Если бы я.... отвѣчаетъ онъ мнѣ на это:— такъ и въ такомъ случаѣ мнѣ нечѣмъ будетъ жить.

«— Да что же такое? вспылилъ ужъ, знаете, я; все вамъ мало, да мало, а спросили бы вы: какъ служилъ вашъ отецъ и я? Жалованья мы получали вдвое меньше вашего, изъ дома ни копѣйки, кромѣ развѣ матушка тихонько отъ

Digitized by Google

отца пришлетъ бѣлья, а мы однако прослужили: я двѣнадцать лѣтъ, а братъ пятнадцать.

«— Если такъ разсуждать, такъ вы, конечно, говоритъ, дядюшка, правы, но вы забыли, что нынче не тѣ ужъ времена и не такое мы съ дѣтства получаемъ воспитаніе. Кто говоритъ! еслибъ я выросъ въ деревнѣ, ничему бы не учился....

«(Онъ-то, изволите видѣть, многому учился, думаю я; однакожъ слушаю).

«— Роскоши бы, продолжаетъ, не видалъ, въ обществѣ-то не былъ принятъ, это другое дѣло, я бы стоялъ тамъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, ѣлъ бы кашу да говядину съ картофелемъ, пилъ бы водку—и прекрасно! Но это для меня ужъ невозможно. Тамъ у насъ недѣля не проходитъ безъ бала.

«— Эхъ, говорю, Дмитрій Никитичъ, танцуя, цѣлый вѣкъ не проживешь.

«— Ктожъ, говоритъ, дядюшка, съ этимъ споритъ? Неужели вы думаете, что я въ этихъ балахъ вижу цѣль моей жизни. Вовсе нѣтъ! Я хочу только жить между людьми, равными мнѣ, и въ обществѣ, хоть сколько нибудь образованномъ; но предположимъ, что я поступлю буквально по вашему совѣту, т. е. ничего не буду предпринимать и смиренно удовольствуюсь доходами съ имѣнья; въ такомъ случаѣ, какъ я и прежде вамъ объяснилъ, службу я долженъ оставить и слѣдовательно поселиться въ деревнѣ, въ нашей прекрасной Бычихѣ; но чтожъ потомъ

Digitized by Google

я стану дѣлать? Въ чемъ и какого рода могутъ быть у меня развлеченія? Ѣздить по деревнямъ на бесѣды, да въ села на базары!

«— Кто васъ, говорю, заставляетъ ѣздить по бесѣдамъ? Занятія можно найти: хозяйничайте; а если захотите развлечься, зимой поѣзжайте въ губернскій городъ; у насъ здѣсь веселятся больше по городамъ.

«— Благодарю васъ, дядюшка, покорно на вашихъ городскихъ удовольствіяхъ, говоритъ онъ и кланяется мнѣ въ поясъ.—Бывалъ я прежде, продолжаетъ, былъ и теперь проѣздомъ въ вашемъ губернскомъ собраніи; что это такое? Помилуйте, только что не горятъ сальныя свѣчки, да не подаютъ квасу: скука, натянутость во всемъ, какъ на купеческой вечеринкѣ, и что всего милѣе: я напримѣръ, въ маскарадѣ ангажирую одну дѣвушку, она мнѣ вдругъ прямо говоритъ: «Pardon, М-г, я съ незнакомыми не танцую». Я отвернулся и не сталъ больше говорить. Это, чортъ знаетъ, что такое! Она видѣла, что я въ мундирѣ. Какъ, тетушка, скажете вы: оправдаете поступокъ этой дѣвицы, или нѣтъ?

«Обращается онъ къ женѣ моей; а та, знаете, чтобъ немного побѣсить его:

«— Чтожъ? говоритъ: она, вѣрно, не хотѣла съ вами танцовать.

«Онъ только на это пріосанился и ничего не сказалъ.

«— Ну, какъ, говорю, не хотѣла; она просто глупо поступила.

Digitized by Google

«— Не глупо, говоритъ, дядюшка, а это дичь какая-то. Но тамъ, Боже ты мой, что это за женщины! Знакомы вы, или не знакомы: она сейчасъ васъ опривѣтствуетъ, пойдетъ съ вами одна подъ руку въ садъ, въ поле; сама вызоветъ васъ на интересный разговоръ — и все это свободно, умно, ловко! Вы, дядюшка, улыбаетесь, говоритъ, вамъ, какъ человѣку пожилыхъ лѣтъ, можетъ быть, смѣшны мои слова, но я говорю справедливо.

«— Нѣтъ-съ, говорю, я не тому, а очень ужъ вы хвалите тамошнія мѣста; видно, тамъ зазнобушка есть, такъ и кажется все въ иномъ свѣтѣ.

«— Ну, дядюшка, говоритъ, что это за слово: зазнобушка, очень ужъ оно не благозвучно; и потомъ, подумавши, прибавляетъ: дѣйствительно, говоритъ, я имѣю тамъ виды на одну дѣвушку.

«— Чтожъ, и жениться думаете?

«— Конечно-съ, тѣмъ болѣе, что это такая партія, о которой я не смѣлъ бы подумать, если бы не случай.

«— Дай Богъ, говорю, Дмитрій Никитичъ, только смотри, есть поговорочка, которую твой покойный отецъ часто говаривалъ: «Дѣвушки хороши, красныя пригожи. Ахъ, откуда же берутся злыя жены?»

«— Эта поговорка, говоритъ, дядюшка, никоимъ образомъ не можетъ отнестись ко мнѣ!

«— Не хвастай, говорю, понравится сатана, лучше яснаго сокола; въ тѣхъ мѣстахъ женщины на это преловкія, часто вашу братью, моло-

Digitized by Google

денькихъ офицеровъ, надуваютъ; а если ты думаешь жениться, такъ выбери-ка лучше здѣсь, на родинѣ, невѣсту; въ здѣшней палестинѣ мы о каждой дѣвушкѣ знаемъ — и семейство ея, и родъ-то весь, и состояніе, и характеръ, пожалуй.

«— Очень вамъ благодаренъ, говоритъ, дядюшка, за вашъ совѣтъ и вполнѣ увѣренъ, что вами руководствуетъ мнѣ желаніе добра, но вы меня совсѣмъ не поняли. Обмануться я не могу, потому что я женюсь съ разсчетцемъ. Нынче ужъ, говоритъ, дядюшка, надъ любовью смѣются, а всѣмъ надобно злата, злата и злата. Точно такъ и я. У меня все предусмотрѣно: кромѣ ея прекраснаго воспитанія, ума, доброты ангельской, кромѣ, наконецъ, обыкновеннаго приданаго, у ней милліонное наслѣдство—въ дѣлѣ. Много ли у васъ, такихъ невѣстъ?

«— Въ дѣлахъ-то, пожалуй, и у нашихъ лежатъ милліоны, да дѣла-то вещь темная, смѣюсь я ему.

«— А вотъ какая, говоритъ, дядюшка, темная вещь, это мнѣ говорилъ одинъ тамошній страпчій-законникъ, который на этихъ дѣлахъ зубы пріѣлъ. Онъ говорилъ, что на охотника за это дѣло сейчасъ можно дать двѣсти тысячъ.

«— Хорошо, говорю, значитъ, дѣло. Только когда и скоро ли оно кончится?

«— Въ этомъ-то, говоритъ, и фортель весь заключается: старикъ засидѣлся въ деревнѣ, облѣнился; ему страшно подумать, тронуться въ Петербургъ, и дѣло такимъ образомъ стоитъ, не

Digitized by Google

двигается, но если оно попадетъ въ руки человѣка съ энергіей, такъ ему будетъ недурно. Вотъ видите, говоритъ, дядюшка, какъ у меня далеко все разсчитано... стало быть, я не слѣпой обожатель!

«— Вижу, говорю, что у васъ въ головѣ все разсчитано, я на дѣлѣ-то, мнѣ кажется, такъ васъ либо надуваютъ, либо дурачатъ.

«— Конечно, говорю, время все покажетъ...

«И ужъ мнѣ, знаете, сталъ надоѣдать этотъ споръ.

«— Кончимъ, говорю, мой милый Дмитрій Никитичъ, наши пренія, которыя никъ чему не поведутъ. Мнѣ тебя не убѣдить, да и ты меня тоже не переувѣришь; останемся каждый при своемъ.

«Такъ мы съ нимъ и поспорили; вижу, что мои замѣчанія ему не очень понутру: нахмурился, ушелъ и съ полчаса ходилъ, молча, по залу. Вечеромъ, однако, пріѣхала одна дама съ дочерьми, онъ сейчасъ съ ними познакомился и сталъ любезничать съ барышнями, сѣлъ потомъ за фортепьяно, очень недурно имъ сыгралъ, спѣлъ, словомъ, опять развеселился. Послѣ ужина, впрочемъ, сталъ прощаться, чтобъ ѣхать домой. Я останавливаю его ночевать.

«— Нѣтъ ужъ, говоритъ, дядюшка, отпустите меня: я пріѣхалъ на такое короткое время, надо съ матушкой побыть.

«— А, въ такомъ случаѣ, говорю, не смѣю останавливать, поѣзжайте.

Digitized by Google

«— У меня, впрочемъ, говоритъ, дядюшка, до васъ просьба есть.

«Согрѣшилъ! думаю, вѣрно хочетъ денегъ просить.

«— Какая же это просьба? говорю не совсѣмъ ужъ этакимъ пріятнымъ голосомъ.

«— Я, говоритъ, дядюшка, желаю остальную свободную часть имѣнья заложить, и какъ это зависитъ отъ здѣшнихъ судовъ, такъ нельзя ли вамъ похлопотать, чтобъ мнѣ скорѣе это сдѣлали?

«— Это, говорю, Дмитрій Никитичъ, ты такимъ-то манеромъ думаешь устраивать имѣнье?

«— Невозможно, говоритъ, дядюшка, при такомъ случаѣ, какъ женитьба, о которой я вамъ говорилъ; не могу же я быть совершенно безъ денегъ.

«— Послушай, говорю, Дмитрій Никитичъ, исполни ты, хоть одинъ разъ въ жизни, мою просьбу и повѣрь, что самъ зато послѣ будешь благодарить: не закладывай ты имѣнья, а лучше перевернись какъ нибудь. Залогъ для хозяевъ, которые на занятыя деньги покупаютъ имѣнья, благодѣтеленъ; но заложить и деньги прожить— это хомутъ, въ которомъ рано ли, поздно ли ты затянешься. О тебѣ я не говорю: ты мужчина, проживешь какъ нибудь; но я боюсь за мать твою, ты оставишь ее безъ куска хлѣба.

«— Помилуйте, дядюшка, неужели, говоритъ я не понимаю священной обязанности сына!

«— Вѣрю, говорю, другъ мой, что понимаешь,

Digitized by Google

но скажу тебѣ откровенно, потому что желаю тебѣ добра и вижу въ тебѣ сына моего роднаго брата, что ты еще молотъ, мотоватъ и вѣтренъ.

«— Очень грустно, дядюшка, слышать, что вы меня такъ понимаете, возражаетъ онъ мнѣ.

«— Ну, мой милый, говорю, хоть сердись на меня, хоть нѣтъ; а я говорю, что думаю, и не буду тебѣ содѣйствовать въ залогѣ имѣнья: дѣлай мимо меня, а я умываю руки.

«На эти слова мои онъ расшаркался и уѣхалъ. Впрочемъ, я, разсчитавъ, знаете, что скоро ему къ отъѣзду, и какъ бы въ родѣ того, чтобъ заплатить визитъ, ѣду къ нимъ. Подъѣзжаю и вижу, что дорожная повозка у крыльца ужъ стоитъ: укладываются; спрашиваю:

«— Гдѣ барыня?

«— Въ спальнѣ у себя, не такъ здорова.

«— А молодой баринъ?

«— У нихъ сидятъ-съ.

«Вхожу. Она сидитъ на постелѣ, а онъ у окошка. Я чуть не вскрикнулъ: представьте себѣ: въ какіе нибудь эти полтора года, которые я ея не видалъ, изъ этакой полной и крѣпкой еще женщины вижу худую, сморщенную, беззубую старушёнку. «Ахъ, ты, Боже мой! думаю, и все это сдѣлалось отъ разлуки съ Митенькой.»

«— Мать ты моя, говорю, сестрица, что это съ тобой сдѣлалось? тебя узнать нельзя.

«— Все больна, говоритъ, братецъ, это время была. Митенька-то мой, братецъ!

«— Знаю, говорю, сестрица, мы съ нимъ зна-

Digitized by Google

комы. Молодецъ у тебя сынъ; мы съ женой не налюбовались имъ, какъ онъ былъ у насъ, говорю ей, чтобы потѣшить ее.

«— Слава Богу, говоритъ, батюшка!

«А сама взглянула на образъ и перекрестилась. Такъ что-то жалко даже сдѣлалось ее въ эту минуту мнѣ.

« — Ѣдетъ ужъ, говоритъ, братецъ, а я здѣсь остаюсь, проговорила, знаете, этакимъ плачевнымъ голосомъ, да и въ слезы.

«— Что же, говорю, сестрица, дѣлать! сынъ, не дочь, не можетъ сидѣть все при васъ.

« — Вы, говоритъ, маменька (вмѣшивается Дмитрій), вашими слезами меня наконецъ въ отчаяніе приводите. Если вамъ угодно, я исполню ваше желаніе, останусь здѣсь: брошу службу, брошу мою выгодную партію; но ужъ, въ такомъ случаѣ, не пеняйте на меня. Я долженъ погибнуть совершенно, потому что или сопьюсь, или что нибудь еще хуже изъ меня выйдетъ.

« — Я, Митенька, другъ мой, ничего, ей Богу, ничего. Я такъ только поплачу; нельзя же, говоритъ, не поплакать!

« — Поплакать, говорю, сестрица, можно, да ты плачешь-то не полюдски. Родительская любовь, говорю, моя милая, должна состоять въ томъ, чтобы мы желали видѣть дѣтей нашихъ умными, хорошими людьми, полезными слугами отечества, а не въ томъ, чтобы они торчали предъ нами.

«Между тѣмъ, какъ я такимъ манеромъ разсуждаю, онъ, малый смѣтливый, сейчасъ изъ

Digitized by Google

комнаты вывернулся; и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ является совсѣмъ ужъ одѣтый по дорожному. Какъ увидѣла она его въ этомъ нарядѣ, такъ и помертвѣла: э плакать, однако, не смѣетъ и шепчетъ мнѣ:

« — Батюшка, братецъ, мнѣ бы благословить его хотѣлось.

« — Ну чтожъ, говорю, это хорошо. Маменька ваша, говорю, Дмитрій Никитичъ, желаетъ васъ благословить.

« Онъ мнѣ вдругъ мигаетъ, и тоже шепчетъ.

« — Нельзя ли, говоритъ, дядюшка , чтобъ не было этого благословенія, а то опять слезы и истерики. Ей Богу, я измучился, силъ моихъ ужъ нѣтъ.

« — Ну, что дѣлать, говорю, братецъ, нельзя старуху этимъ не потѣшить.

« Далъ ей образъ, всталъ онъ передъ ней на колѣна, слезы вижу и у него на глазахъ; благословила его, знаете, но какъ только образъ-то принялъ у нея, зарыдала, застонала; онъ ту же секунду драла въ повозкѣ, да и маршъ; остался я, дѣлать нечего, при старухѣ:

« — Помилуй, говорю, сестрица, что ты такое дѣлаешь!

« — Батюшка, братецъ, говоритъ, не могу я безъ него. моего друга, жить.

« Да какъ заладила это: это « не могу я безъ него жить», плачетъ день, плачетъ другой... я было ее къ себѣ, въ городъ, лекаря пригласилъ, тотъ съ недѣлю посмотрѣлъ и говоритъ: «Если ее ос-

Digitized by Google

тавить въ этомъ положеніи, такъ она съ ума сойдетъ».. Какъ послѣ этого прикажешь съ ней быть?

« — Что же вы, говорю, сестрица, такъ ужъ убиваетесь? Поѣзжайте, когда такъ за нимъ.

« — Не смѣю, батюшка, братецъ. Ну, какъ ему это будетъ непріятно?

« — Что это, говорю: за взлоръ — непріятно! Что это тебѣ пришло въ голову,—поѣзжай!

« А самъ между тѣмъ, къ нему, молодцу, написалъ особое письмецо. Пишу, что « мать ваша, Дмитрій Никитичъ, не можетъ жить безъ васъ и ѣдетъ къ вамъ, но она имѣетъ, къ удивленію моему, страшное опасеніе, что вамъ это будетъ непріятно, чего, конечно, надѣюсь, не встрѣтитъ, ибо вы сами хорошо должны знать, какъ много вы еще должны заплатить ей за всю ея горячую къ вамъ любовь...» и такъ далѣе, знаете, умненькое этакое письмецо съ заковычками небольшими: хотѣлось ему объяснить, что онъ обязанъ къ матери быть благодаренъ и почтителенъ. Старуха моя, какъ только я утвердилъ ее въ этой мысли, точно ожила: сама укладывается, сбирается, мнѣ только что не въ ноги кланяется. Уѣхала наконецъ и вскорѣ потомъ пишетъ: благодаритъ за участіе и объясняетъ, что Митенька обрадовался ей безъ души и что еще большая для нея радость та, что общее ихъ желаніе исполняется: онъ женится на красавицѣ и богачкѣ. Я сначала и повѣрилъ, а потомъ люди ихъ стали болтать, что, когда она туда прибыла, такъ онъ ей нанялъ особую, маленькую квартиру и что ни къ невѣс-

Digitized by Google

тѣ, ни къ ея роднѣ даже и не представлялъ и что будто бы даже старуха и на свадьбу не была приглашена и что ужъ послѣ сама молодая, узнавши, что у ней есть свекровь, поѣхала и познакомилась, и что тесть и теща ему за это очень пеняли. Не могу я вамъ это за сущую правду утверждать, а много вѣроятія: мать-де стара, да бѣдна, не такъ, можетъ быть, образована, какъ нынѣшнія дамы, такъ и стыдно! Фанфаронъ, большой фанфаронъ, какъ вы это увидите изъ послѣдующей его жизни. Этакихъ господъ, надобно сказать, не одинъ онъ на свѣтѣ. Чего бы должно совѣститься, хоть бы, напримѣръ, деньги брать въ долгъ, да не платить, имъ ничего. А что, по нашему, вздоръ: въ старой бы шинелькѣ, если ему пришлось пройти по улицѣ, такъ со стыда сгоритъ, прятаться за углы станетъ, чтобы только его не увидѣлъ кто нибудь. Впрочемъ, не въ нихъ дѣло, лучше разсказывать свое. Сколько прошло тому времени послѣ женитьбы моего Дмитрія Никитича, теперь ужъ хорошенько не помню. Только прогремѣла наконецъ у насъ по уѣзду этакая молва, что бычихинскій баринъ вышелъ въ отставку и изволилъ съ маменькой и съ молодой супругой прибыть въ свое помѣстье и очень-де шибко принимаются за хозяйство. Я, знаете, на правахъ дяди, ожидаю, хоть бы и визита себѣ, —не ѣдутъ; мнѣ немножко это и обидно. Думаю: видно въ самомъ дѣлѣ племянникъ разбогатѣлъ, когда и знать не хочетъ. Однако получаю съ нарочно посланнымъ отъ него письмо, въ которомъ

Digitized by Google

приноситъ тысячу извиненій, что до сихъ поръ самъ не былъ и жены не представилъ; причина тому та, что, пріѣхавши въ усадьбу, не нашелъ ни одной годной для выѣзда лошади. «Препятствіе это, милый племянникъ»—отвѣчаю я ему—«весьма легко устранить». И съ этимъ же, знаете, посланнымъ посылаю за ними карету шестерикомъ, чтобы и они спокойно доѣхали, да и себя чтобы тоже не уронить. «На»—говорю—«знай нашихъ!» Пріѣзжаютъ-съ. Онъ ужъ въ штатскомъ платьѣ, щегольэтакой, раздобрѣлъ немного, усы, бакенбарды, осанка этакая, какъ, и вы, можетъ быть, замѣтили, графская — залюбованье, по наружности, мужчина, полкомъ бы командовать, да и только; она очень еще молоденькая, довольно высокая, стройная, собой хорошенькая, только худа что-то очень и вообще какая то воздушная: дунешь, кажется, такъ она упадетъ, не то, что вотъ наши барышни — маленькія, коренастыя, краснощекія. Нѣмочкой она мнѣ показалась на первый разъ. Одѣта, конечно, по послѣдней модѣ, такъ-что у моей супруги глаза даже разгорѣлись; всю ночь послѣ мнѣ толковала, какое на ней все это дорогое и со вкусомъ. Рекомендуетъ онъ ее намъ.

«— Прошу, говоритъ, дядюшка и тетушка, почтить мою жену такимъ же родственнымъ расположеніемъ, которымъ и я всегда пользовался отъ васъ.

«Она тоже проситъ полюбить.

«Мы говоримъ, что эта наша обязанность.

Digitized by Google

«— Не скучаете ли вы, говорю, сударыня, въ деревнѣ въ нашихъ мѣстахъ?

«— Нѣтъ-съ, говоритъ, съ мужемъ и дѣтьми зачѣмъ же скучать?

«— А дѣти ваши велики? спрашиваетъ жена моя.

«— Старшему, говоритъ, два года, а младшему шесть мѣсяцевъ.

«— Сами кормите?

«— Нѣтъ, говоритъ, перваго, я сама кормила, но потомъ была больна, и втораго докторъ мнѣ запретилъ; такъ это мнѣ грустно!

«—Вотъ, говоритъ (вмѣшался ужъ это племянникъ), тетушка и дяденька, побраните для перваго знакомства вашу племянницу: хандритъ часто, что немного не по себѣ; а она ужъ, Богъ знаетъ, что воображаетъ, никакъ и ничѣмъ себя не хочетъ поразсѣять.

«Я посмотрѣлъ, знаете, на нее: цвѣтъ лица, кажется бы, блѣдный, а между тѣмъ румянецъ, какъ два врѣзанные розовые листа, играетъ. «Ну, пожалуй—думаю — судя по этому, есть отчего и похандрить»; однако не выказалъ этого, а напротивъ еще говорю:

«— Нехорошо, говорю, молодой дамѣ о болѣзни думать.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, я не думаю, а ей Богу, говоритъ, иногда себя очень нехорошо чувствую.

«И такъ далѣе бесѣдуемъ. Но такъ какъ они, хоть и не первый годъ женаты, а для насъ все

Digitized by Google

еще будто молодые, и потому я затѣялъ для нихъ обѣдецъ, кое-кого изъ знакомыхъ позвалъ. Съѣхались тѣ. Вижу, мой Дмитрій Никитичъ себя держитъ свысока. Что-то насчетъ стола заговорили, и онъ тотчасъ же намъ началъ разсказывать: какой нынче долженъ быть порядочный, какъ онъ выразился, столъ, перечислилъ названія кушаньямъ—все иностранныя, такъ-что мы, его слушающіе, этакихъ и не слыхивали, и все это, знаете, очень подробно—точно самъ поваръ! Потомъ объ экипажахъ коснулся разговоръ. Онъ сталъ доказывать, что если ужъ покупать экипажи, такъ никакъ не менѣе восьмисотъ рублей серебромъ, потому что такой экипажъ будетъ гораздо выгоднѣе дешеваго, прослуживши десять-пятнадцать лѣтъ безъ починки, и вслѣдъ за этимъ началъ смѣяться надъ нѣкоторыми нашими помѣщиками, которые собираютъ экипажцы дома, хозяйственно.

«— Кто, говорю я ему на это, Дмитрій Никитичъ, не знаетъ, что коляска въ восемьсотъ рублей серебромъ лучше, чѣмъ дома собранная въ двѣсти рублей ассигнаціями; да вѣдь всякой по олежкѣ протягибаетъ ножки; надобно напередъ, чтобы восемьсотъ то рублей въ карманѣ были.

«— О, дядюшка, что это, за вздоръ! велики деньги восемьсотъ рублей!

«Словомъ, я вижу, что онъ немного корчитъ изъ себя барича; къ супругѣ своей въ то же время очень внимателенъ, безпрестанно, знаете, обращается къ ней на французскомъ языкѣ. Она

Digitized by Google

ему также отвѣчаетъ по французски. Я-то не понимаю, а только жена мнѣ послѣ сказывала, что она это, какъ называется, произноситъ щегольски, совершенно какъ француженка. Далѣе потомъ вышли какъ-то имы, и гости всѣ наши въ залу. Онъ, увидѣвши тутъ фортепьяно, вдругъ говоритъ моей женѣ:

«— Такъ какъ я знаю, тетушка, что вы любительница музыки, такъ не угодно ли вамъ заставить жену мою сыграть что нибудь; она, говоритъ, концерты давала.

«Супруга моя, конечно, начала просить. Она было сначала отнѣкивалась, говоритъ, что давно не играла; однако упросили. Сѣла и сыграла штучки двѣ хорошо, очень хорошо, и бойко, и съ чувствомъ; потомъ романсъ сыграла, а онъ спѣлъ. Я и понялъ, что онъ хочетъ пыль въ глаза пустить образованіемъ, знаете, своей супруги; ну и это еще ничего—извинительно. При разставаньѣ я говорю, что я и жена на слѣдующей недѣлѣ постараемся имъ заплатить визитъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не извольте вы безпокоить ни себя, ни тетушку, потому что у меня теперь хаосъ; все ломается, передѣлывается. Я буду васъ просить, когда все это приведется въ порядокъ, и тогда надѣюсь, что въ состояніи буду принять васъ прилично.

«— Какъ хочешь, говорю, намъ все равно, но что же такое ты передѣлываешь; домъ, что ли?

«— Все, говоритъ, дядюшка: всю усадьбу поднимаю съ подошвы.

Digitized by Google

«— Ну, доброе дѣло; только не спѣшилъ бы, а исподоволь бы все устроивалъ; это будетъ и дешевле, и прочнѣе.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, я не такого характера: я люблю, чтобы у меня все кипѣло.

«И въ самомъ дѣлѣ, видно у него закипѣло. Люди безпрестанно ѣздятъ въ городъ, то матеріаловъ закупить, то мастеровыхъ нанять. Къ намъ заходятъ тоже, спрашиваю ихъ:

«— Баринъ, я говорю, видно при деньгахъ?

«— При деньгахъ-съ, отвѣчаютъ мнѣ.

«— Слава Богу, думаю, радуюсь. Наконецъ онъ и самъ является и, только что поздоровался, сейчасъ же подводитъ меня къ окну.

«— Не угодно ли, говоритъ, дядюшка, взглянуть на новокупокъ моихъ.

«Гляжу. Стоитъ новомодная коляска и щегольскихъ четверня вороныхъ лошадей.

«— Недурны кони? спрашиваетъ.

«— Да, говорю; у кого же ты это купилъ?

«— У Архипова-съ, говоритъ.

«Я невольно, знаете, пожалъ плечами. У Архипова точно, надобно сказать, отличный конскій заводъ, но дѣло въ томъ, что у него, какъ я знаю, меньше трехъ-сотъ серебромъ лошади нѣтъ.

«— Что же, говорю, Дмитрій Никитичъ, ты платилъ за нихъ?

«— Вздоръ, говоритъ, дядюшка, просто шаль, — полторы тысячи цѣлковыхъ за четверку.

Digitized by Google

«— Деньги хорошія, говорю, и полторы тысячи цѣлковыхъ; не очень дешево.

«— Помилуйте, дядюшка, возражаетъ онъ мнѣ: — да вы разсудите: лошади все кровныя, одна другой вершкомъ ни выше, ни ниже, масть въ масть, а какъ съѣзжены, вы посмотрѣли бы? Это бездѣлица! Мнѣ вчера только привели ихъ, сегодня я заложилъ и поѣхалъ. Повѣрьте мнѣ, говоритъ, дядюшка, я кавалеристъ и въ лошадяхъ знатокъ; стоитъ мнѣ только эту четверку въ Москву свести, я за нее меньше четырехъ тысячъ серебромъ не возьму.

«— Можно взять и меньше, говорю я на это и тутъ же къ слову спрашиваю: — а что это, Дмитрій Никитичъ, говорю, какой у тебя кучеръ? я что-то его не знаю. Изъ женинаго имѣнія, что ли?

«— Нѣтъ, говоритъ, это нанятой, чудный малый; одна посадка, посмотрите, чего стоитъ, толстякъ-то какой!

«— Что же ты, говорю, ему платишь?

«— Десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

«— Да, говорю, десять же однако цѣлковыхъ!... цѣна петербургская; а, кажется, для деревни это лишнее. У покойнаго отца твоего хорошій былъ кучеръ и къ лошадямъ очень привязанный.

«— Ну, что это, дядюшка за кучеръ? Ему на косульницахъ ѣздить, а не на кровныхъ лошадяхъ. Онъ къ этимъ львамъ и подойти не по-

Digitized by Google

смѣетъ, да и дуракъ какой-то! Я ему велѣлъ возить солому, да воду въ хлѣвъ.

«Не хотѣлъ его тутъ оспаривать, потому что онъ ужъ не молоденькій офицерикъ, а женатый, мужъ, семьянинъ.

«— А я, говоритъ, дядюшка, къ вамъ съ требованіемъ обѣщаннаго визита; мнѣ ужъ теперь не стыдно принять васъ въ свой домишко.

«— Будемъ, говорю, когда прикажешь, тогда и будемъ.

«— Я бы, говоритъ, въ будущую пятницу васъ просилъ; оно немножко и кстати, потому что что-то такое въ родѣ имянинъ моей жены.

«— Очень, говорю, кстати. Если бы я зналъ, я бы и безъ зову пріѣхалъ.

«— Тетушка тоже, говоритъ, будетъ?

«— Будетъ, говорю.

«— Стало быть, эта статья рѣшена, продолжаетъ онъ: — но мнѣ бы еще хотѣлось пригласить кой-кого изъ городскихъ, и потому прощайте.

«— Для чего же тебѣ это хочется? спрашиваю я.

«— Такъ, говоритъ, дядюшка. Нельзя же, могутъ случиться дѣлишки по судамъ: лучше, какъ позакормишь; изъ сосѣдей нѣкоторые пріѣдутъ, такъ ужъ вмѣстѣ.

«— Что же это такое: обѣдъ, что ли, будетъ у тебя?

«— Нѣтъ, такъ позывочка; нельзя же не сблизиться. Между нами сказать: нынѣшнимъ пред-

Digitized by Google

водителемъ, кажется, не очень довольны; чрезъ годъ балотировка, мало ли что можетъ случиться.

«— Это, значитъ, ты въ предводители думаешь?

«— Да не то, чтобы я думалъ, а если дворянству угодно будетъ предложить мнѣ эту честь, не буду смѣть отказаться.

«Я взялъ да, знаете, ему и поклонился низенько.

«— Въ такомъ случаѣ, говорю, не оставьте, батюшка Дмитрій Никитичъ, вашей предводительской милостью вашего бѣднаго родственника-исправника.

«Смѣется.

«— Только, говоритъ, дядюшка, пожалуйста, чтобъ это осталось между нами. Тутъ ничего еще опредѣлительнаго нѣтъ, и я такъ говорю съ вами, какъ съ родственникомъ.

«— Смѣю ли, говорю я, маленькій человѣчекъ, что-нибудь говорить, когда вы не приказываете.

«— О, говоритъ, дядюшка, вѣчно поддѣнете меня и шпильку мнѣ поставите; лучше, говоритъ, не забудьте пятницы.

«— Слушаю-съ, говорю, ваше благородіе, слушаю-съ.

«Пришла потомъ пятница. Отправляемся мы съ супругой, а за нами, смотримъ, почти полгорода; всѣ почти чиновники, худые и хорошіе. Пріѣзжаемъ мы этой гурьбой. Домъ, вижу я, от-

Digitized by Google

дѣланъ такъ, что узнать нельзя противъ прежняго: все это выбѣлено, вычищено, рамы въ три стекла, столъ ужъ накрытъ огромнѣйшимъ глаголемъ, и на немъ, знаете, вазы серебряныя съ шампанскимъ, хрустальныя вазы съ фруктами; лакеи въ бѣлыхъ галстукахъ, бѣлыхъ жилетахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, короче сказать, такъ парадно, хоть бы и отъ тысячи душъ. Хозяинъ тоже въ формѣ—во фракѣ, встрѣчаетъ насъ въ залѣ и ведетъ въ гостиную. Мы, какъ водится, поздравляемъ племянницу съ днемъ ея ангела; а она, бѣдненькая, едва сидитъ, такъ бѣдна и худа, что ужасъ.

«— Что это, говорю, милая племянница, вы все, кажется, хвораете, хоть бы для имянинъ своихъ эту глупую вашу привычку оставили.

«Усмѣхнулась.

«— Богъ бы съ ними, дядюшка, съ моими имянинами, не очень я имъ рада, говоритъ мнѣ это негромко.

«Значитъ, это празднество ей не очень по душѣ, но, переговоривъ съ нею, дѣлаю, разумѣется, поклонъ прочимъ гостямъ. Глядь, это все наши уѣздные богатые помѣщики, уѣздовъ съ трехъ, кажется, собраны, и когда онъ это успѣлъ объѣхать ихъ и познакомиться съ ними, не понимаю, и такъ какъ, знаете, отъ нашего брата земскаго исправника, до этихъ большихъ баръ смертный скачёкъ, такъ я и удалился въ наугольную, гдѣ нахожу мою старушку сестрицу. Сидитъ она, знаете, въ блондовомъ чепцѣ, въ шел-

Digitized by Google

ковомъ платьѣ, пречопорная и, какъ видно, очень довольная. Здороваюсь я съ ней, она вдругъ отвѣчаетъ мнѣ:

«— Здравствуй, мой родной, здравствуй! и какимъ-то этакимъ, знаете, обязательнымъ тономъ.

«— Мнѣ это, признаться, показалось нѣсколько и досадно. Видѣвши, что тутъ кой-кто сидитъ изъ гостей, захотѣлось мнѣ ей и понапомнить кое-что.

«— Какъ я радъ, говорю, сестрица, что я въ вашей Бычихѣ нахожу не развалины, а все устроивается и приводится въ новый видъ — начинаетъ походить на прежнюю Бычиху, какъ была она при покойномъ братѣ.

«Она поняла мои слова и сейчасъ же гораздо спустила важности.

«— Да, мой дружокъ, слава Богу, слава Богу, говоритъ.

«— Да, продолжаю я:—должна благодарить Бога, тѣмъ болѣе, какая у тебя прекрасная невѣстка! Не ошибся Дмитрій Никитичъ въ выборѣ: и сама по себѣ, да и состояніе, кажется; одно другому отвѣчаетъ.

«— Слава Богу, слава Богу, повторяетъ она.— Я день и ночь, говоритъ, молю Творца за милости ко мнѣ. Хотя, конечно, Митя былъ такой женихъ, что ему много предстояло партій блистательныхъ и богатыхъ, но эта дороже всѣхъ, потому что по сердцу.

«— Богъ съ ними, съ богатыми и блистатель-

Digitized by Google

ными, какія бы еще вышли, лучше намъ не надобно, говорю я.

«Пока мы такимъ манеромъ со старухой бесѣдовали, кушать просятъ. Садимся. Обѣдъ, по нашимъ мѣстамъ, оказывается превосходный, только птичьяго молока нѣтъ. Уха изъ мѣрныхъ стерлядей, этотъ модный потомъ росбифъ; даже трудно понять, гдѣ онъ досталъ этакой говядины, въ нашихъ мѣстахъ рѣшительно нельзя такой найти, вѣроятно посылалъ нарочнаго въ Ярославль. Вина, которыхъ я хоть и не пью, но вижу, что съ золотыми, да съ серебряными головками, значитъ, не нашинскія; шампанскимъ, просто, обливаетъ; мужчины, кажется, по бутылкѣ на брата выпили. Послѣ обѣда, конечно, картежь. Онъ изъ вѣжливости, составилъ тремъ своимъ знатнымъ гостямъ партію въ преферансъ, по двугривенному фишка, и въ двѣ пульки проигралъ около ста цѣлковыхъ. Наконецъ кончилось торжество, часовъ въ девять разъѣхалась вся эта братія. Меня съ женой не пускаютъ, оставили ночевать, но я, видѣвши, что хозяинъ утомился:

«— Не церемонься, говорю, Дмитрій Никитичъ, ступай отдохни.

«— Да, говоритъ, дядюшка, пойдемте въ кабинетъ, я одѣнусь во что-нибудь попросторнѣе.

«— Хорошо.

«Пошли мы. Онъ, какъ только вошелъ, сбросилъ съ себя фракъ и кинулся на диванъ.

Digitized by Google

«— Ахъ, говоритъ, дяденька, какъ я измучился сегодня: съ пяти часовъ утра я не присѣлъ, до сихъ поръ куска во рту не бывало, а теперь ужъ и ѣсть ничего не могу.

«— Вижу, говорю, мой милый, вижу: впрочемъ, что же — своя охота.

«— Нельзя, говоритъ, дядюшка; нынче въ свѣтѣ обѣдъ играетъ важную роль: обѣдомъ составляются связи, а связи послѣ денегъ самая важная вещь въ жизни; обѣдами наживаются капиталы, потому что пріобрѣтается кредитъ. Обѣдъ! обѣдъ! это такая глубокомысленная вещь, надъ которой стòитъ подумать. Однако, скажите-ка лучше мнѣ: порядочно все было у меня?

«— Чего же, говорю, лучше?

«— А поваръ, говоритъ, дядюшка, какъ вы находите, недуренъ?

«— Очень хорошъ, говорю; бралъ, что ли, у кого?

«— Фи, дядюшка, повара брать! это, по моему, все равно, что надѣть чужой фракъ: это значитъ всенародно признаться, что, господа, я ѣмъ, какъ ѣдятъ порядочные люди, только при гостяхъ; какже это возможно? Я не могу себѣ представить жизни безъ хорошаго повара. Въ Москвѣ насчетъ этого ходитъ очень умная фраза: «скажи мнѣ, какъ ты ѣшь; а я тебѣ скажу, кто ты».

«— Чтожъ, онъ у тебя, вѣрно, нанятой? спрашиваю я.

Digitized by Google

«— Нанятой.

«— А вотъ этотъ камердинеръ твой, что входилъ сюда, тоже, кажется, нанятой?

«— Нанятой тоже. Васъ, я вижу, дядюшка, нѣсколько удивляетъ, что у меня все нанятые люди: но что же мнѣ дѣлать? Никого своихъ нѣтъ! Говорили, что эта ключница Марья Алексѣевна у насъ *очень хорошая*; а на дняхъ я заставилъ ее подварить наливку, и она приготовила величайшую дрянь, тогда какъ я могу пить только такія наливки, которыя густы какъ ликеръ. Богъ знаетъ, что за прислуга была у отца; одинъ другаго хуже: глупые, неопрятные, лѣнивые; ну, а я признаюсь, не могу этого сносить, это ножъ острый для меня.

«—Прихотничаешь, говорю, Дмитрій Никитичъ. Впрочемъ, если средства есть, такъ отчего же и не потѣшить себя и не сдѣлать, какъ нравится?

«Онъ молчитъ. А мнѣ все знаете, хочется выпытать изъ него, форситъ ли онъ только, или въ самомъ дѣлѣ богатъ, но прямо сказать какъ-то неловко, и потому я рѣшился щупать его съ боковъ. Немного помолчавъ, опять навожу на этотъ предметъ.

«— Ты, я говорю, тогда, Дмитрій Никитичъ, какъ еще офицеромъ въ отпускъ пріѣзжалъ, такъ говорилъ, что имѣнье твоей теперешней супруги въ дѣлѣ; выиграно оно или нѣтъ еще?

«— Нѣтъ; говоритъ, дядюшка тянется еще.

Digitized by Google

«— Чтожъ, говорю, хлопотать надобно. Смотри, не пропусти сроковъ.

«— Успѣю еще, не уйдетъ оно отъ меня. Теперь мнѣ, главное, хочется устроить себя здѣсь поосновательнѣе.

«— Въ чемъ же, говорю, именно будетъ состоять твое устройство?

«— Да какъ вамъ сказать, говоритъ, прожектовъ у меня въ головѣ много, потому что хоть и вы мнѣ говорили, и многіе другіе, что покойный мой отецъ былъ хорошій хозяинъ; но, виноватъ, не вижу этого рѣшительно ни въ чемъ. Если у него и было хозяйство, то маленькое, ничтожное, женское, какъ говорится.

«— Какое же это мужское-то хозяйство? говорю.

«— А вотъ-съ, на примѣръ, начинаетъ онъ, —усадьба Бычиха, полевыми, лѣсными, сѣнокосными дачами и угодьями, на пространствѣ необозримомъ — въ одинъ день не обойдешь; но какой же, позвольте васъ спросить, доходъ отъ нея? Никакого, кромѣ расхода; намолотится хлѣба, наготовится соломы, накосится сѣна, и все это, по видимому, въ громадныхъ размѣрахъ, но посмотришь къ концу года, все это уничтожится дворней, которая ничего не дѣлаетъ, лошадьми, на которыхъ невозможно выѣхать, и коровами, отъ которыхъ пятнадцати пудъ въ годъ масла не получается. Какъ хотите, дядюшка, подобный хозяйственный разсчетъ смѣшёнъ.

Digitized by Google

«— Что же дѣлать, говорю, мой любезный Дмитрій Никитичъ? скотина держится потому, что хлѣбъ не станетъ родиться. Въ здѣшней полосѣ землю не удобришь, такъ и сѣмянъ не сберешь, а дворовые люди въ прислугѣ.

«— Не сорокъ же человѣкъ, дядюшка, какъ, напримѣръ, въ моей дворнѣ, изъ которыхъ у меня ни одного нѣтъ въ прислугѣ.

«— Это ужъ, говорю, твое распоряженье, а они очень могли бы быть въ прислугѣ; ну, а прочіе въ этомъ числѣ, конечно, старый да малый, тутъ я думаю, старые слуги и служанки твоего отца, или ихъ дѣти, куда ихъ дѣвать? или потомъ мужикъ какой-нибудь безсемейный отъ старости, или за хворостью обѣднѣетъ, его берутъ въ дворню; вотъ вѣдь какъ дворни большія составляются: почти по необходимости.

«— Стало быть, дядюшка, это богадѣльня?

«— Какъ хочешь, говорю, называй, только не тяготись дворней. Это, по моему, грѣхъ; не разбогатѣешь этимъ.

«— Однако, говоритъ, дядюшка, при двухъстахъ душахъ, богадѣльня на 40 человѣкъ велика. Впрочемъ, я о полевомъ хозяйствѣ упомянулъ только для примѣра, чтобы показать вамъ, какъ оно при отцѣ было безразсчетно; я на него и вниманья не буду обращать, не стоитъ труда; пусть оно идетъ, какъ шло, лишь бы денегъ отъ меня не требовало; но у меня другое въ виду, здѣсь все кругомъ золотое дно—это фабричное произ-

Digitized by Google

водство; вотъ здѣсь въ чемъ капитальная сила имѣнья заключается.

«— У отца твоего, говорю, былъ кирпичный заводъ, была и мельница, ты же все это уничтожилъ.

«— Ну, что, дядюшка, объ этомъ вздорѣ говорить: кирпичный заводъ, на которомъ пять тысячъ кирпичу выдѣлывалось, и мельница, приносившая въ годъ сто рублей и сто разъ въ годъ ломавшаяся; тутъ можетъ быть устроено что-нибудь посерьёзнѣе.

«— Что же такое, говорю, посерьёзнѣе?

«— Сію секунду-съ объясню, отвѣчаетъ, онъ мнѣ съ этакимъ одушевленіемъ, такъ-что даже всталъ съ дивана и началъ ходить по комнатѣ.— Извѣстно ли, говоритъ, вамъ, почтеннѣйшій дядюшка, что у меня двѣ тысячи лѣсу? это вѣдь капиталъ, согласны съ этимъ? Но какіе же проценты получаю съ этого капитала, не угодно ли вамъ знать? Ни больше, ни меньше, какъ со старыхъ моихъ сапоговъ.

«— Что же дѣлать! говорю, сплавовъ здѣсь нѣтъ.

«— О, Боже мой! Сплавовъ нѣтъ, не нужно мнѣ сплавовъ. Ко мнѣ на домъ всѣ пріѣдутъ и купятъ; извольте замѣтить, что у меня двѣ тысячи десятинъ. Въ здѣшней полосѣ лѣсъ ростетъ до своей нормальной величины 25 лѣтъ; слѣдовательно, если я разобью свою дачу на 25 просѣковъ, то каждый годъ могу, безконечное число лѣтъ, вырубать 80 десятинъ лѣсу и свободно

Digitized by Google

сжечь его для какого угодно вамъ фабричнаго дѣла.

«— Это, говорю, такъ, но на фабричное дѣло, любезный Дмитрій Никитичъ, надобно прежде положить капиталъ.

«— Будутъ-съ капиталы! всякому купцу, который думаетъ завести фабрику около Москвы, гдѣ онъ долженъ будетъ платить по четыре рубля серебромъ за сажень дровъ, конечно, выгоднѣе будетъ устроить фабрику у меня въ имѣньѣ, гдѣ я поставлю ему за рубль серебра сажень, или, лучше сказать, я не дамъ этого никому, я самъ устрою заводъ — стеклянный, хрустальный, бумажный, какой вздумается, и напередъ знаю, что буду получать огромные барыши.

«— Ну барыши, говорю, еще впереди, ягнятъ осенью считаютъ; а прежде всего смотри, понимаешь ли ты хоть сколько нибудь самъ эти дѣла?

«— Эго вздоръ; за пятьсотъ-шестьсотъ цѣлковыхъ въ годъ вы можете нанять превосходнаго фабриканта, химика, машиниста, какого только вамъ надо! Вотъ бы что, дядюшка, отцу моему слѣдовало давно затѣять, такъ имѣнье бы стоило чего нибудь.

«Слушаю я его, и какого-то, знаете, тумана напустилъ онъ мнѣ въ глаза этимъ разговоромъ! говоритъ, пожалуй, ладно и неладно. Ѣхавши домой, переговариваю я объ этомъ съ моей супругой.

«— Изъ нашего Дмитрія Никитича, говорю я, вышелъ какой-то прожектеръ.

Digitized by Google

«— Да, отвѣчаетъ она мнѣ, только всѣ его эти прожекты, кажется, Еленѣ Петровнѣ (т. е. его супругѣ) очень непріятны, потому что когда въ гостиной онъ тоже объ этомъ разсказывалъ, такъ она ему при всѣхъ сказала: «Дай Богъ— говоритъ — чтобы все это было такъ выгодно, какъ ты, Митенька, разсчитываешь»; а онъ, сконфузившись, не нашелся на это ничего сказать, а только подошелъ и поцаловалъ ее въ голову.

«— Не знаю, говорю, подождемъ, что будетъ дальше.

«Дальше, однакожъ, предпріятія его шире и шире распространяются. Заводъ устраивается хрустальный подъ присмотромъ англичанина, который нарочно изъ Москвы нанятъ; въ судѣ онъ у меня, знаете, билетъ заявлялъ, тутъ я его и видѣлъ. Одѣтъ чисто, богатый, должно быть; и ужъ недешево, конечно, взялъ. Но заводъ еще не все; слышу я о многомъ и другомъ; слышу, что Дмитрій Никитичъ почтовую станцію снялъ; мосты тогда строились по большому тракту, два или три моста, довольно капитальные, тѣ взялъ на подрядъ; подбился ко всѣмъ этимъ, знаете, тузамъ, которые у него кушали и выпросилъ у нихъ залоговъ; удвухъ купцовъ нашихъ вывернулъ какъ-то свидѣтельства на дома. Ко мнѣ было, знаете, адресовался съ той же просьбой, однако я говорю, что человѣкъ я мнительный, торговыхъ дѣлъ не понимаю, да и имѣнья свободнаго нѣтъ. Отошелъ, знаете, отвертѣлся кое-какъ.

Digitized by Google

На зиму онъ вздумалъ въ городъ къ намъ переѣхать. Сказываетъ мнѣ объ этомъ.

«— Милости, говорю, просимъ, мы рады; компанія намъ будетъ.

«— Помѣщеніе, говоритъ, дядюшка, только меня затрудняетъ.

«— Что же, говорю, помѣщеніе... Найми стараго судьи домъ — свѣтленькій, чистенькій и теплый очень!

«— Фу, дядюшка, что жъ вы говорите! Гдѣ жъ я помѣщусь съ моей семьей въ этихъ конуркахъ? Нѣтъ ужъ, говоритъ, я хочу свой выстроить, или, лучше сказать, рѣшился купить эти погорѣлыя стѣны на площади... Мѣсто тутъ прекрасное; отдѣлаю ихъ, какъ мнѣ надо.

«— Несовѣтовалъ бы, говорю, тебѣ, Дмитрій Никитичъ, ни строить, ни покупать здѣсь дому, потому что здѣсь въ домахъ, какъ самъ пересталъ жить, такъ капиталъ и мертвый.

«— Что же такое? Когда будетъ не нуженъ, тогда продамъ.

«— Нѣтъ, говорю, не продашь, нескоро ты найдешь здѣсь покупателя.

«— Въ такомъ случаѣ будетъ ходить у меня въ залогахъ, а въ наемъ отдамъ подъ какой нибудь трактиръ, или харчевню, по контракту, лѣтъ на десять, вотъ вамъ и проценты съ капитала.

«И только что переговорилъ такимъ манеромъ со мной, смотрю, стѣны ужъ куплены, и постройка пошла, а мѣсяца въ четыре и домъ готовъ. Я иногда, гуляя, заходилъ посмотрѣть, какъ стро-

Digitized by Google

ится, и вижу, что чортъ знаетъ что такое. Все это черновое основаніе никуда негодно: стѣны погорѣлыя, значитъ, растрескались, но ихъ, не только что не переклали, даже желѣзомъ не связали, а все только замазали. Но за то, какъ начисто пошла работа, Дмитрій Никитичъ ничего не жалѣетъ и самъ съ утра до ночи присматриваетъ. Прелесть, какъ отдѣлали по наружности. Посмотрѣть — маленькій дворецъ; потомъ, конечно, надобно меблировать домъ: деревенская мебель, очень хорошая и тоже новая, не годится, выписывается особенная изъ Петербурга, нельзя иначе; какъ этакому баричу, какъ господинъ Шамаевъ, таскать мебель изъ деревни въ городъ и изъ города въ деревню — скучно очень! Впрочемъ, это еще и такъ и сякъ походило на что-нибудь; но чѣмъ онъ меня поразилъ, такъ это: умеръ тутъ у насъ соборный протопопъ, очень богатый, ученый и одинокій. Всю движимость онъ назначилъ чтобъ продать, а деньги въ церковь. Въ числѣ этой движимости была довольно большая библіотека и этотъ, какъ по ученому называется, минералогическій кабинетъ. Въ уѣздномъ судѣ составился аукціонъ. Захожу я туда полюбопытствовать, кто что купилъ, однако аукціонъ ужъ кончился; но я заглянулъ въ опись и вижу, что библіотека и минералогическій кабинетъ остались за штабъ-ротмистромъ Шамаевымъ. Господи помилуй, думаю, зачѣмъ это ему? и потомъ, встрѣтившись съ нимъ:

«— Батюшка, говорю, Дмитрій Никитичъ,

Digitized by Google

давно ли вы изволили въ ученые записаться, что библіотеками и кабинетами заволитесь?

«— Да, да, дядюшка, купилъ, купилъ.

«— Для какой же это, я говорю, надобности? Изъ камней ты, вѣроятно, и назвать ни одного не умѣешь, а играть ими, какъ игрушками, старъ для этого; въ библіотекѣ тоже, по моему, не нуждаешься. Сколько я тебя здѣсь ни знаю, ты, кромѣ газетъ, врядъ ли какую нибудь книгу и развертывалъ.

«— Чтожъ вы меня, дядюшка, говоритъ, такимъ профаномъ считаете? Небольшая, хорошенькая библіотека въ домѣ очень не лишнее, а каменья эти въ красивыхъ шкапчикахъ поставлю я въ моемъ кабинетѣ, тоже очень будетъ мило, а главное дешево: за все про все какая нибудь тысяча цѣлковыхъ.

«Я только махнулъ рукой, вижу, не перерезонишь его; на все у него свои разсчеты. Вскорѣ послѣ этого начинается его переѣздъ въ городъ, и вы, можетъ быть, не повѣрите, а, ей Богу, ни одинъ губернаторъ, не то что ужъ изъ бѣдненькихъ, а изъ богатыхъ, такимъ парадомъ не пріѣзжалъ. Трактъ имъ проѣзжать шелъ, надобно сказать, мимо моего дома, и я цѣлое утро сидѣлъ и любовался. Исторія начинается, представьте вы себѣ, съ того, что два кучера подъ уздцы ведутъ его четверню вороныхъ въ попонахъ, гривы заплетены, хвосты тоже; кучера — все это, вѣроятно, по его приказанію — въ плисовыхъ поддевкахъ, въ сломленныхъ какихъ-то шапоч-

Digitized by Google

кахъ; далѣе экипажи городскіе везутъ подъ чехлами, потомъ кухня слѣдуетъ, и тоже съ умысломъ, конечно, посуда вся эта открыта и разложена въ плетеныхъ корзинахъ. Смотрю, что такое очень ужъ во внутренности у ней блеститъ? и послѣ мнѣ ужъ объяснили это, что де у Дмитрія Никитича посуда не луженая, какъ у насъ грѣшныхъ, а серебряная внутри. За этимъ слѣдуетъ съ въ родѣ польской брики съ поварами, съ горничными, мальчишками: затѣмъ тарантасъ съ дѣвичьимъ штатомъ и наконецъ самъ Дмитрій Никитичъ съ своей семейкой въ дормезѣ шестерномъ на разгонныхъ, какъ онъ называлъ, вятскихъ лошадкахъ. Переѣхавши такимъ образомъ, онъ задалъ намъ сначала парадное новоселье; а потомъ и пошли обѣдецъ за обѣдцемъ, вечерокъ за вечеркомъ. И что вѣдь досадно, знаете, все это дѣлалось, по моему наблюденію, не отъ доброты: гостепріимства и радушья въ немъ совершенно не было; въ деревнѣ сосѣдей, которые побѣднѣе, не принималъ даже; изъ маленькихъ чиновниковъ тоже—придутъ къ нему, рюмки водки не подастъ, не посадитъ; а за то ужъ, кто немного повыше, ничего не пожалѣетъ. Кто бы изъ губерніи ни пріѣхалъ, этакъ, повиднѣй или къ губернатору поближе, сейчасъ обѣды съ шампанскимъ и труфлями. Прислали разъ изъ Петербурга по одному дѣлу чиновника очень не изъ важныхъ, а этакого, состоящаго при департаментѣ. Я, по обязанности моей, явился къ нему, выхожу и вижу, что Дмитрій Никитичъ мой подъѣхалъ.

Digitized by Google

« — Ты, я говорю, мой милый, зачѣмъ?

« — Къ старому знакомому, дядюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ.

« И вижу, что лжетъ.

« Потомъ заѣзжаетъ ко мнѣ.

« — Пріѣзжайте, говоритъ, сегодня на вечерокъ.

« — Что такое у тебя сегодня? спрашиваю.

« — Ничего особеннаго; третьяго дня позвалъ кой-кого, въ карты поиграемъ, отвѣчалъ онъ.

« И опять вижу, что лжетъ и дѣлаетъ этотъ вечеръ для чиновника.

« — Супруга твоя, говорю, Дмитрій Никитичъ, послѣднее время ходитъ, а у тебя все эти вечера.

« — Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не совсѣмъ еще послѣднее время.

« Поѣхалъ я: вмѣсто «въ карты поиграемъ» оказывается балъ съ музыкой. Племянницы нѣтъ въ гостиной, сидитъ одна только старуха.

« — А молодая хозяйка, спрашиваю, гдѣ?

« — У себя, говоритъ, дружокъ мой въ комнатѣ, прихворнула что-то.

« — Мудрено ли, говорю, въ ея положеніи прихворнуть?

« И вышелъ трубку себѣ спросить. У него, знаете, на вечерахъ заведено было по модному— сигары и папиросы курить, а трубки убирались въ заднія комнаты; только вижу я, что горничныя что-то суются, а больше всѣхъ Марья Алексѣевна. Спрашиваю ее:

« — Что вы тамъ бѣгаете?

Digitized by Google

« — Чего, сударь, отвѣчаетъ она: — молодой барынѣ время приспѣло.

« — Вотъ тебѣ и сюрпризъ!

« Возвращаюсь я въ гостиную и нахожу, что сынокъ съ матушкой преспокойно совѣщаются, кого съ кѣмъ въ карты посадить.

« — Дмитрій Никитичъ! говорю, не стыдно ли тебѣ въ то время, какъ ты долженъ стоять предъ образомъ и молиться, у тебя эти пиры да банкеты проклятые!

« — Что же дѣлать? говоритъ, дядюшка, никакъ этого не ожидалъ. Впрочемъ, что же? домъ у меня большой, акушерка пріѣхала.

« — Ничего, говоритъ, дружокъ мой Митенька, не безпокойся, успокоиваетъ его маменька: — только надобно, чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ, а Богъ милостивъ. Леночка всегда легко это переноситъ.

« Такъ мнѣ, знаете, оба они показались противны, что я не въ состояніи былъ даже вечера досидѣть, уѣхалъ. Между тѣмъ, на Дмитрія Никитича что-то стали съ нѣкоторыхъ поръ взысканьица поступать по судамъ, частью еще старыя—полковыя, а частью и здѣшнія. Заводъ, по слухамъ идетъ шибко и въ большомъ объемѣ, только изволите видѣть, отъ англичанина, а нашъ молодецъ всего въ восьмой части; лѣсъ губится, какъ только возможно: вмѣсто одной, по предположенію, просѣки, въ годъ, валяютъ по пяти; мужиковъ, съ этой заготовкой и повозкой дровъ, отъ хлѣбопашества отвели, платятъ имъ за это

Digitized by Google

чистыми деньгами, они эти деньги пропиваютъ. Выстроенные мосты тоже не принимаютъ: по свидѣтельству оказалось, что вмѣсто желѣзныхъ болтовъ вбиты деревянные, мастеровыхъ по разнымъ постройкамъ больно плохо раздѣлываютъ: кому пять, кому десять рублей не додается. Купецъ у насъ тутъ есть, всякой всячиной изъ съѣстныхъ припасовъ торгуетъ, пріятель мнѣ немножко, приходитъ разъ ко мнѣ.

«— Я, говоритъ, Иванъ Семенычъ, къ тебѣ съ жалобой.

«— Что такое? говорю.

«— Да вотъ видишь, говоритъ, твой племянничекъ задолжалъ у меня въ лавкѣ на тысячу рублей, да и не платится; посылалъ было этто къ нему парня со счетомъ, такъ далъ только двадцать-пять рублей, а малаго-то разругалъ, да велѣлъ еще прогнать. Это, вѣдь, говоритъ, не хорошо!

«— Какое, говорю, хорошо!

«— То-то: говоритъ, поговори ты ему, а не то я и въ полицію на него пойду.

«Говорю я объ этомъ Дмитрію Никитичу.

«— О, дядюшка, это такая скотина, отвѣчаетъ онъ мнѣ:—что представить трудно. Я очень сожалѣю, что у него кредитовался, потому что у него все дрянь — гнилое и трухлое. Я теперь все буду изъ Ярославля выписывать.

«— Это, говорю, какъ ты хочешь, дѣлай, да старое-то надобно отдать.

Digitized by Google

«— Подождетъ; у меня денегъ теперь нѣтъ. Отдамъ, когда будутъ.

«По этому разговору у него, значитъ, нѣтъ денегъ. Но тѣмъ временемъ, извольте замѣтить, губернаторъ къ намъ на ревизію сбирается. Какъ ему такой случай пропустить? и тутъ же, не выходя изъ моей комнаты, вдругъ мнѣ говоритъ.

«— Я, говоритъ, дядюшка, ѣхалъ къ вамъ не за этими пустяками, а задѣломъ посерьёзнѣе. Гдѣ вы, говоритъ, губернатора думаете принять?

«— Квартира, говорю, у головы отведена, приготовлена.

«— Ахъ, говоритъ, дядюшка, какъже это возможно? Въ этакой грязи, какъ хотите, начальникъ губерніи.... Это неприлично, невѣжливо. Я хочу его просить остановиться у меня. Человѣкъ онъ мнѣ знакомый, очень милый, и вамъ, говоритъ, дядюшка, будетъ не лишнее; все-таки у роднаго племянника остановится.

«— Если, я говорю, для меня, такъ нехлопочи.

«— Ничего, говоритъ, дядюшка, не мѣшаетъ; только вотъ досадно, что я теперь совершенно безъ денегъ: эти торговые обороты обобрали меня на время совершенно. Не можете ли вы одолжить на мѣсяцъ или на два пять-сотъ, шесть-сотъ цѣлковыхъ?

«— Нѣтъ, говорю, Дмитрій Никитичъ; хоть зарѣжь, теперь у меня въ домѣ только десять рублей серебромъ, а если ты занимаешь для пріема губернатора, такъ не совѣтую; безъ тебя дѣло сдѣлается; никого не удивишь.

Digitized by Google

«Онъ мнѣ ничего на это не сказалъ и только понадулся за отказъ въ деньгахъ. Ну, я думаю, что отложитъ свое намѣреніе на этотъ разъ, однако нѣтъ-съ. Встрѣчаю я губернатора обыкновенно на границѣ; спросилъ онъ меня о чемъ слѣдуетъ, и говоритъ потомъ:

«— А что, говоритъ, Дмитрій Никитичъ Шамаевъ въ городѣ, или нѣтъ?

«— Въ городѣ, говорю, ваше превосходительство.

«— Везите меня, пожалуйста, прямо къ нему. Онъ меня просилъ остановиться у него, и я не хочу ему отказать въ этомъ; онъ такъ обязателенъ, говоритъ онъ мнѣ и потомъ обращается къ своему чиновнику, который съ нимъ ѣхалъ:— Вообразите, говоритъ, у жены собачка, которую и вы знаете, померла нынче зимой; Дмитрій Никитичъ какъ-то былъ въ это время у насъ, и вдругъ, не знаю ужъ, гдѣ могъ достать, презентуетъ намъ превосходнѣйшую левретку и, что мнѣ очень совѣстно, чрезвычайно дорогую; знатоки цѣнятъ ее въ двѣсти цѣлковыхъ.

«Прослушалъ все это я, и везу, куда мнѣ было приказано; но вышло такъ, что Дмитрій Никитичъ встрѣчаетъ насъ, вмѣстѣ съ городничимъ, еще на чертѣ города, повторяетъ свой зовъ, губернаторъ благодаритъ и приглашаетъ его съ собой въ коляску; поѣхали по городу. Мы, чиновники, руки по швамъ, прилипе языкъ къ гортани моей; а Дмитрій Никитичъ нашъ сидитъ съ губернаторомъ рядомъ, да поговариваетъ, и ви-

Digitized by Google

жу, что ему чрезвычайно лестно. Тутъ, конечно, обѣдъ-съ. На другой вечеръ балъ, человѣкъ сорокъ было, но изъ чиновниковъ, замѣтьте, только предводитель и я-съ, больше никого не позвалъ, а все набралъ помѣщиковъ по богатѣе, пріятелей, знаете, своихъ, какъ онъ ихъ называлъ. Очень мнѣ интересно знать, откуда онъ денегъ добылъ. Начинаю узнавать стороной, и по справкамъ оказывается, что умолилъ, уклонялъ свою супругу отдать ему приданые бриллiянты для погашенія какого-то экстреннаго дѣла, которые вмѣсто того заложилъ, да на эти деньги и исправилъ пиръ. А между тѣмъ на той же, кажется, почтѣ получается изъ губернскаго правленія указъ объ описи имѣнія штабсъ-ротмистра Шамаева за неплатежъ опекунскому совѣту. Я поѣхалъ сообщить ему эту новость, только дома, говорятъ, нѣтъ—въ Петербургъ-де уѣхалъ.

«— Какъ, говорю, въ Петербургъ уѣхалъ — и не простившись? а барыня гдѣ?

«— Старая, говорятъ, барыня не такъ здорова, тоскуетъ о Дмитріѣ Никитичѣ.

«Ну, Богъ съ ней, думаю, пускай ее тоскуетъ; мнѣ ужъ наскучило ее въ этомъ горѣ утѣшать и прошелъ къ Аленѣ Петровнѣ.

«— Что это, говорю, Дмитрій Никитичъ укатилъ въ Петербургъ? ради чего собрался такъ скоро?

«— По дѣлу, говоритъ, дяденька, уѣхалъ.

«— Дѣла, кажется, всѣ у него здѣсь; развѣ,

Digitized by Google

говорю, по вашему наслѣдственному иску, о которомъ онъ прежде говаривалъ?

«— Да, говоритъ, по этому.

«— Какого же рода, говорю, это наслѣдство? скажите мнѣ пожалуйста.

«Она этакъ усмѣхнулась.

«— Право, говоритъ, дяденька, не знаю хорошенько. Слышала, что намъ какое-то идетъ довольно большое наслѣдство; папенька сначала хлопоталъ о немъ, а потомъ бросилъ. Дмитрій Никитичъ, когда на мнѣ женился, сталъ папенькѣ говорить, чтобы онъ продалъ ему эту тяжбу; папенька и говоритъ: «Продавать я тебѣ не хочу, а хлопочи. Выиграешь, такъ все твое будетъ».

«— И Дмитрій Никитичъ надѣется выиграть?

«— Непремѣнно; онъ очень въ этихъ случаяхъ легковѣренъ.

«— Черезчуръ ужъ, говорю, легковѣренъ. Въ его лѣта и при его семействѣ это, пожалуй, и не простительно. Я давно, говорю, милая племянинка, хотѣлъ поговорить съ вами и спросить васъ: скажите мнѣ откровенно, богаты вы, или нѣтъ?

«— Тоже, говоритъ, дяденька, не знаю. Если, какъ Дмитрій Никитичъ увѣряетъ, такъ богаты, а если....

«И не докончила, знаете.

«— Послушайте, говорю, Елена Петровна, я съ вами буду говорить еще откровеннѣе: когда Дмитрій на васъ женился, обстоятельства его были очень разстроены; откуда онъ потомъ взялъ денегъ?

Digitized by Google

«— Ахъ, дяденька, говоритъ, какъ откуда! Онъ за мной въ приданое получилъ двадцать тысячъ серебромъ.

«— И на эти деньги онъ, конечно, и помахивалъ и, конечно, ужъ ихъ поубавилъ!

«— Поубавилъ? (смѣется). Врядъ ли не всѣ издержалъ!

«— Зачѣмъ же, я говорю, вы свои деньги, имѣя уже лѣтей, давали такъ транжирить?

«— Ахъ, дяденька, да что же я понимала? вышла за него семнадцати лѣтъ, была влюблена въ него до безумія, каждое слово считала закономъ для себя. Вы лучше скажите: какъ онъ папеньку уговорилъ? У насъ три сестры выданы, и онъ ни одному еще зятю не отдѣлилъ приданыхъ денегъ, а Дмитрію Никитичу до копѣйки всѣ отдалъ. Онъ его какъ-то убѣдилъ, что ѣдетъ въ Москву покупать подмосковную съ хрустальнымъ заводомъ, показывалъ ему какія-то письма; вмѣстѣ все они разсчитывали, какъ это будетъ выгодно. Съ этимъ мы въ Москву и ѣхали.

«— Отчего же, говорю, не купили? зачѣмъ дѣло стало?

«— Да мы никакой подмосковной и не видали, отвѣчаетъ она. — Дмитрій Никитичъ, пріѣхавъ, нанялъ огромную квартиру, познакомилъ меня съ очень многими, сталъ давать вечера, заставлялъ меня безпрестанно ѣздить въ театръ, въ собранія, а папенькѣ написалъ, что все куплено, и старикъ до сихъ поръ воображаетъ, что у насъ семьдесятъ душъ подъ Москвой и заводъ. Теперь,

Digitized by Google

какъ я начну писать къ папенькѣ, такъ онъ и умоляетъ, чтобъ я не проговорилась какъ нибудь, такой смѣшной!

«— Не смѣшной онъ, говорю, сударыня, а досадный, губитъ себя и свое семейство. Блажь какая-то у него все еще въ головѣ.

«— Именно, говоритъ, дяденька; о себѣ я не забочусь; чтобы тамъ докторъ ни говорилъ, а я очень хорошо знаю, что мнѣ не долго жить.

«— Къ чему же, говорю, моя милая Елена Петровна, такія мрачныя мысли имѣть? Въ ваши лѣта о смерти и думать еще не слѣдуетъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, дяденька, у меня есть вѣрное предчувствіе....

«И сама заплакала. Потомъ вдругъ, помолчавъ немного, беретъ меня за руку; слезы градомъ.

«— Дяденька, говоритъ, если я умру, не оставьте моихъ сиротъ и будьте имъ второй отецъ! Папенька далеко. Митя прекрасный, умный и благородный человѣкъ. Но онъ мало о дѣтяхъ будетъ думать.

«— Полноте, говорю, сударыня, что это за глупыя фантазія!

«Ну, и знаете, утѣшаю ее, какъ умѣю, однако она весь вечеръ почти проплакала и послѣ этого разговора еще болѣе съ нами сблизилась, почти каждый день видалася: то она у насъ, либо мы у нея. Отъ Дмитрія Никитича—проходитъ мѣсяцъ, проходитъ другой, проходитъ третій—ни строчки; въ домѣ, замѣтьте, не оставилъ ни копѣйки. Она мнѣ говоритъ объ этомъ.

Digitized by Google

«— Что мнѣ, говоритъ, дяденька дѣлать?

«— Дѣлать, говорю, то, что возьмите у меня пятьдесятъ цѣлковыхъ.

«Далъ ей; а дальше не знаемъ, какъ и жить будемъ, хотя продавать экипажи; однако вдругъ, совершенно неожиданно, присылаютъ сказать, что Дмитрій Никитичъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть. Ѣду. Нахожу его въ семьѣ своей между супругой, дѣтьми и матушкой, съ очень довольнымъ лицомъ, въ щегольскомъ этакомъ халатѣ— китайской матеріи, что ли? бархатомъ весь отдѣланный, точно какъ я вотъ, знаете, на модныхъ картинкахъ видалъ. Обнялись мы съ нимъ, поцаловались. Ну, сначала то и се: когда выѣхалъ? когда пріѣхалъ? Маменькѣ, конечно, при семъ удобномъ случаѣ нельзя не похвалить сынка.

«— Ужъ именно, говоритъ, Митенька жизни не щадитъ для своего семейства. Послѣ всѣхъ петербургскихъ хлопотъ скакалъ день и ночь, чтобы поскорѣе съ нами увидѣться.

«Что и говорить, думаю, про твоего Митеньку! А самъ, знаете, осматриваю комнату и вижу, что наставлены ящики, чемоданы, предъ дѣтьми цѣлый столъ игрушекъ — дорогія, должно быть: колясочки этакія, куклы на пружинахъ; играютъ они, но такъ-какъ старшему-то было года четыре съ небольшимъ, успѣли одному гусару ужъ и голову отвернуть.

«— Это, я говорю, видно, подарочки дѣтямъ, Дмитрій Никитичъ?

Digitized by Google

«— Да, говоритъ, нельзя не потѣшить. Впрочемъ, говоритъ, позвольте....

«Всталъ, знаете, и подалъ мнѣ какой-то ящикъ.

«— Не угодно ли, говоритъ, взглянуть?

«Открываю, вижу бритвенный приборъ: двѣнадцать англійскихъ бритвъ, серебряная мыльница, бритвенница, ящикъ чернаго дерева, серебромъ кругомъ выложенъ.

«— Какъ вамъ, дядюшка, это нравится?

«— Хорошъ, говорю.

«— Очень, говоритъ, хорошъ, изъ англійскаго магазина. А такъ-какъ, къ удовольствію моему, онъ вамъ приглянулся, а потому не угодно ли принять его въ подарокъ?

— «Что это, говорю, Дмитрій Никитичъ, какъ не совѣстно тебѣ? Да ты, говорю, и меня-то конфузишь. Это вещь сто-рублевая; а мнѣ тебя такимъ подаркомъ отдарить, пожалуй, и силъ не хватитъ.

«—Ну, говоритъ, дядюшка, этого нельзя сказать: я вамъ столько обязанъ, что мнѣ долго еще не отдариться. Вотъ вы, говоритъ, и въ теперешнее отсутствіе мое, обязали мою жену. Повѣрьте, говоритъ, все это чувствую и умѣю цѣнить.

«Убѣдилъ меня такимъ манеромъ: принялъ я.

«— Когда ужъ о подаркахъ рѣчь зашла, продолжалъ онъ: — такъ, говоритъ, обращаясь къ супругѣ своей:—похвастайся и ты, другъ мой, и покажи, какіе тебѣ привезъ.

«Она взглянула на меня и потупилась, однако

Digitized by Google

велѣла горничной подать. Приносятъ: первое,— шляпка; я такихъ, ей Богу, и не видывалъ ни прежде, ни послѣ, точно воздушная, а цвѣты, совершенно какъ живые, такъ бы и понюхалъ; тутъ бурнусъ, очень какой-то нарядный; кусковъ пять или шесть матерій разныхъ на платье. Осматриваю я все это.

«— Хорошо, говорю, очень хорошо.

«— А вотъ, говоритъ, кой-что и для дома, дядюшка: вотъ, говоритъ, очень любопытныя вещи.

«И самъ своими руками раскрываетъ одинъ изъ ящиковъ. Я сначала и не понялъ, что такое; какія-то тарелочки, вазочки, умывальникъ.

«— Это, говоритъ, дядюшка, нынче изобрѣли; изъ бумаги все дѣлаютъ. А вотъ говоритъ: тоже новое изобрѣтеніе.

«И опять открылъ самъ другой ящикъ.

«— Это, говоритъ, тисненая жесть, а потомъ бронзированная, для драпировки великолѣпная, не отличишь отъ золота и, если бы вы знали, какъ все это дешево—просто даромъ.

«— Неимовѣрно дешево, поддакиваетъ ему маменька и потомъ продолжаетъ:—а что же ты, говоритъ, Митенька, подарокъ мнѣ не хочешь показать!

«— Покажите, говоритъ, маменька.

«Старуха сама, знаете, пошла и съ торжествомъ приноситъ бархатную мантилью и шелковый капотъ, совсѣмъ сшитый. Я все, конечно хвалю.

Digitized by Google

«— Да, дяденька, вы вотъ все хвалите, а женѣ все не нравится, замѣчаетъ онъ.

«— Почему же ты думаешь, говоритъ та,—что не нравится? Я говорю только, что лишнее; у меня и безъ того много платья.

«— Мало ли, много ли, а все-таки вы должны меня поцаловать, возражаетъ онъ и беретъ ее, знаете, за руку.

«— Изволь, если ты хочешь, отвѣчаетъ она и поцаловала.

«— Это все хорошо, говорю, Дмитрій Никитичъ; только ты вотъ покупокъ-то накупилъ, а въ опекунскій совѣтъ, чай, не навѣдался. Имѣнье твое, говорю, описано, и всѣ ужъ бумаги отосланы.

«— Навѣдывался, говоритъ, дядюшка, только заплатить не успѣлъ. Небольшая сумма—восемь сотъ девять рублей серебромъ, съ первою же почтой вышлю отсюда.

«— То-то, говорю, не забудь какъ нибудь.

«А между тѣмъ этимъ своимъ пріѣздомъ онъ опять защекоталъ мое любопытство. Смертельно хочется узнать, въ какихъ онъ обстоятельствахъ.

«— Ты, Дмитрій Никитичъ, процессъ-то, видно, выигралъ? говорю я ему, оставшись съ нимъ вдвоемъ.

«— И нѣтъ, и да, дядюшка; двинулъ, по крайней мѣрѣ, и сдалъ одному господину хлопотать, отвѣчаетъ онъ мнѣ и какъ-то замялъ этотъ разговоръ.

«Но на эти же почти самыя слова входитъ че-

Digitized by Google

ловѣкъ и проситъ у него на что-денегъ. Онъ вынимаетъ бумажникъ, развертываетъ. Смотрю, полнехонекъ набитъ.

«— Ого, сколько у тебя государственныхъ-то! невольно, знаете, воскликнулъ я.

«— Да, говоритъ, деньжёнки есть.

«И съ этими словами начинаетъ выкидывать ассигнаціи, серіи, банковые билеты; тысячъ на десять серебромъ выкинулъ.

«— Откуда, говорю, любезный, столько пріобрѣлъ?

«— По разнымъ сдѣлкамъ, отвѣчаетъ, получилъ. У насъ всегда, говоритъ, будутъ деньги, потому что мы знаемъ, гдѣ они водятся, да и дома ихъ не держимъ долго въ заперти, не такъ, какъ вотъ нашъ почтенный дядюшка (это значитъ я), который, говоритъ, накопилъ кубышку и закопалъ ее въ землю; а мы сейчасъ все въ ходъ пускаемъ: вотъ эти тоже не засидятся долго дома, только теперь надобно обдумать, какъ бы съ ними поумнѣй и повыгоднѣй распорядиться.

«— Да, говорю, надобно ужъ разсчитать какъ нибудь получше. Отъ обѣдовъ, да отъ вечеровъ, ты хоть и разсчитываешь на нихъ, а врядъ ли получишь какіе нибудь барыши, кромѣ убытка?

«— Нѣтъ ужъ, говоритъ, дядюшка, баста будетъ, выучили. Никто изъ этихъ господъ куска хлѣба теперь не увидитъ. Я ихъ поилъ, кормилъ; они видѣли, какъ я живу; а когда меня встрѣтила нужда, такъ они мнѣ въ тридцати цѣлковыхъ имѣли духъ отказать.

Digitized by Google

«— Это ужъ, говорю, въ свѣтѣ такъ ведется; скажи-ка лучше мнѣ, что ты въ самомъ дѣлѣ думаешь дѣлать на эти деньги?

«— Имѣнье, говоритъ, хочу пріискать и купить; заводъ уничтожу, англичанина этого прогоню, потому что онъ только ладитъ, какъ бы себѣ карманъ набить, и стану, говоритъ, хлѣбопашествомъ заниматься. Хлѣбъ пахать — этотъ доходъ всего вѣрнѣй.

«— А я бы, говорю, Дмитрій Никитичъ, совѣтовалъ тебѣ не то: имѣнье ты покупай, это хорошо, но только оброчное; усадьба у тебя есть прекрасная, чего тебѣ еще больше заводить хлѣбопашества...

«И говорю ему, знаете, такимъ манеромъ, потому что съ хлѣбопашествомъ, думаю, онъ начнетъ опять какія нибудь агрономическія измѣненія, улучшенія, на которыхъ у насъ помѣщиковъ пять-шесть ужъ раззорилось. На этотъ мой совѣтъ подумалъ онъ немного.

«— Я думаю, говоритъ, такъ и сдѣлаю.

«— А если, говорю, ты это думаешь, такъ я, пожалуй, тебѣ и имѣнье пріищу, у меня есть подобное на примѣтѣ.

«— Хорошо, говоритъ, дядюшка, очень вамъ благодаренъ буду.

«Такъ мы съ нимъ на этомъ и положились. Однако случилось у меня тутъ очень много дѣлъ; кромѣ того, губернаторъ въ другой уѣздъ командировалъ разбойниковъ ловить, такъ-что я мѣсяца три дома и не бывалъ. Возвращаюсь потомъ

Digitized by Google

и вдругъ слышу, что Дмитрій Никитичъ мой ужъ съ покупочкой. И какого же рода эта покупочка вышла-съ? Нѣсколько лѣтъ назадъ, появился у насъ одинъ господинъ въ уѣздѣ, по фамиліи Курка, выходецъ, должно быть, какой нибудь, не русскій, маленькій, сутулый, обликъ лица какой-то свиной, глаза узенькіе — все внизъ смотрятъ, волосы черные, густые, стриженые, точно ермолка на головѣ, но умная и претонкая штука, оборотами тоже различными занимается, какъ и нашъ Дмитрій Никитичъ, только гораздо повыгоднѣй для себя. Купилъ онъ тутъ за безцѣнокъ пятнадцать душъ съ большими, впрочемъ, угодьями, къ которымъ еще присоединилъ и развелъ тутъ скотный дворъ— животинъ триста началъ держать, чтобы дѣлать сыры, сырный заводъ устроилъ. Но, какъ дальновидный плутъ, въ половинѣ этакъ, знаете, лѣта, сообразивши, что ни сѣна, ни хлѣба въ тотъ годъ не родится, пригласилъ Дмитрія Никитича къ себѣ въ гости, показалъ ему во всемъ блескѣ свое хозяйство, да и предложилъ купить. Тотъ сейчасъ же изъявилъ готовность и за семь тысячъ пріобрѣлъ. Я съ перваго раза, конечно, понялъ всю эту продѣлку, но говорить ужъ не сталъ — не поможешь. Затѣмъ наступаетъ, сударь мой, у насъ въ губерніи голодъ. Хлѣбъ поднялся до двухъ съ полтиной пудъ, сѣно пятіалтынный и двугривенный, соломы ржаной и яровой десять-двѣнадцать рублей овинъ, да еще и не найдешь. У Дмитрія Никитича въ новомъ

Digitized by Google

имѣньѣ съ 1 октября ни хлѣба, ни корму; значитъ, надобно на все денежки; а денежки Дмитрію Никитичу на другое нужны. Пріѣхалъ тогда въ городъ одинъ богатый московскій баринъ, охотникъ до скачекъ лошадиныхъ, устроилъ у насъ бѣгъ; такъ Дмитрію Никитичу нельзя утерпѣть. Сейчасъ же завелъ двухъ рысаковъ, гоняется, держитъ съ тѣмъ пари и, конечно, всегда проигрываетъ, потому что у того лошади съ московскаго бѣга—наѣзжанныя. Обѣдцы и вечера, хоть и закаивались, продолжаютъ идти прежнимъ порядкомъ. Ну, и пока мы такимъ манеромъ пріятно съ нимъ зиму проводимъ, новокупленнымъ нашимъ коровкамъ не такъ было, видно, весело: всю зиму, по новому изобрѣтенію, кормили ихъ чѣмъ-то въ родѣ пареныхъ щепокъ, а подъ ноги стлали, вмѣсто соломы, тоже по новой выдумкѣ —ельнику. Какъ пришла весна-матка, ни одна изъ трехъ сотъ животинъ и со двора не идетъ, едва столкали; а тутъ, какъ съ зимняго-то голоду отавы хватили, сначала одна ножки вздернула, потомъ другая, и сильнѣйшій падежъ, такъ-что я не успѣлъ даже вызвать ветеринара, въ недѣлю —ни-одной животины. А вслѣдъ же за этимъ хлопъ извѣстіе, что имѣнье въ опекунскомъ совѣтѣ продано; онъ и не думалъ посылать недоимки, о которыхъ я ему говорилъ, забылъ. Вотъ онъ какой печный и коммерческій человѣкъ. Ѣду я къ нему, онъ въ отчаяніи.

«— Дядюшка, говоритъ, я раззорился... я по-

Digitized by Google

губилъ все семейство... всѣ пойдутъ теперь по міру!

«Кричитъ, этакъ, на весь домъ, хватаетъ себя за волосы, кидается на диванъ, бѣгаетъ по комнатѣ.

«Бѣдная Елена Петровна сидитъ съ нимъ, плачетъ; старуха тоже въ отчаяніи, потому что Митенька встревоженъ, такъ боится, чтобъ не заболѣлъ.

«Сталъ было я его уговаривать.

«— Полно, говорю, Дмитрій Никитичъ, бѣсноваться. Пожалѣй ты хоть сколько нибудь свою супругу и мать.

«Ничего не слушаетъ, а тутъ еще... надобно же, впрочемъ, такое стеченіе непріятныхъ обстоятельствъ... приносятъ вдругъ письмо къ Еленѣ Петровнѣ отъ отца, въ которомъ онъ ее почти бранитъ. Во первыхъ узналъ, что подмосковной его обманывали, а главное за процессъ, который, оказывается, что Дмитрій Никитичъ по полной отъ тестя довѣренности хлопотать, продать и заложить, не будь глупъ, возьми да и продай одному адвокату за десять тысячъ все право. Эти-то самыя денежки изъ Петербурга и привезъ. «Я—пишетъ старикъ—довѣрялъ ему хлопотать для себя, а не продавать родоваго достоянія въ чужія руки». И заключаетъ тѣмъ, что пишетъ дочери: если ты, говоритъ, на вѣчно не хочешь лишиться моего родительскаго благословенія, такъ брось своего мужа и пріѣзжай съ дѣтьми ко мнѣ; иначе онъ васъ всѣхъ погубитъ.

Digitized by Google

Что дѣлать въ этомъ случаѣ бѣдной женщинѣ? Мужа, какой бы онъ ни былъ, все-таки она любитъ и любитъ истинно, а съ другой стороны отецъ, который, видно, старикъ съ гоноромъ. Къ несчастію, все это время она была опять беременна и такъ все это ее поразило, что въ ту же ночь разрѣшилась неблагополучно, мертвымъ младенецъ. Ну, а этакой случай и здоровыя женщины не всѣ переносятъ, а ей много ли надо: мѣсяца два потомилась и Богу душу отдала. Это новое несчастіе срѣзало его, какъ говорится, окончательно, и онъ совершено упалъ духомъ. Съ полгода никуда не ѣздилъ и къ себѣ никого, кромѣ меня, не принималъ. А дѣла между тѣмъ пошли все хуже и хуже: денегъ ни копѣйки, модные экипажи и щегольскія четверки сплыли за полцѣны въ разныя руки; домъ въ городѣ отовладѣли кредиторы и такимъ образомъ дошло до того, что принужденъ былъ переѣхать въ свое имѣнье на пятнадцать душъ съ почти-слѣпой отъ слезъ матерью и съ троими малютками, гдѣ и живетъ теперь. Распустилъ кой-кого изъ людей на оброки, да отдалъ свои угодья въ кортомы, только и доходу въ томъ-съ. Вотъ вамъ всѣ его подвиги и похожденія и вотъ, чѣмъ онъ былъ и до чего дошелъ, по милости глупаго фанфаронства своего: себя раззорилъ, жену безвременно свелъ въ могилу; старуху-мать, за всю ея любовь, поселилъ теперь почесть что въ холодной банѣ, негдѣ больше! Такая бѣдность, что я какъ-то по веснѣ заѣзжалъ къ нему въ эту его маленькую

Digitized by Google

усадебку, такъ и не глядѣлъ бы; но больше всего надсадили мое сердце эти трое несчастныхъ сиротокъ, бѣгаютъ безъ всякаго присмотра по улицѣ съ ребятишками, оборванные, неумытые. До сихъ поръ никакъ не могу отъ него добиться, чтобы онъ выхлопаталъ имъ метрическое свидѣтельство и прочіе документы, чтобы какъ нибудь ихъ въ казенныя-то заведенія можно было похлопотать. Въ настоящемъ положеніи дать ему мѣсто истинное благодѣяніе. Разскажите князю все, что я вамъ говорилъ, и попросите, что-бы онъ явилъ эту милость. Хоть, по крайней мѣрѣ, для семейства, заключилъ Иванъ Семеновичъ.»

— Очень хорошо, сказалъ я:—но вотъ въ чемъ, Иванъ Семенычъ, маленькое затрудненіе: какъ мнѣ говорить объ его бѣдности, когда онъ являлся къ князю одѣтымъ по послѣдней модѣ?

Иванъ Семеновичъ усмѣхнулся.

— Знаю-съ, отвѣчалъ онъ:—въ прошломъ мѣсяцѣ послѣднее имѣньишко заложилъ и сдѣлалъ себѣ гардеробъ. Такой ужъ у насъ съ нимъ характеръ: хоть въ желудкѣ и щелкъ, а на себѣ всегда будетъ шёлкъ.

III.

Возвратившись, я пересказалъ князю все, что слышалъ, и передалъ просьбу. Ивана Семеновича. Шамаеву дано было мѣсто. Но не больше какъ черезъ годъ у меня опять случился докладъ, и

Digitized by Google

опять дежурный чиновникъ возвѣстилъ: «Старшій чиновникъ особыхъ порученій Шамаевъ.»

Подождать, сказалъ князь, нахмурившись, и потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: — вашъ общій съ Иваномъ Семенычемъ протеже славный чиновникъ вышелъ.

— Что такое? спросилъ я.

— Ужасъ, что такое, отвѣчалъ князь: — онъ исполнялъ у меня порученія не больше полугода, и самыя пустыя, но первый же его шагъ состоялъ въ томъ, что онъ всѣмъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ началъ предписывать, и когда я ему замѣтилъ это, онъ мнѣ пренаивно объяснилъ, въ оправданіе свое, что, бывъ представителемъ моимъ въ уѣздѣ, онъ считалъ себя въ правѣ это дѣлать. Потомъ наконецъ, какъ хотите, собираетъ тамъ чиновниковъ, говоритъ имъ торжественныя спичи. Ко мнѣ обыкновенно пишетъ, по всѣмъ дѣламъ, коротенькія, дружественныя записочки, безграмотныя, безтолковыя, и я хоть не формалистъ, но въ то же время, помилуйте, эти бумаги останутся при дѣлахъ, и преемникъ мой, увидѣвши ихъ, будетъ имѣть полное право сказать: «что за чудакъ былъ губернаторъ, который съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій велъ дружескую переписку по дѣламъ?». И въ заключеніе всего, послалъ помимо меня въ Петербургъ нелѣпѣйшій проэктъ объ измѣненіи полиціи, который, конечно, не давши ему никакого хода, возвратили ко мнѣ; однако не

Digitized by Google

менѣе того, все-таки видѣли, какого гуся я держу около себя.

Проговоря эти слова, князь задумался. Видно, что онъ былъ очень сердитъ на Шамаева и собирался съ духомъ его распечь.

—Г-нъ Шамаевъ! проговорилъ онъ, наконецъ подойдя къ дверямъ.

Шамаевъ вошелъ, и первый началъ.

— Я, ваше сіятельство, явился донести вамъ, что всѣ возложенныя на меня порученія мною кончены.

— Знаю-съ, отвѣчалъ князь:—знаю даже, что вы вашу служебную дѣятельность распространили за предѣлы прямыхъ вашихъ обязанностей. Вотъ вашъ проэктъ! продолжалъ онъ, подавая Шамаеву толстую тетрадь.—Во первыхъ, вы не должны были его посылать помимо меня; а во вторыхъ, чтобы писать о чемъ-нибудь проэкты, надобно знать хорошо самое дѣло и руководствоваться здравымъ смысломъ, а въ вашемъ ни того, ни другого нѣтъ.

Шамаевъ покраснѣлъ.

— Изъ словъ вашего сіятельства и изъ послѣднихъ предписаній я вижу, что не успѣлъ угодить вамъ моей службой; впрочемъ, сколько имѣлъ усердія и по способностямъ моимъ... началъ было онъ.

— По вашимъ способностамъ, перебилъ князь: —я нахожу, что служба чиновника особыхъ порученій слишкомъ тѣсна и ограничена.

Шамаевъ еще больше вспыхнулъ.

Digitized by Google

— Затрашній день я буду имѣть честь представить вашему сіятельству прошеніе объ отставкѣ, сказалъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ князь.

Шамаевъ слегка поклонился и гордо вышелъ.

Въ тоже день вечеромъ былъ концертъ пріѣхавшихъ изъ Москвы цыганъ. Я поѣхалъ, Шамаева нахожу тамъ же. Послѣ концерта затѣяли ужинъ съ цыганами, на расходы котораго составилась подписка; Шамаевъ былъ однимъ изъ первыхъ подписавшихся. А потомъ, какъ водится, начался кутежъ; онъ, очень грустный, задумчивый, и, по видимому, не раздѣлявшій большаго удовольствія, однако на моихъ глазахъ раскупорилъ бутылки три шампанскаго, и, когда послѣ ужина Маша или Аксюша какая-то, предметъ всеобщаго увлеченія, закативши подъ самый лобъ свои черные глаза, и съ замирающимъ отъ страсти голосомъ, пропѣла: « Душа ль моя душенька, душа ль милъ сердечный другъ» и когда при этомъ одинъ господинъ, достаточно выпившій, до того исполнился восторга, что выхватилъ изъ кармана цѣлую пачку ассигнацій и бросилъ ей въ колѣно, и когда она, не ограничившись этимъ, пошла съ тарелочкой собирать посильную дань и съ прочихъ, Шамаевъ, не задумавшись, бросилъ ей двадцать рублей серебромъ.

Я посмотрѣлъ на него и подумалъ: это дѣлаетъ семьянинъ, у котораго на рукахъ трое, безъ всякаго присмотра, и, можетъ быть, полуголод-

Digitized by Google

ныхъ въ эту минуту, дѣтей, слѣпая мать, семьянинъ, которому только что отказали въ мѣстѣ почти единственной его надеждѣ для существованія, и дѣлаетъ не по особенному удовольствію, а потому только, чтобы не отстать отъ другихъ. Фанфаронъ! Фанфаронъ! повторялъ я мысленно слова Ивана Семеновича.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТАГО ТОМА.

Стр.

Тернистый путь. Романъ (*Т. Ч*). А. Марченко. 1

Шесть стихотвореній Роберта Борнса. Переводъ *М. Л. Михайлова* 125

Пикникъ во Флоренціи. *А. Н. Майкова* 134

Бесѣда журналиста съ подписчикомъ. Драматическая сцена *** 200

Два зайца. Дневникъ армейскаго офицера. *Е. Я. Колбасина*. 215

Фанфаронъ. Одинъ изъ нашихъ снобсовъ. Разсказъ исправника. *А. Ф. Писемскаго*. 256

Digitized by Google

Digitized by Google

ВП-58-6/17

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Digitized by Google

ВП-58-6/17

Digitized by Google